

Приложение к журналу
«Индекс/Досье на цензуру»

НЕВОЛЯ 41 2014

41

ISSN 1812-3541

НЕВОЛЯ

НЕВЮЛЯ

41 • 2014

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах	4
Юрий Александров Юридический практикум	6
Лев Левинсон Просвет в конце тоннеля	19
Борис Пантелеев Общественный контроль – умеренный оптимизм или скепсис правозащитников?	25
Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (октябрь – ноябрь 2014 года)	34
По материалам зарубежных СМИ Мир и тюрьма	46
Борис Земцов Домой	60

ИСТОРИЯ

Александр Сидоров На свободу – через царское окно	76
Александр Сидоров Маньяк в лифчике	85
Алексей Мокроусов Юлий Даниэль в кругу друзей: новая книга мемуаров	93
Алексей Мокроусов Труд в ГУЛАГе: что знать, как помнить	96
Алексей Мокроусов Что остается кроме тела	102
Михаил Ривкин Два года на Каме	110

Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.

Редакционный совет

Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Норвежский Хельсинкский
комитет

Учредитель:
Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Ответственный секретарь
Наталья Малыхина

Макет
Лев Михалевский

Обложка
Василий Валериус

Верстка
Анна Фролова

Бухгалтер
Наталья Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах

По состоянию на **1 декабря 2014 г.** в учреждениях УИС содержалось 671,7 тыс. человек (– 5161 человек к началу года), в том числе:

в 728 исправительных колониях отбывало наказание 553,08 тыс. человек (– 6,8 тыс. человек), в том числе:

– **в 129 колониях-поселениях** отбывало наказание 40,5 тыс. человек (+ 474 человека),

– **в 6 ИК для осужденных к пожизненному лишению свободы** отбывало наказание 1892 человека (+ 32 человека);

в 219 следственных изоляторах и 108 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов при колониях, содержалось 115,2 тыс. человек (+ 1208 человек);

в 8 тюрьмах отбывало наказание 1603 человека (+ 268 человек);

в 41 воспитательной колонии для несовершеннолетних – 1,8 тыс. человек (– 182 человека).

В учреждениях содержится 54,7 тыс. женщин (– 1035 человек), в том числе 44,6 тыс. осужденных, содержащихся в ИК, ЛИУ, ЛПУ, и 10,1 тыс. человек, содержащихся в СИЗО и ПФРСИ. При женских колониях имеется 13 Домов ребенка, в которых проживает 672 ребенка.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 133 больницы различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 58 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией.

В состав УИС также входят:

– 2488 уголовно-исполнительных инспекций, в которых состоит на учете 435,03 тыс. человек, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы (сведения указаны за 3-й квартал 2014 года);

– 16 государственных унитарных предприятий исправительных учреждений, 567 центров трудовой адаптации осужденных, 83 учебно-производственные мастерские.

При исправительных и воспитательных колониях функционируют 316 вечерних общеобразовательных школ и 547 учебно-консультационных пунктов, 306 профессионально-технических училищ, действуют 598 храмов, 703 молитвенные комнаты.

Штатная численность персонала УИС составляет 307,3 тыс. человек, в том числе аттестованных сотрудников – 218,2 тыс. человек (кроме того, переменный состав – 6,6 тыс. человек).

Медицинское обслуживание личного состава осуществляют 56 учреждений здравоохранения, в том числе 34 центра медицинской и социальной реабилитации, 14 больниц, 5 военно-врачебных комиссий и 3 санатория.

В составе УИС действуют **7 организаций высшего профессионального образования**, в том числе Академия права и управления, 3 института повышения квалификации, 32 учебных центра, научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательский институт информационных технологий.

Имеется Объединенная редакция, издающая журналы «Преступление и наказание», «Ведомости УИС», газету «Казенный дом».

Юрий Александров

Юридический практикум

Новое в законодательстве

Утверждено Типовое положение о дисциплинарной комиссии исправительного центра (*Приказ Минюста России от 06.08.2014 № 165 «Об утверждении Типового положения о дисциплинарной комиссии исправительного центра»*).

Типовое положение о дисциплинарной комиссии исправительного центра определяет порядок формирования и деятельности вышеуказанной комиссии. Такая комиссия является постоянно действующим совещательным органом при начальнике исправительного центра.

Определено, что основными задачами комиссии являются: установление факта нарушения осужденным к принудительным работам порядка и условий отбывания принудительных работ; выяснение причин и условий, способствовавших совершению осужденным нарушения порядка и условий отбывания принудительных работ; изучение и анализ личности осужденного и его предыдущего поведения; проверка правильности и полноты оформления материалов (рапорт или акт о выявленном нарушении; видео-, аудиозапись, при их наличии; свидетельства очевидцев допущенного нарушения; письменное объяснение осужденного либо акт о его отказе от дачи объяснения; характеристика на осужденного; справка об имеющихся у осужденного поощрениях и взысканиях); подготовка предложений начальнику исправительного центра или лицу, его замещающему, о применении к осужденному мер поощрения и взыскания; подготовка представления начальнику исправительного центра или лицу, его замещающему, о признании осужденного злостным нарушителем порядка и условий отбы-

вания принудительных работ при совершении осужденным злостного нарушения или при совершении им в течение года трех нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ.

После изучения представленных материалов комиссия вносит начальнику исправительного центра свои предложения, в том числе о признании осужденного злостным нарушителем порядка и условий отбывания принудительных работ. С решением комиссии осужденный ознакамливается под роспись.

Подписан закон, направленный на повышение эффективности борьбы с налоговыми преступлениями (*Федеральный закон от 22.10.2014 № 308-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»*).

С 7 декабря 2011 года действовал порядок, в соответствии с которым поводом для возбуждения уголовного дела о налоговых преступлениях служили только те материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Как подчеркивается законодателем, данный порядок являлся одной из основных причин низкой эффективности раскрытия налоговых преступлений. В связи с этим указанный порядок признан утратившим силу, и уточнена процедура возбуждения уголовных дел по данной категории преступлений.

В частности, предусмотрено, что уголовное дело об отдельных налоговых преступлениях может быть возбуждено следователем до получения из налогового органа ответа на сообщение органа дознания о налоговом преступлении при наличии повода и достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Россия ратифицировала договор с Вьетнамом о передаче лиц, осужденных к лишению свободы (*Федеральный закон от 4 ноября 2014 г. № 322-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам о передаче лиц, осужденных к лишению свободы»*).

Ратифицирован Договор между Россией и Вьетнамом о передаче лиц, осужденных к лишению свободы. Он подписан в Ханое 12 ноября 2013 года. Отметим условия передачи. Осужденный должен являться гражданином государства исполнения приговора. Есть его письменное согласие на передачу. Приговор является окончательным. Часть наказания, которая подлежит дальнейшему отбыванию, на момент по-

лучения запроса о передаче составляет не менее 1 года. Важно, чтобы в государстве исполнения приговора за совершенное преступление также предусматривалось лишение свободы.

Прописана процедура направления запросов о передаче. Центральным органом со стороны России выступает Минюст России. Со стороны Вьетнама – Министерство общественной безопасности.

Арест как вид наказания к несовершеннолетним не применяется (*Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 371-ФЗ «О внесении изменений в статью 54 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 69 и 72 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации»*).

Ранее в УК РФ вносились изменения, в соответствии с которыми арест был исключен из перечня наказаний, применяемых к несовершеннолетним. К последним относятся лица в возрасте до 18 лет. Однако в другой статье кодекса указывалось, что арест не назначается лицам, не достигшим к моменту вынесения судом приговора 16 лет. Внесенные поправки устраняют данное противоречие.

Кроме того, из УИК РФ убрали положения, устанавливающие особенности отбывания несовершеннолетними наказания в виде ареста.

Внесены изменения в законодательство, касающееся взрывчатых веществ (*Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 370-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»*).

Скорректированы УК, УПК, КоАП РФ и Закон о СМИ. Введена уголовная ответственность за хулиганство с применением взрывчатых веществ или взрывных устройств. Санкция – лишение свободы на срок от 5 до 8 лет.

Также введены статьи «Незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств» и «Незаконное изготовление взрывчатых веществ, незаконное изготовление, переделка или ремонт взрывных устройств». В первом случае будут наказывать лишением свободы на срок до 5 лет со штрафом в размере до 100 тыс. руб. или в размере дохода осужденного за период до 6 месяцев, во втором – лишением свободы на срок от 3 до 6 лет со штрафом в размере от 100 тыс. до 200 тыс. руб. или в размере дохода осужденного за период от 1 года до 2 лет. В обоих случаях прописаны квалифицированные составы в виде совершения группой лиц по предварительному сговору и организованной группой.

Также предусмотрено, что лицо, добровольно сдавшее указанные предметы, от уголовной ответственности освобождается.

Прописана ответственность за нарушение уставных правил несения внутренней службы лицом, входящим в суточный наряд части (кроме караула и вахты), если эти деяния повлекли утрату, уничтожение или повреждение находящегося под охраной наряда оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств либо предметов военной техники. Санкция – лишение свободы на срок до 5 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет или без такового.

В Закон о СМИ введен запрет на распространение в СМИ и информационно-телекоммуникационных сетях сведений, содержащих инструкции по самодельному изготовлению взрывчатых веществ и взрывных устройств. В КоАП РФ при этом предусмотрена ответственность за такое распространение.

Суды разъясняют

Лица, заключенные под стражу, отбывающие наказание в виде ограничения свободы, ареста, лишения свободы, имеют право на оказание медицинской помощи, при этом каждый пациент имеет право на допуск к нему адвоката.

ВС РФ признал недействующим с момента вступления решения в законную силу абзац 2 пункта 119 Порядка организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу, утвержденного приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ и Министерства юстиции РФ от 17 октября 2005 г. № 640/190, в части установления правового регулирования свиданий с больными, отбывающими наказание в местах лишения свободы и заключенными под стражу, с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи.

Суд, в частности, указал, что положения абзаца 2 пункта 119 Порядка были введены в действие не федеральным законом, а ведомственным нормативным правовым актом. Они ограничивают право лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы и заключенных под стражу, на получение юридической помощи при карантине, по другим санитарно-эпидемическим основаниям, а также если посещение больного может привести к ухудшению его здоровья или представлять угрозу его жизни и здоровью окружающих.

Согласно Федеральному закону «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» лица, заключенные под стражу, отбывающие наказание в виде ограничения свободы, ареста, лишения свободы, имеют право на оказание медицинской помощи, при этом каждый пациент имеет право на допуск к нему адвоката. Названный Федеральный закон, регулируя отношения в сфере охраны здоровья граждан, не устанавливает ограничений по допуску адвоката, если посещение больного может привести к ухудшению его здоровья или представлять угрозу его жизни, при карантине, по другим санитарно-эпидемиологическим основаниям.

Санитарно-эпидемиологических требований к порядку посещения адвокатами лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы и заключенных под стражу, Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» не устанавливает.

(Решение ВС РФ от 06.06.2014 № АКПИ14-472 – О признании частично недействующим абзаца второго пункта 119 Порядка организации медицинской помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу, утв. Приказом Минздравсоцразвития РФ № 640, Минюста РФ № 190 от 17.10.2005)

Подведены итоги работы Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ за первое полугодие 2014 года.

В обзоре приведены примеры применения обратной силы закона при переквалификации содеянного (по преступлениям, связанным с оборотом наркотиков).

Проиллюстрированы ошибки, допускаемые судами при квалификации некоторых преступлений. В частности, приведен пример, в котором приговор был отменен из-за того, что суд не установил, в чем выразились действия подсудимого по незаконному изготовлению оружия.

Выделены некоторые моменты, связанные с назначением судами наказаний в т. ч. по совокупности преступлений и приговоров. Так, указывается, что явка с повинной должна быть признана смягчающим наказание обстоятельством, несмотря на отказ от нее и непризнание вины.

Указаны некоторые особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних.

Относительно оказания юридической помощи адвокатами иностранного государства в России указывается следующее. Такое допускается только по вопросам права данного иностранного государства, если адвокат был зарегистрирован органом юстиции в спецреестре.

Отмечены некоторые моменты, связанные с производством в суде с участием присяжных заседателей. Вопрос о недопустимости доказательств суды должны рассматривать в ходе разбирательства в отсутствие присяжных заседателей. Прения сторон в таких процессах должны проводиться лишь в пределах вопросов, подлежащих разрешению присяжными. Отсутствие в вопросном листе сведений о событии преступления (день, месяц и год его совершения) и наличие противоречий в ответах присяжных заседателей могут повлечь отмену приговора. Непредоставление подсудимому последнего слова может также стать основанием для отмены приговора.

Рассмотрены определенные особенности производства по делам в отношении отдельных категорий лиц. Подчеркивается, что такой особый порядок возбуждения уголовного дела в отношении зарегистрированного кандидата в депутаты распространяется на него только на период его участия в выборах.

(Обзор практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ за первое полугодие 2014 года. Утвержден Президиумом Верховного суда РФ 2 июля 2014 г.)

Противоречит ли общепризнанным принципам и нормам международного права, в частности Европейским пенитенциарным правилам (ЕПП), положение абзаца 1 пункта 45 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 14 октября 2005 г. № 189, в том что касается помывки в душе не реже одного раза в неделю и продолжительностью не менее 15 минут?

С требованием признать недействующим это положение в ВС РФ обратился заключенный М. По его мнению, поскольку ЕПП предусматривают возможность ежедневной помывки заключенных, но не менее двух раз в неделю, то существующие условия содержания лиц в следственных изоляторах не отвечают сложившимся в обществе нормам гигиены, влекут нравственные страдания и приравняются к жестокому обращению и пыткам.

ВС РФ отказал в удовлетворении этого заявления заключенного М., указав, в частности, следующее.

Согласно статье 24 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» оказание медицинской помощи и обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия в местах содержания под стражей организуются в соответствии с

законодательством в сфере охраны здоровья. Администрация указанных мест обязана выполнять санитарно-гигиенические требования, обеспечивающие охрану здоровья подозреваемых и обвиняемых.

Абзац первый пункта 45 ПВР СИЗО в части, предусматривающей для подозреваемых и обвиняемых периодичность санитарной обработки не реже одного раза в неделю и время помывки в душе продолжительностью не менее 15 минут, не противоречит приведенным законоположениям, направлен на установление надлежащих санитарно-гигиенических требований в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы и гарантирует лицам, содержащимся под стражей, минимальное количество помывки в душе в течение недели. Данная норма не содержит запрета на увеличение количества санитарной обработки, помывки и продолжительность помывки, как ошибочно полагает заявитель, так как с учетом географических и климатических условий и при необходимости периодичность санитарной обработки, помывки и их продолжительность увеличиваются с соблюдением режимных требований в следственном изоляторе.

Таким образом, оспариваемые заявителем положения абзаца первого пункта 45 ПВР СИЗО не могут рассматриваться как не обеспечивающие лицам, содержащимся под стражей, необходимых правил гигиены в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы, не предполагают ненадлежащего обращения с указанными лицами и не являются дискриминацией и пыткой.

(Определение ВС РФ от 2.09.2014 № АПЛ14-347)

Конституционный суд РФ подтвердил конституционность запрета пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди детей.

Суд признал соответствующей Конституции РФ часть 1 статьи 6.21 КоАП РФ «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних», так как по своему смыслу она направлена на защиту конституционно значимых ценностей (семьи и детства), а также на предотвращение вреда здоровью несовершеннолетним, их нравственному и духовному развитию.

Суд пришел к выводу, что данная норма не предполагает вмешательства в сферу индивидуальной автономии, включая сексуальное самоопределение личности, не запрещает нетрадиционные сексуальные отношения и беспристрастное публичное обсуждение статуса сексуальных меньшинств.

По мнению Суда, противоправными могут быть признаны только публичные действия, целью которых является распространение информации, которая популяризирует среди несовершеннолетних или навязывает им нетрадиционные сексуальные отношения.

(Постановление КС РФ от 23.09.2014 № 24-П)

В своей жалобе в КС РФ гражданин М. оспаривает конституционность части 5 статьи 46 УК РФ, которая устанавливает, что в случае злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, за исключением случаев назначения штрафа в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки, штраф заменяется иным наказанием, за исключением лишения свободы; в случае злостного уклонения от уплаты штрафа в размере, исчисляемом исходя из величины, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки, назначенного в качестве основного наказания, штраф заменяется наказанием в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК РФ; при этом назначенное наказание не может быть условным. По мнению заявителя, оспариваемая норма нарушает его права, закрепленные в статьях 2, 17–19, 21, 33, 45, 46, 49, 55 и 123 Конституции России, поскольку предусматривает различные последствия злостного уклонения от уплаты штрафа, назначенного за совершение коррупционных и иных преступлений, допускает замену самого мягкого наказания (штрафа) самым строгим (лишением свободы) и не позволяет осуществлять замену штрафа другим наказанием, назначаемым условно.

КС в рассмотрении жалобы отказал, разъяснив следующее.

Лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части УК РФ, и с учетом положений его Общей части, а более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания; при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи (ч. 1 и 3 ст. 60 УК РФ).

Приведенные законоположения учитываются и при назначении штрафа в размере, кратном стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа, взятки. При этом статья 46 УК РФ предусматривает, что штраф, исчисляемый исходя из величины, кратной сумме коммерческого подкупа, взятки или сумме незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов, устанавливается в размере до стократной суммы коммерческого подкупа, взятки или суммы незаконно перемещенных денежных средств и (или) стоимости денежных инструментов, но не может быть менее 25 тысяч рублей и более 500 миллионов рублей (ч. 2); размер штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения осужденного и его семьи, а также с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода; с учетом тех же обстоятельств суд может назначить штраф с рассрочкой выплаты определенными частями на срок до 5 лет (ч. 3).

Вместе с тем злостное уклонение от уплаты назначенного штрафа (признаки такого уклонения определены в статье 32 УИК РФ) явно свидетельствует о невозможности достижения закрепленных частью 2 статьи 43 УК РФ целей наказания – восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. Поскольку же в настоящее время одной из системных угроз безопасности Российской Федерации признается коррупция (подпункт «а» пункта 7 Национальной стратегии противодействия коррупции, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 года № 460), включающая в себя дачу и получение взятки (подпункт «а» пункта 1 статьи 1 ФЗ от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»), предусмотренная частью 5 статьи 46 УК РФ замена штрафа, назначенного в качестве основного наказания за совершение коррупционного преступления, в случае злостного уклонения от его уплаты наказанием в пределах санкции, предусмотренной соответствующей статьей Особенной части УК РФ (в том числе статьей 290), направлена на достижение целей наказания и позволяет учесть законодательную оценку общественной опасности таких деяний.

Таким образом, оспариваемое заявителем законоположение не может расцениваться как нарушающее его права.

(Определение КС РФ от 17.07.2014 № 1794-О)

Можно ли обжаловать отказ в применении амнистии?

Отказ администрации пенитенциарного учреждения в применении к заключенному амнистии можно обжаловать, решил Конституцион-

ный суд РФ. Хотя ни постановление Госдумы об амнистии, ни Уголовный кодекс непосредственно не устанавливают порядок обжалования такого решения, суды в любом случае обязаны принимать жалобы осужденных на отказ в амнистии и рассматривать их по существу. В противном случае нарушалось бы положение Конституции, гарантирующее каждому судебную защиту его прав и свобод, говорится в определении КС по жалобе З.

(Определение КС РФ от 18.09.2014 № 1828-0)

Срок применения наложения ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми и гражданскими ответчиками по уголовному делу, должен быть ограничен.

КС РФ признал не соответствующими Конституции РФ положения частей 3 и 9 статьи 115 УПК РФ, в той мере, в какой этими положениями в системе действующего правового регулирования не предусматривается надлежащий правовой механизм, применение которого – при сохранении баланса между публично-правовыми и частноправовыми интересами – позволяло бы эффективно защищать в судебном порядке права и законные интересы лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или гражданскими ответчиками по уголовному делу, право собственности которых ограничено чрезмерно длительным наложением ареста на принадлежащее им имущество, предположительно полученное в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого.

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные на ограничение срока (продолжительности) применения наложения ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми и гражданскими ответчиками по уголовному делу, разумность и необходимость которого должны определяться судом в процедурах, обеспечивающих собственников арестованного имущества процессуальными правами, необходимыми для защиты их права собственности от необоснованного или чрезмерно длительного ограничения.

Впредь до внесения в действующее правовое регулирование надлежащих изменений, вытекающих из настоящего Постановления, суд при принятии решения об удовлетворении ходатайства органа предварительного расследования о наложении ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми и гражданскими ответчиками по уголовному делу, должен указывать в соответствующем постановлении разумный и не превышающий установленных законом

сроков предварительного расследования срок действия данной меры процессуального принуждения, который при необходимости может быть продлен судом. По уголовным делам, по которым наложение ареста на имущество уже применяется, вопросы, связанные с необходимостью его сохранения и сроком применения, подлежат разрешению судом по соответствующим жалобам или ходатайствам заинтересованных лиц. Продление срока наложения ареста на имущество осуществляется с учетом результатов предварительного расследования, свидетельствующих, в частности, о возможности применения по приговору суда конфискации имущества, на которое наложен арест, о необходимости его сохранности как вещественного доказательства по уголовному делу, а также позволяющих оценить, действительно ли арестованное имущество приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать (о чем приобретатель не знал и не мог знать), знал или должен был знать владелец арестованного имущества, что оно получено в результате преступных действий, причастен ли он к совершению преступления и подлежит ли привлечению к уголовной ответственности, возмездно или безвозмездно приобретено имущество, имеются ли основания для наложения ареста на имущество в соответствии с частью 1 статьи 115 УПК РФ для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, в том числе с учетом соблюдения правил о сроках исковой давности и привлечения владельца арестованного имущества в качестве гражданского ответчика.

(Постановление КС РФ от 21.10.2014 № 25-П)

Как поступать, если исчерпаны возможности кассационного или надзорного обжалования приговора?

Конституция РФ, гарантируя судебную защиту прав и свобод человека и гражданина, обеспечивает каждому право обжаловать в суд нарушающие его права и свободы решения и действия (бездействие) государственных органов и должностных лиц, а каждому осужденному за преступление – право на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном федеральным законом (статья 46, части 1 и 2; статья 50, часть 3).

Конкретизируя эти конституционные положения, федеральный законодатель на основании статей 71 (пункты «в», «о») и 76 (часть 1) Конституции РФ предусмотрел в части 2 статьи 19 УПК РФ право каждого осужденного на пересмотр приговора вышестоящим судом в порядке, установленном главами 45.1, 47.1, 48.1 и 49 данного Кодекса.

Пересмотр вступивших в законную силу приговоров в порядке надзора (глава 48.1 УПК РФ) предусмотрен в качестве дополнительного способа исправления возможной судебной ошибки и обеспечения законности судебных решений, который, имея исключительное значение, используется Президиумом Верховного суда России применительно к перечисленным в части 3 статьи 412.1 УПК РФ судебным решениям, когда неприменимы или исчерпаны все обычные средства процессуально-правовой защиты.

По своей конституционно-правовой природе пересмотр в порядке надзора судебных актов, вступивших в законную силу, предполагает установление особых оснований и процедур производства в данной стадии процесса, соответствующих ее предназначению; судебное решение, подлежащее обжалованию в порядке надзора, может быть изменено или отменено в этом порядке лишь в случаях, если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения уголовного и (или) уголовно-процессуального законов, повлиявшие на исход дела (часть 1 статьи 412.9 УПК РФ).

Правовая природа и предназначение надзорного производства предполагают единоличное рассмотрение судьей надзорной жалобы, представления как предварительную процедуру, введение которой обусловлено целью не допустить превращение суда надзорной инстанции в обычную (ординарную) судебную инстанцию и исключить передачу в суд надзорной инстанции явно необоснованных обращений. В случае, если по результатам изучения надзорных жалобы, представления не выявлены основания пересмотра судебных решений в порядке надзора, судья Верховного суда России выносит постановление об отказе в передаче надзорных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного суда России (пункт 1 части 2 статьи 412.5 УПК РФ). Однако принимаемое судьей по данному вопросу решение не является окончательным: Председатель Верховного суда России или его заместитель вправе не согласиться с постановлением судьи Верховного суда России об отказе в передаче надзорных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного суда России и вынести постановление об отмене указанного постановления и о передаче надзорных жалобы, представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании Президиума Верховного суда России (часть 3 статьи 412.5 УПК РФ).

При этом согласно правовой позиции Конституционного суда Российской Федерации судебная ошибка должна быть исправлена даже

тогда, когда она допущена при рассмотрении дела в той судебной инстанции, решение которой отраслевым законодательством признается окончательным в том смысле, что согласно обычной процедуре оно не может быть изменено.

Для случаев, когда исчерпаны все способы обжалования судебных решений в порядке надзорного производства, заявитель не лишен возможности в качестве дополнительного (резервного) способа обеспечения правосудности судебных решений использовать механизм пересмотра вступивших в законную силу судебных решений в процедуре возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств.

Как ранее указывал КС РФ, при установлении процессуальным законом порядка возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам как особой стадии судопроизводства, призванной устранить выявившуюся неправосудность приговора, недопустимо такое ограничение круга оснований для возобновления дела и такое ограничение полномочия судов по проверке этих оснований, которые делали бы невозможными исправление незаконного, необоснованного или несправедливого судебного решения и восстановление нарушенных им прав и законных интересов.

(Определение КС РФ от 18.09.2014 № 2099-О)

Просвет в конце тоннеля

В сентябре опубликован второй доклад¹ Глобальной комиссии по вопросам наркополитики.

На основе социологических, криминологических, экономических и других исследований в докладе доказывается, что полувековая мировая война с наркотиками превратилась в войну ради войны, не привела к снижению наркомании, наркотизма и преступности, а напротив, способствовала формированию мощных преступных сообществ, росту коррупции, что привело к бесчисленным человеческим жертвам и продолжает их множить. Люди становятся жертвами как самих наркотиков, так и борьбы с ними. Больше всего в сохранении режима запретов заинтересован наркобизнес, сверхдоходы которого – производное этих запретов. Вот только две цитаты из доклада:

«По данным 2005 года (берутся данные наиболее достоверного исследования. – Л.Л.), производство оценивалось в \$13 миллиардов, оптовая индустрия – в \$94 миллиарда, розничная – в \$332 миллиарда».

«Прибыль от стремительно растущих цен на нелегальные препараты мотивирует криминальные группы заниматься наркобизнесом, а наркозависимые люди вынуждены совершать правонарушения, чтобы платить за наркотики».

Гигантская разница между доходами производителей (крестьян, лабораторий) и доходами от продажи наркотиков – это цена риска. Такие доходы позволяют скупать полицию вплоть до инфильтрации и поглощения ее силами наркобизнеса. Запреты, жесткие уголовные санкции не приводят к декларируемым результатам – наркотиков и нарко-

¹ <http://www.gcdpsummary2014.com/index-ru/#ru-foreword-from-the-chair>

манов меньше не становится. Спрос формируется как сам по себе – социальной отторженностью людей, в основном молодых, не находящих места в жизни, так и агрессивным маркетингом, организуемым наркобизнесом. Одновременно и спрос порождает предложение, и предложение стимулирует спрос.

Выводы доклада подтверждают сказанное Львом Тимофеевым в работе «Наркобизнес: начальная теория экономической отрасли»: *«Запрет не останавливает рыночные операции, но лишь меняет условия, в которых они происходят, и сам становится решающим операциональным фактором. <...> Запретить рынок значит отдать запрещенный, но активно развивающийся рынок под полный контроль криминальных корпораций».*

О необходимости пересмотра прогибиционистской политики в отношении психоактивных веществ, ревизии международных конвенций 1961, 1971 и 1988 годов, на которых эта политика держится, говорится давно. С начала 80-х такую кампанию вела созданная в Италии Транснациональная радикальная партия – маргинальная с точки зрения политического истеблишмента организация. За изменение вектора наркополитики выступали такие выдающиеся интеллектуалы, как, например, Габриэль Гарсия Маркес. Звучали голоса и в России. Но сегодня позволить себе здесь такое вольномыслие может разве что Владимир Познер.

Общественная комиссия, имеющая при ООН консультативный статус – Глобальная комиссия по вопросам наркополитики, – впервые вывела критику существующих подходов и рекомендации по их решительному пересмотру на столь высокий уровень.

Комиссия образована в 2011 году в составе 22 политических и общественных деятелей. Их оппоненты (во всяком случае в РФ) пытаются представить комиссию ничего не значащим собранием выживших из ума «отставников-фантазеров», как обозвал их директор ФСКН Иванов. Поэтому «фантазеров» надо назвать поименно.

Это бывший генсек ООН Кофи Аннан, бывший Верховный комиссар ООН по правам человека Луиза Арбур, бывшие президенты Сесор Гавириа (Колумбия, либерал), Рут Дрейфус (Швейцария, социал-демократка), Фернандо Кардозо (Бразилия, социал-демократ, председатель Комиссии), Александр Квасневский (Польша, социал-демократ), Рикардо Лагос (Чили, социалист), Жорже Сампойю (Португалия, социалист), Эрнесто Седальо (Мексика, социалист), бывший премьер-министр Греции Георгиос Папандреу (социалист), бывший госсекретарь США Джон Шульц (республиканец), бывший председатель Федеральной

резервной системы США Пол Волкер, бывший мэр Праги Павел Бём, бывший министр иностранных дел Норвегии Торвальд Столтенберг, бывшая статс-секретарь Минздрава Германии Мария Касперс-Марк, бывший генсек НАТО Хавьер Солана, бывший генсек Международной торговой палаты Мария Каттаи, специальный докладчик ООН по ВИЧ Мишель Казачкин, пакистанская правозащитница Асма Джажанбир, банкир Джон Уайтед (США), предприниматель Ричард Бренсон (Великобритания) и два писателя – нобелевский лауреат Марио Варгас Льюса (Перу) и Карлос Фуэнтес (Мексика), скончавшийся в 2012 году.

Экс-президенты и другие бывшие высокопоставленные чиновники свободнее действующих в своих суждениях и, как никто другой, осведомлены об истинных «успехах» традиционной борьбы с наркотиками, о том, чего стоит эта борьба не только по строке бюджета.

В докладе Глобальной комиссии предложены системные изменения наркополитики, и все они заслуживают поддержки. Комиссия рекомендует:

- полностью декриминализовать потребление наркотиков и их хранение для личного употребления;
- сосредоточить усилия органов правопорядка на противодействии организованному криминальному структурам наркобизнеса;
- не применять лишение свободы к мелким уличным продавцам, фермерам, курьерам, ограничиваясь альтернативными мерами наказания;
- отказаться от принудительного лечения наркомании как неэффективного, освободить наркологию от полицейских функций в целях формирования доверия пациентов к медицинским службам и мотивировки к лечению;
- обеспечить приоритетное финансирование социальных и медицинских антинаркотических программ;
- «разрешать и поощрять эксперименты по легальному регулированию оборота веществ, являющихся сейчас незаконными, – каннабиса, а также листьев коки и некоторых психоактивных средств»;
- сделать максимально доступными для больных обезболивающие препараты, в том числе опиоидные;
- обсудить все это в 2016 году на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, дабы поменять репрессивную полицейскую политику на более гуманное и эффективное регулирование.

Авторы доклада не призывают взять и легализовать наркотики, как это представляется предвзятыми комментаторами. Речь идет об

исследовании, путем практических экспериментов, в странах, которые сочтут это возможным, целесообразности изменения правового статуса легких наркотиков (легких не потому, что от них хорошо и никакого вреда – вред несомненен, но легких только по сравнению с тяжелыми). Голландия, например, проводит такой эксперимент с 1976 года, а Индия просто игнорирует требования конвенций о запрете каннабиса.

Доклад же вообще не о том – не о легализации. Предложенная комиссией стратегия – стратегия выхода из тупика агрессивной войны с наркотиками, только активизирующей и наркопреступность, и наркотизацию. Чем более бесчеловечной война с наркотиками становится к людям, их принимающим, тем глубже загоняется в подполье эта социальная болезнь. Глобальная комиссия призывает отказаться от политики насилия и страха. И исходит она из того, что пакты и конвенции, гарантирующие права личности, имеют правовое первенство перед всеми другими международными договорами, в том числе перед Единой конвенцией о наркотических средствах.

Смягчение, очеловечивание наркополитики отнюдь не означает, что государства, международное сообщество расписываются в своем поражении, прячут голову в песок и умывают руки, отдавая молодежь на пожирание наркомафии. Речь идет о выработке реалистичной концепции. Популистская и утопичная политика, основанная на заклинании «мир без наркотиков», себя изжила. Но институты, созданные для борьбы за мир без наркотиков, разросшиеся и самодостаточные, существующее положение вполне устраивает. Рубить драконьи головы можно до бесконечности. Работы хватит на века. Звания, зарплаты, власть обеспечены (а с иной головой можно и договориться). Для демонстрации же достижений и оправдания своего существования в одну кучу с настоящими проблемами наркозависимости мешаются явления побочные, второстепенные, к наиболее опасным веществам приравняются менее опасные, и борьба ведется там, где светлее.

Яркую иллюстрацию сказанного представляет антинаркотическая деятельность правоохранительных органов РФ. Борьба идет широким фронтом. Наряду с героином наркоконтроль занимается таблетками для похудения, анаболическими стероидами, ртутью и прочими ядами, кондитерским маком, технической коноплей и даже ее изображением на пряжках, майках и зажигалках. Излюбленным местом дежурства полицейских являются кусты в местах произрастания дикорастущей конопли. Три года – за пакет конопли. Раскрываемость особо тяжких преступлений обеспечивается провокациями: хватают наркомана и

ловят на него других. Этаким горизонтальный метод борьбы с торговлей. Ловля мальков.

Отечественная наркология шагает под тем же флагом «мир без наркотиков», что в переводе на медицинский означает: «Каждого наркомана должно лечить до полного выздоровления». При этом официально признается, что из прошедших лечение в государственных наркологических клиниках годовая ремиссия достигается только у 5–7% «пролеченных» (и то, похоже, дикое преувеличение), а остальные возвращаются на круги своя. Юрий Шевченко, будучи министром здравоохранения при раннем Путине, с думской трибуны высказался по этому поводу так: *«Наркомания – болезнь неизлечимая! И если мы щадим больных, конечно же, даем надежду на излечение, то общество должно знать: наркомания – болезнь неизлечимая! Как только состоялась ломка, появилась явная зависимость, вылечить этого больного невозможно»*. (В скобках: теперь Юрий Шевченко – священник РПЦ и дает надежду на излечение верующим.)

Вылечить якобы невозможно (нет денег, нет коек, некогда, некому), но при этом заместительная терапия, поддерживающая и социализирующая наиболее проблемных наркозависимых, выводящая их из криминального подполья, служащая как раз этапом при плавном переходе к окончательному освобождению от зависимости, – запрещена и заклеяна в РФ, с тяжелой руки покойного академика Бабаяна как «наркотический паек» заместительная терапия проводится героиновым наркоманам во всем мире (метадоновые, бупренорфиновые и другие программы) – в том числе в Беларуси, Иране, Китае. Но не в России.

В таких условиях принудительное лечение наркомании, постепенно вводимое в РФ «вместо наказания», хуже любого наказания, хуже лишения свободы. В отличие от наказания уголовного, принудительное лечение не ограничено никакими сроками и фактически не регламентировано законом. При этом лечение наркомании разрешено в РФ только в государственных медицинских учреждениях (где вылечить, как признал министр, никого не могут). Негосударственная наркология вправе осуществлять постлечебную реабилитацию. Но это, как правило, платно.

Сартр писал: *«Институциональный психиатр, обращающийся с принудительно госпитализированными пациентами, занят делом, добродетельность которого настолько самоочевидна, что оправдывает самые подлые средства. Он обманывает, принуждает, лишает своих жертв свободы, загоняет их препаратами в ступор и разруша-*

ет ткани их мозга электрошоком. Уменьшает ли это доброту его работы? Ни в коей мере. Он сражается со злом».

Глобальная комиссия ставит знак равенства между уголовным наказанием и принудительным лечением наркоманов, рекомендуя отказаться и от того, и от другого.

Реакция ФСКН на доклад Глобальной комиссии была предсказуемо примитивной. Директор Иванов ограничился тем, что посоветовал «сторонникам легализации» летать самолетами, пилотируемыми наркоманами, и ложиться на стол к хирургам-наркоманам. С чего это он? Нигде в докладе нет и не могло быть и намека на отказ от предрейсовых осмотров и профессиональных ограничений для употребляющих наркотики, равно как и алкоголь. Как тут дискутировать?

Общественный контроль – умеренный оптимизм или скепсис правозащитников?

Место – Общественная палата РФ. Время – 15 апреля 2014 года. Действие – проведен круглый стол: «Карта наиболее неблагополучных территориальных органов ФСИН России с правозащитной точки зрения». Организатор – Комитет за гражданские права¹ при участии правозащитных организаций, в рамках работы постоянной комиссии по содействию ОНК и реформе пенитенциарной системы Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Принято решение о проведении совещания рабочей группы «КАРТАФСИН».

По поручению Президента РФ распоряжением Председателя Правительства РФ создана правительственная рабочая группа по корректировке положений реформы УИС². Очень важно, чтобы реформа не свелась к изменениям декоративного или, еще хуже, репрессивного характера, а способствовала решению реальных проблем соблюдения прав человека в УИС, а именно:

- отказу от рабского труда;
- созданию нормальных условий отбытия наказания;
- защите заключенных от пыток и жестокого обращения;
- разгрузке СИЗО;
- прекращению судебно-следственной волокиты;
- прекращению дискриминации представителей сексуальных меньшинств и иностранцев;

Б. Пантелеев – член ОНК Санкт-Петербурга, ответственный секретарь комиссии.

¹ Председатель организации (<http://zagr.org/>) – Андрей Бабушкин, член Президентского совета по правам человека.

² Уголовно-исполнительная система.

- защите заключенных от преследования за критику или правозащитную деятельность (что широко распространено);
- правовому просвещению заключенных (что почти никак не распространено);
- переводу их протестной активности в правовое поле.

Составление карты наиболее неблагополучных территориальных органов ФСИН России с правозащитной точки зрения позволит аккумулировать усилия общественных наблюдателей по нарушениям прав человека в УИС.

Комментарий автора. Такие карты, по мысли их создателей, позволят решать вопросы соблюдения прав человека в тюрьмах России поэтапно, с учетом показателей нарушений в указанном на карте регионе, а сотрудники надзорных ведомств за УИС и сами сотрудники УИС России благодаря этим картам смогут аккумулировать свои действия в соблюдении прав человека в конкретном регионе, минуя ненужные ежегодные проверки в наиболее благополучных регионах. Давно ведь уже не секрет – подобные ведомственные проверки деятельности УИС нередко носят достаточно формальный характер.

Проект «КАРТАФСИН» – начинаем³

Игорь Белехов, член ОНК Челябинской области, заместитель председателя комиссии⁴: «...Важной проблемой остается мотивация заключенных к труду. Сегодня в результате процесса гуманизации системы исполнения наказаний заключенным оказывается намного выгоднее не работать. Мало того, что они не возмещают ущерб потерпевшим от преступлений, так еще и содержатся за их счет, за счет налогоплательщиков...»

Комментарий автора. Думаю, что Челябинская область – один из самых проблемных регионов. Желая Игорю Белехову и его коллегам, чтобы в проекте «КАРТАФСИН» их регион упоминался лишь по вопросу трудовой занятости...

Недавно вместе с членом ОНК Санкт-Петербурга, заместителем председателя комиссии, Леонидом Агафоновым я посетил ИК-6 («Обухово»). Вначале зашли в участок колонии-поселения. Узнали, что даже

³ Информация взята с сайтов ГУЛАГУ.НЕТ и ОНК.РФ

⁴ zamok.bil@rambler.ru

после нашего обращения в прокуратуру города заключенных по-прежнему вынуждают носить тюремную робу и нагрудные знаки. Ладно, подождем официального ответа... Пройдя на территорию ИК-6, посетили помещения ШИЗО, ПКТ, СУС. Узнали, что пока никакой реакции на заявление одного из коллег (история с избивением осужденных, произошедшая около месяца назад) со стороны контролирующих инстанций не было со слов осужденных. Тот человек, в отношении которого мы с Леонидом подавали заявление в Следственный комитет (осужденный К.), сообщил, что к нему приезжали и из Прокуратуры, и из УСБ УФСИН Санкт-Петербурга и Ленинградской области, и из Следственного комитета. По сообщению осужденного К., все, о чем писал нам ранее, он подтвердил надзирающим инстанциям, но сообщил, что никаких претензий к администрации ИК-6 не имеет.

Что ж, такое бывает. Мы заранее готовы к тому, что далеко не каждый осужденный готов выдержать испытание медными трубами – такое пристальное внимание со стороны нескольких ведомств. Другое дело, что в дальнейшем, если с ним (не дай бог) что-то случится, то помочь ему будет несравненно сложнее.

Узнали, что осужденный Ч. находится в помещении ШИЗО уже почти целый месяц, и безвылазно. Осужденный В. обратился к нам с тем, что находится в ШИЗО на положении «Безопасное место», притом что ни устного, ни письменного заявления на помещение в БМ осужденный В. не давал.

Попросили начальника колонии (А.В. Езапенко) предоставить нам для ознакомления журналы регистрации заявлений осужденных и учета информации о происшествиях. Андрей Владимирович фактически отказал нам в праве, прописанном в ст. 16 закона об общественном контроле за местами МПС и МЛС, сообщив, что мы можем по данному поводу направить ему письменный запрос.

Всё занесли в журнал посещений членами ОНК, также составили акт о воспрепятствовании деятельности членам ОНК, готовим запросы.

Такое отношение к журналам типично не только для УФСИН Санкт-Петербурга. Пишет один из наиболее активных членов ОНК Москвы, Анна Каретникова, но уже не о журнале для посещений членами ОНК, а про журнал регистрации заявлений и жалоб заключенных: «...Я написала там сегодня в журнал красной ручкой. В СИЗО-2 вообще собираются соблюдать действующее законодательство, вести жалкие журналишки регистрации ненужных и бессмысленных заявлений спецконтингентика? СИЗО-2 – не ведутся журналы. СИЗО-2 – в принципе не доводятся права. Ни устно, ни письменно. СИЗО-2 – люди не могут

подать апелляционные жалобы... Какие апелляшки? Где образцы, которые есть уже практически во всех СИЗО Москвы? В СИ-2 люди не знают, что ручку могут попросить. А у сотрудников на посту лежит стопка чистой бумаги А-4, да только она неделями там лежит. А что выдают в камеры?..»

Комментарий автора. Но прохладное отношение некоторых сотрудников УИС к журналам, которые созданы самой же системой, заключается не только в этом. Смотрю в предыдущие записи, сделанные и мною, и моими коллегами в журнале посещения членами ОНК Санкт-Петербурга, и не понимаю ничего. В лучшем случае после наших записей поставит отметку «Ознакомился» заместитель начальника учреждения, иногда сам начальник. Реже вижу запись: «Приняты меры» (в некоторых СИЗО Санкт-Петербурга). Но вот какие именно меры приняты – тайна сия велика есть. А в других учреждениях в лучшем случае поставит подпись какой-нибудь инспектор жилой зоны (при всем понимании важности этой должности). А то и этого не будет. Ну так для кого мы пишем-то? Объективности ради отмечу: в питерском УФСИН ввели обязанность перепечатывать то, что пишут в журналах члены ОНК Санкт-Петербурга и вкладывать в сам журнал. Очевидно для удобства прочтения проверяющими. Ну да, существование и ведение этого журнала никак не прописано в 76-м ФЗ РФ⁵, а в ведомственном документе, обязывающем ввести этот журнал, регламентация существования и ведения этого журнала прописаны слабо и нечетко. Однако если эти звезды зажигают, то для кого и для чего?

Продолжаем по «КАРТАФСИН». Осужденный ИК-5 (г. Чита) 35-летний Руслан Абубакаров заявил, что его избил в помещении дежурной части замначальника колонии. Об этом говорится в пресс-релизе Забайкальского правозащитного центра, опубликованном на сайте «Медиазона». По словам осужденного Абубакарова, 19 марта 2014 года майор внутренней службы Валерий Фоминых без объяснения причин втащил его в помещение дежурной части и стал бить по голове и телу. После этого он приковал осужденного к батарее и продолжил избивать. Затем сотрудник колонии приказал Руслану Абубакарову раздеться догола и присесть, а после сорвал с него нательный крест и начал топтать ногами.

Комментарий автора. Думаю, в таких ситуациях правозащитно-му десанту неплохо бы брать с собой профессионального и неведомственного психолога. Чтобы психолог сделал свое отдельное заключение по результатам собеседования с такими вот фоминых и заключение это (о степени адекватности опрашиваемого) приобщалось к общим выводам комиссии...

Следователь по особо важным делам следственного отдела по Ингодинскому району Читы Алдар Баясхаланов отказал матери осужденного (Неля Абубакарова) в возбуждении уголовного дела. По мнению следствия, факт незаконного применения физической силы к осужденному не нашел своего подтверждения.

Однако в материалах проверки указывается, что 19 марта после конфликта Абубакарова обследовали врачи, которые выявили и зафиксировали «гипермию на коже скуловых дуг с обеих сторон». В тот же день у осужденного был зафиксирован ушиб левой голени, в связи с чем врач исправительного учреждения ему выписал направление на рентген. Юристы Забайкальского правозащитного центра намерены через суд обжаловать постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

А вот выдержки из отчета ОНК Башкортостана: «...Мы, нижеподписавшиеся члены ОНК РБ, заместитель председателя ОНК РБ Жукова А.Р., члены ОНК РБ Булатова З.И., Дворников К.В. 07 декабря 2013 года посетили ФКУ ИК-7 ГУ ФСИН России по РБ.

Прибыли в учреждение в 10 час. 30 мин., о проверке уведомили за 40 минут до прибытия. На улице нас встретил и.о. начальника учреждения Годов и заместитель начальника Назмуханов, сказавшие, что им надо провести проверку на родственные связи членов ОНК РБ с осужденными и это займет часа три-четыре, мы должны подождать, но при этом документы, удостоверяющие наши личности, не взяли. Мы прекрасно понимали, что это сделано для того, чтобы нас не пустить. Альмира Жукова позвонила в Москву Владимиру Осечкину, Михаилу Сенкевичу, а Зиля Булатова – Марии Валерьевне Каннабих и только после вмешательства этих людей в 12.00 часов нас пустили в колонию. На наш взгляд, администрация пыталась нас не пустить на проверку до приезда сотрудников ГУ ФСИН, а именно Аптуса В.Л. и Петрова А.П. Мы считаем, что сотрудники ГУ ФСИН РФ по РБ грубо воспрепятствовали деятельности членов ОНК РБ. После обеда прошли в ОСУОН, где находилось 7 человек осужденных, которые в это время работали и рассказали нам, что у них 8-часовой рабочий день, а получают зарплату от 18 до 50 рублей... Норма у них по 168 кг на человека, которую, с их

слов, просто невозможно выполнить, и ее никогда и никто не выполнял. Мы обратились к руководству и попросили принести экономические выкладки расчета нормы, но нам отказали, сказав, чтобы мы писали запрос и тогда они нам ответят.

Осужденный Габдрахимов М. Н. рассказал, что попал в ШИЗО из-за того, что поменял спальное место без разрешения сотрудников. На стенах камеры, в которой он содержится, имеются пятна сырости. Когда Жукова А.Р. стала спрашивать, имеется ли сырость в данной камере и почему мокрые стены, ее тут же перебил заместитель начальника Назмуханов и сказал, что осужденный недавно мыл стены. Осужденный Габдрахманов промолчал, а нам стало стыдно за администрацию, что они не стесняются такие вещи говорить при осужденных, которых они согласно УИК должны исправлять и желательно своим примером. Мы попросили пригласить сотрудника, который отвечает за состояние камер. Нам ответили, что нам надо ехать в Ростехнадзор и там все узнавать.

Осужденный Панов В.В. рассказал нам, что пока он шел к нам, сотрудники колонии спрашивали его, в связи с чем он идет на прием, пытаюсь, на его взгляд, таким образом на него воздействовать. Панов пояснил, что осужденных избивают и он опасается за свое здоровье и за свою жизнь...»

Выдержка из недавнего отчета ОНК Мордовии после посещения ФКУ ИК-5 (колония для бывших сотрудников): «...Основные вопросы: условия проживания, медицина, труд. Все обращения и заявления приняты для рассмотрения по существу и будут направлены в соответствующие государственные органы. ОНК Республики Мордовия рекомендует руководству УФСИН России по Республике Мордовия немедленно обратиться во ФСИН России о решении вопроса о недопущении превышения лимита наполняемости осужденных для отбывания наказания в ФКУ ИК-5. Другие рекомендации руководству ИК-5:

- рассмотреть возможность приобретения холодильников и телевизоров, так как их явно недостаточно для таких масс осужденных;
- установить сроки для ликвидации аварии на канализации возле 6 отряда;
- установить контроль за состоянием туалетов.

Хотелось бы отметить положительные характеристики данного учреждения:

- помещение отделения МСЧ-13 в данном учреждении отремонтировано и оборудовано в текущем году;

– руководство колонии открыто для общения с членами ОНК РМ, для обращений осужденных и заинтересовано в улучшении условий содержания спецконтингента.

Члены ОНК Республики Мордовия Сабитов Ш.Р., Марьин С.Т.».

ОНК Хабаровского края начнет свою работу с СИЗО. Председатель комиссии Лидия Левина сообщила корреспонденту ИА AmurMedia (17. 10. 2014 г.): *«На следующей неделе мы планируем побывать в нескольких СИЗО, сейчас у нас уже есть несколько жалоб от родственников, осужденных из Комсомольска-на Амуре и Хабаровска».* Исполнение обязанностей между тем пока затруднено. У краевой ОНК все еще нет офиса в Комсомольске-на-Амуре и, следовательно, адреса, на который можно отправлять соответствующую корреспонденцию. Члены ОНК, избранные в сентябре 2014 года (ОНК действует в крае с 2009 года), сразу заявили о намерении «прописаться» в Комсомольске-на-Амуре, а не в Хабаровске, чтобы быть ближе к своим подзащитным, находящимся вдали от краевой столицы.

Делай, что надо, и пусть будет, что будет

Говорит Елена Елисеева (ОНК Ростовской области): *«Самоочевидно, что ОКО ГОСУДАРЕВО не может не иметь прав контроля за всеми госучреждениями, где вопрос касается прав человека. Лучше позже, чем никогда, но этот вопрос должен быть решен положительно. И еще есть вопрос, который, я уверена, волнует не только меня, но решение его мы непростительно затягиваем, – это создание при ОП РФ Постоянной комиссии по разрешению конфликтных ситуаций в ОНК и защите правозащитников, добросовестно выполняющих свою миссию. На заседании Думы 26.05.14 г. я эту идею озвучила и предложила кандидатуру В. Осечкина возглавить эту комиссию. Но пока тишина. Трудно жить и сражаться за правое дело, когда ты оказываешься в ситуации "один против всех"... Прошу меня поддержать».*

Отказ от помощи адвокатов и правозащитников в условиях ИУ

Говорит Сергей Охотин, член ОНК Кемеровской области: *«...России нужно срочно, в корне, менять систему расследования преступлений насильственного характера, совершаемых в местах лишения свободы в отношении осужденных. Современные реалии показывают неспособность следственных органов в рамках, определенных уголовно-процессуальным законом, эффективно расследовать насильственные преступления, совершаемые сотрудниками ИК по отношению к осужденным. Лицо, отбывающее наказание, у нас лишено права на*

защиту от преступлений, такой человек может быть в любой момент избит, изнасилован, убит. Жизнь и судьба осужденного находится всецело в руках руководства ИУ. Начальника колонии, как и во времена ГУЛага, называют “Хозяин”, поскольку от его усмотрения будет зависеть, как будет жить тот или иной ээк и будет ли жить вообще. Огромное количество латентных насильственных преступлений, совершаемых в ИУ, никогда не расследовалось и не будет расследовано. Преступники полностью уверены в своей безнаказанности, совершают все новые и новые преступления, порой это происходит ежедневно, с перерывами лишь на выходные дни. Отдельные, редкие исключения, когда уголовное дело против преступников в погонах доходит до суда, как в случае с Артемом Сотниковым, лишь подтверждает общее правило.

При этом далеко не всегда “преступники в погонах” сами “мараят” руки, в большинстве колоний отлажена и действует опирающаяся на актив колонии система насилия и вымогательства. СДП отменен, но он нигде не исчез, теперь это пожарные, дневальные, завхозы, которые калечат по указанию администрации колонии других осужденных и организуют поборы. По сути, действующая система идентична схеме хорошо организованного преступного сообщества, действующего внутри УИС. И следователи СК выступают тут не как должностные лица, призванные расследовать преступление и защитить пострадавшего, а как “адвокаты” преступника в погонах – ставя своей задачей не допустить уголовного преследования.

Вокруг преступников в погонах выстроена целая система защиты укрывателей преступлений: тюремные медики, прокуратура по надзору, «карманные» ОНК и не в последнюю очередь сами следователи СК. Сами пострадавшие зачастую забиты и запуганы, путем насилия их заставляют писать заявления, принуждают к отказу от адвокатов и правозащитников, либо лишают доступа к адвокату по медицинским показаниям, вынося адвокату “писульку” от тюремного врача».

Но есть и давняя проблема профессионализма и добросовестности адвокатов. Комитетом за гражданские права (<http://zagr.org/>) разработаны алгоритмы защиты от защитников. Основные из них - узнать биографию адвоката (не работал ли ранее следователем или прокурором, сколько лет адвокатской практики и сколько при этом выигранных дел у него или хотя бы со смягчением приговора и т. д.), составить договор, в котором четко и детально прописать, чего именно ожи-

дает клиент от адвоката (переквалификации статьи, изменения меры пресечения). Надо понимать, что типовой договор, заключенный с клиентом, фактически ни к чему адвоката не обязывает. Поэтому оплату работы адвоката производить поэтапно и строго по результату. Вежливо, но настойчиво просить адвоката, чтобы он как можно чаще держал своего клиента в курсе происходящего, в частности, проговаривал подетально линию защиты и возможные варианты развития событий. Не стесняться наведываться к председателю адвокатской коллегии по спорным вопросам, которые сам адвокат не решает или решать не хочет.

Что ж, после всего этого остается с умеренным оптимизмом предположить, что таких оценок, как у меня или Сергея Охотина, среди правозащитников будет все меньше и меньше.

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений в местах заключения (октябрь – ноябрь 2014 года)

Калужская область

2 октября 2014 года

Начальник отдела исправительной колонии признан виновным в получении взятки, превышении должностных полномочий и мошенничестве. Собранные следственными органами Следственного комитета РФ по Калужской области доказательства признаны судом достаточными для вынесения приговора 26-летнему начальнику отдела одной из исправительных колоний Калужской области. Он признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 290 УК РФ (получение взятки за незаконные действия), ч. 1 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий) и ч. 3 ст. 159 УК РФ (мошенничество).

Следствием и судом установлено, что в 2012 году сотрудник исправительной колонии получил в качестве взятки ноутбук стоимостью 16 тысяч рублей и деньги в сумме около 60 тысяч рублей. За это вознаграждение сотрудник разрешал одному из осужденных пользоваться мобильным телефоном, содействовал в передаче запрещенных предметов и предоставлении незаконных свиданий. Помимо этого, сотрудник изъясил у одного из осужденных мобильный телефон, однако акт об изъятии не составил, а передал телефон в пользование своей знакомой. Кроме того, этот же сотрудник получил от родственников осуж-

денного телевизор, холодильник, диван угловой и мотороллер общей стоимостью более 120 тысяч рублей, пообещав осужденному посодействовать о снятии его со строгих условий содержания, в то время как это не входит в его служебные полномочия. Часть этих вещей была обнаружена в ходе обыска в квартире тестя сотрудника колонии, который на момент совершения преступлений исполнял обязанности начальника этой колонии.

О преступлении стало известно в ходе расследования уголовного дела в отношении жены осужденного, которая привлекалась к уголовной ответственности за хищения. Женщина пояснила, что совершала преступления, чтобы добыть деньги на взятки сотруднику колонии. Оперативное сопровождение по делу осуществлялось УФСБ по Калужской области.

Приговором суда сотруднику колонии назначено наказание в виде 4,5 года лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима и штрафа в размере 3 миллионов рублей.

Мордовия

6 октября 2014 года

К правозащитникам обратились родственники осужденных, отбывающих наказание в колониях Республики Мордовия, которые предоставили общественникам информацию по факту избиения осужденных в ряде колоний республики.

По их сведениям, в конце сентября сразу в нескольких колониях УФСИН России по Республике Мордовия был введен сводный отряд специального назначения. Из объяснений осужденных стало ясно, что спецназ УФСИН действовал жестко, а избиения осужденных продолжались длительное время.

По сообщениям осужденных в одной из колоний:

«Около 10 часов утра в нашу камеру пришли сотрудники УФСИН и вывели для проведения обыска. Заключение М. сотрудник ИК-1 Чу-даев А.А. повел для личного обыска в отдельную комнату. В комнате находилось еще пять сотрудников спецназа. Они велели заключенному раздеться и снять трусы, после того, как заключенный отказался снимать нижнее белье, присутствующие в комнате сотрудники стали избивать осужденного М. Заключение сбили с ног и стали пинать ногами и избивать спецсредствами. После экзекуции заключенного в голом виде поместили в камеру ШИЗО. В этой камере не было света и было очень холодно. В таком виде заключенного продержали 2 дня. Кроме осужденного М. в колонии были избиты другие заключенные».

В другой колонии происходило следующее:

«После утренней проверки, в камерах ЕПКТ сводный отряд проводил обыскные мероприятия, заключенных выводили из камер. В камерах во время обыска все переворачивали, сотрудники начали забирать вещи, положенные заключенным по закону. Осужденный Г. возмутился по этому поводу, на что сотрудники УФСИН отвели заключенного в дежурную часть и стали избивать. Били по всем частям тела, в том числе по голове. От нанесенных побоев заключенный потерял сознание. Тогда его облили холодной водой, когда он пришел в чувство, его снова начали избивать. Очнулся уже в камере с разбитой головой и телесными повреждениями».

Другого осужденного Х. вывели из камеры в дежурную часть и без причины стали избивать. Разбили голову, нанесли множественные побои по всему телу. После потери сознания его отнесли в камеру.

Как сообщили родственники осужденных, всего в тот день было избито сотрудниками УФСИН по РМ четыре человека, двум из них разбили головы и нанесли множественные телесные повреждения.

По свидетельствам очевидцев, истязаниями заключенных руководили сотрудник УФСИН России по РМ Турулин, сотрудники ИК-10: Гнутов Александр Владимирович, Изотов Виктор Николаевич. Больше всех в избиениях «лютовал» сотрудник ФКУ ИК-22 УФСИН России по РМ капитан Вешкин Евгений Николаевич.

Еще в одной колонии Республики Мордовия около 15 человек в знак протеста против избиений порезали себе вены, но, невзирая на это, избиения продолжились. В последствии избитых посетили сотрудники УФСИН России по РМ: Семаков, Валгапкин, Назаров и предложили заключенным написать заявления на тех, кто их избивал. Заключенные отказались, заявляя, что они будут давать все показания только в присутствии адвокатов или правозащитников. Сотрудники УФСИН по РМ предупредили заключенных об уголовной ответственности за дачу ложных показаний».

Правозащитники совместно с экспертами фонда «В защиту прав заключенных» выехали в мордовские колонии для проведения юридических консультаций осужденным.

Мордовия

7 октября 2014 года

В ИК-14 выявлены многочисленные нарушения. В ходе прокурорской проверки деятельности исправительного учреждения ФКУ

ИК-14 УФСИН России по Республике Мордовия выявили многочисленные нарушения. Прокурором республики вынесено представление об устранении нарушений и привлечении к ответственности виновных должностных лиц, сообщили в пресс-службе прокуратуры РФ.

«В ходе проведенной проверки выявлены многочисленные нарушения правил охраны труда в административных и производственных помещениях учреждения, требований пожарной безопасности, санитарно-гигиенических и противозидемических требований, обеспечивающих охрану здоровья осужденных», — говорится в сообщении.

Напомним, в сентябре прошлого года, во время своего пребывания в ИК-14 Мордовии участница группы Pussy Riot Надежда Толоконникова объявила бессрочную голодовку. По ее словам, протестная акция была инициирована в связи с угрозами со стороны замначальника колонии № 14 Юрия Куприянова. В ответ на требование отменить 16-часовой рабочий день и устранить плохие условия труда женщин в швейном цехе Куприянов ответил: «Тебе уже точно никогда не будет плохо, потому что на том свете плохо не бывает». Также, по словам активистки, осужденные открыто говорили, что у них есть санкция от администрации на физическую расправу над ней.

Совет по правам человека при Президенте РФ, с целью проверки деятельности колонии, организовал поездку комиссии в исправительное учреждение. В ходе проверки информация Толоконниковой частично подтвердилась, как следует из отчета, опубликованного на портале СПЧ по итогам поездки. Однако в декабре на том же ресурсе опубликовали письмо замдиректора ФСИН РФ Николая Колесника председателю президентского Совета по правам человека Михаилу Федотову о том, что жалобы активистки панк-группы Pussy Riot Надежды Толоконниковой на массовые нарушения закона и ненадлежащие условия содержания осужденных в мордовской колонии № 14 не нашли подтверждения в ходе проверок.

В возбуждении дела по заявлению Толоконниковой было отказано, а впоследствии заключенную перевели в другую колонию Красноярского края.

В феврале текущего года замначальника мордовской колонии Юрий Куприянов подал иск о защите чести и достоинства против бывшей заключенной, участницы скандальной панк-группы Pussy Riot Надежды Толоконниковой. Куприянов потребовал от Толоконниковой опровергнуть сведения о рабском труде в мордовской колонии. В исковом заявлении он указал, что считает порочащими его честь и достоинство отдельные заявления из ее письма. Замначальника колонии потребовал опровергнуть их и взыскать с ответчицы полмиллиона рублей.

По словам представителя Толоконниковой, правового аналитика Межрегиональной правозащитной ассоциации «Агора» Дамира Гайнутдинова, Норильский городской суд отказал в полном объеме заместителю начальника ИК-14 Мордовии Юрию Куприянову и самой колонии в исках к Толоконниковой «в связи с недоказанностью».

Костромская область

15 октября 2014 года

Бухгалтер УФСИН со своими долгами рассчитывалась деньгами заключенных. **В Костромской области сотрудница ИК №7 УФСИН подозревается в совершении хищения с использованием своего служебного положения.**

В отношении женщины возбуждено уголовное дело. По версии следствия, в 2013–2014 годах она, используя свое служебное положение, присвоила более 600 тысяч рублей, которые предназначались для выплат на проезд осужденных и единовременные пособия при их освобождении.

Присвоенные деньги женщина спокойно тратила на личные нужды и на погашение кредитов. СК РФ сообщает, что уголовное дело возбуждено на основании материалов, представленных региональным управлением ФСИН России. В настоящее время проводятся следственные действия, направленные на установление всех обстоятельств произошедшего. Расследование уголовного дела продолжается.

Иркутская область

17 октября 2014 года

Родственники заключенных ангарской колонии пожаловались на избиения. Управление ФСИН по Иркутской области резко отреагировало на заявления родственников заключенных об избиениях в исправительной колонии № 2 Ангарска, обвинив участников протестных акций в попытке дестабилизации.

Волнения у ворот колонии, расположенной в пригородной промышленной зоне, начались утром 17 октября. Около 40 гражданских лиц собрались на площадке перед КПП, возмущаясь по поводу предполагаемого избиения осужденных спецназом, которое якобы имело место на днях.

Как утверждали родственники осужденных, на территорию зоны вошел спецназ областного пенитенциарного ведомства. Матери и жены

утверждали, что их близкие были жестоко избиты и получили телесные повреждения различной степени тяжести. По их словам, силовики в касках и со щитами применяли резиновые дубинки.

Участники стихийной акции заявили о намерении обратиться за помощью в аппарат президента России, к губернатору Иркутской области и правозащитникам, настаивая на явном нарушении закона. Как отмечает издание, это не первый случай, когда к подчиненным начальника областного управления ФСИН генерала Павла Радченко возникают претензии по поводу нарушений прав заключенных.

Руководство колонии заверило родственников заключенных, что в ИК-2 имели место «профилактические мероприятия», а его заместитель сказал, что у осужденных в присутствии прокурорских работников «были сняты побои». Позднее пресс-служба ведомства распространила сообщение, в котором участники акции были обвинены в дезинформации и дестабилизации обстановки в учреждении.

«Поводом для подобной акции могли послужить режимно-профилактические мероприятия, которые проводились в ИК-2 во вторник, 14 октября. В ходе обысковых мероприятий семь осужденных оказали злостное неповиновение законным требованиям сотрудников и отказались от проведения личного обыска. Агрессивное поведение осужденных было пресечено сотрудниками колонии, нарушений законности при этом допущено не было. После осмотра врачом установлено, что медицинская помощь никому из нарушителей не потребовалась. Стоит отметить, что в жилой зоне колонии и помещениях больницы обыски проводились силами сотрудников колонии, спецназ не применялся», – утверждают во ФСИН.

Как следует из сообщения, в течение двух дней, 15 и 16 октября, в колонии работали сотрудники ангарской прокуратуры по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях, они обошли помещения штрафного изолятора, камеры, отряд строгих условий содержания, жилые зоны, больницу и колонию-поселение. «В ходе проверки не было выявлено фактов избиения, о которых говорят родственники осужденных», – подчеркивают в ведомстве. Прокуратура Иркутской области пока не комментирует ситуацию.

«ГУ ФСИН России по Иркутской области напоминает, что режимно-профилактические мероприятия с проведением обысков проводятся в исправительных учреждениях регулярно. По итогам обысковых мероприятий у осужденных изымаются запрещенные предметы, в том числе средства мобильной связи, которые могут быть использованы для совершения новых преступлений», – указано в пресс-релизе.

Стоит отметить, иркутские колонии с печальной регулярностью дают поводы для скандалов и обсуждений. Так, весной в Приангарье одного из заключенных забили до смерти, о чем сообщали «АиФ». А два года назад ангарская колония № 15 оказалась на грани бунта. Около 50 эзков, протестуя против регулярных побоев и унижений, вскрыли себе вены. Тогда урегулировать ситуацию удалось только после визита в исправительное учреждение Валерия Лукина, уполномоченного по правам человека в Прибайкалье.

Пермский край

24 октября 2014 года

За неисполнение законных требований прокурора начальник медицинской службы ФСИН привлечен к административной ответственности. Пермская прокуратура по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях проверила обращение осужденной о нарушении ее права на охрану здоровья.

Установлено, что осужденная ФКУ ИК-18 ГУ ФСИН России по Пермскому краю, являясь трудоустроенной на производстве, в период с 07.05.2013 года по 24.02.2014 года находилась на стационарном лечении в Больнице № 1 Федерального казенного учреждения здравоохранения «Медико-санитарная часть № 59 ФСИН России».

По окончании лечения ей выдан листок временной нетрудоспособности только за 2013 год, поскольку с 01.01.2014 года медицинские части исправительных учреждений Пермского края утратили данное право, в связи с чем лицензии на осуществление медицинской деятельности подлежат переоформлению.

Несмотря на данный факт, лечебное учреждение ФСИН обязано было решить вопрос о выдаче соответствующим полномочным медицинским учреждением документа, подтверждающего нахождение осужденной в указанный период на лечении.

По результатам проверки прокурор внес представление начальнику ФКУЗ «Медико-санитарная часть № 59 ФСИН России», в котором потребовал устранить нарушения прав осужденной, однако в течение установленного законом срока соответствующие меры со стороны руководства лечебного учреждения не были приняты.

В связи с этим прокуратурой в отношении начальника ФКУЗ «Медико-санитарная часть № 59 ФСИН России» возбуждено административное дело, предусмотренное ст. 17.7 КоАП РФ (неисполнение законных требований прокурора в отношении начальника Федерального

казенного учреждения здравоохранения «Медико-санитарная часть № 59 ФСИН России»).

Постановлением мирового судьи Индустриального района г. Перми указанное лицо признано виновным и привлечено к административной ответственности в виде штрафа.

В настоящее время нарушения прав осужденной устранены.

Мордовия

29 октября 2014 года

В ИК-18 ряд руководителей привлечены к дисциплинарной ответственности.

В адрес правозащитных организаций Российской Федерации регулярно стали поступать сообщения из Мордовских лагерей о массовых избиениях осужденных.

Зная, что в Республике Мордовия Общественная наблюдательная комиссия (ОНК) не хочет обращать внимания на очевидные факты нарушения прав человека и расследовать случаи жестокого обращения с заключенными в мордовских колониях, было принято решение о выезде 5 октября 2014 года мобильной правозащитной группы в составе директора НП «ПРАВОВАЯ ОСНОВА» Алексея Соколова, адвоката Романа Качанова и экспертов Фонда «В защиту прав заключенных» Ларисы Фефиловой и Олеси Саенко и провести независимое общественное расследование.

ФСИН России провела свою проверку. Ее итоги – на сайте ФСИН:

30 сентября 2014 года в ИК-18 на основании графика обыскных мероприятий сводными отрядами УФСИН России по Республике Мордовия проводились плановые обыски в штрафном изоляторе и помещениях камерного типа колонии. Во время обыска у осужденных были изъяты запрещенные предметы, в том числе сим-карты и зарядные устройства для сотовых телефонов, электрические провода, бритвенные лезвия и т.д.

В связи с тем, что 14 осужденных при проведении их личного обыска оказали сопротивление, на основании действующего законодательства сотрудники сводного отряда применили к ним специальные средства ПР-73.

После проведения мероприятий все участники беспорядков осмотрены медицинскими работниками, состояние их здоровья удовлетворительное, опасности для жизни и здоровья нет, показаний для госпитализации не установлено. По факту применения специальных средств к осужденным Зубово-Полянским межрайонным следственным отделом Следственного управления Следственного комитета Российской

Федерации проводилась проверка, по результатам которой вынесены постановления об отказе в возбуждении уголовных дел.

Однако при проведении служебной проверки ФСИН России было установлено, что во время обысковых мероприятий, в нарушение требований указаний службы, сотрудниками ИК-18 УФСИН России по Республике Мордовия не была обеспечена видеорегистрация мероприятий на видеорегистратор.

В соответствии с приказом УФСИН России по Республике Мордовия за нарушение служебной дисциплины, выразившееся в неисполнении требований указаний ФСИН России, в части обеспечения видеорегистрации обысковых мероприятий, пять руководителей ИК-18 привлечены к различным видам дисциплинарной ответственности – выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном соответствии, понижение в должности.

Волгоградская область

7 ноября 2014 года

Младший инспектор штрафного изолятора колонии-поселения № 27, забивший до смерти отбывавшего наказание осужденного, **и фельдшер** исправительного учреждения, не оказавший пострадавшему своевременную и качественную помощь, **предстанут перед Ленинским районным судом Волгоградской области.**

Как сообщили в пресс-службе прокуратуры Волгоградской области, в ходе следствия было установлено, что в июне 2014 года сотрудник колонии избил резиновой дубинкой содержащегося в колонии-поселении № 27 осужденного. Фельдшер учреждения не оказал пострадавшему помощь в полном объеме, в результате чего осужденный скончался. Младшему инспектору предъявлено обвинение в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью и превышении должностных полномочий с применением насилия и спецсредств, фельдшер обвиняется в причинении смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей.

Расследование уголовного дела проводилось Среднеахтубинским МРСО СУ СК России по Волгоградской области. Уголовное дело направлено в Ленинский районный суд для рассмотрения по существу.

Казань

18 ноября 2014 года

В исправительной колонии № 18 Казани начата проверка по факту суицида: 28-летний осужденный повесился на трубе отопления в раздевалке отряда.

Самоубийство произошло в минувшую субботу, 15 ноября, передает «Открытое информагентство» со ссылкой на Казанский правозащитный центр. Колонию уже посетили члены Общественной наблюдательной комиссии (ОНК) Татарстана Николай Архипов и Эльмира Игнатьева. Они выяснили, что погибший не имел конфликтов с другими осужденными и администрацией.

По данным ОНК, это уже шестой суицид осужденного в учреждениях УФСИН РФ по Татарстану. В ИК-18 по факту случившегося начата проверка.

Свердловская область

20 ноября 2014 года

В Сысерти **проводится доследственная проверка по факту смерти гражданина в здании ОВД**. Вечером 18 ноября 2014 года в задании Межмуниципального отдела МВД России «Сысертский» после доставления в связи с совершенным административным правонарушением скончался местный ранее судимый житель 1971 г.р. По данному факту Сысертским межрайонным следственным отделом СК России по Свердловской области организовано проведение доследственной проверки.

Предварительно установлено, что мужчина был доставлен в здание ОВД, поскольку находился в общественном месте в состоянии сильного алкогольного опьянения. В помещении для работы с задержанными во время составления административных материалов гражданину стало плохо. Полицейские начали оказывать мужчине первую медицинскую помощь и вызвали «скорую помощь». К моменту прибытия бригады медиков гражданин потерял сознание, в связи с чем с ним стали проводить неотложные реанимационные мероприятия. К сожалению, спасти жизнь мужчины не удалось.

Предварительно установлено, что видимых телесных повреждений на теле гражданина не имеется. Проведенное исследование показало наличие в крови мужчины высокой концентрации алкоголя.

В настоящее время сотрудниками Следственного комитета и полиции проводится комплекс необходимых мероприятий, направленных

на установление всех обстоятельств произошедшего. Для определения точной причины смерти гражданина назначена и проводится судебно-медицинская экспертиза. В рамках доследственной проверки, среди прочих обстоятельств, будет выясняться, насколько своевременно и в полном объеме мужчине оказывалась необходимая неотложная помощь. Также будет устанавливаться, где он приобретал спиртное, которое, возможно, послужило причиной его гибели.

По результатам доследственной проверки следователем Следственного комитета будет принято процессуальное решение.

Курганская область

24 ноября 2014 года

Сотрудник исправительной колонии № 2 УФСИН России по Курской области избил заключенного Б. Об этом Агентству гражданской журналистики РИГУС сообщил родственник пострадавшего.

По его словам, 11 ноября 2014 года насильственные действия в отношении осужденного камеры номер четыре штрафного изолятора совершил дежурный по смене Никулин. Причиной конфликта послужил факт наличия у заключенного тапочек, которые, по мнению администрации, отбывающим наказание не положены. В результате указанных противоправных действий К. Барскому были нанесены повреждения, которые соответствующим образом были зафиксированы терапевтом медицинской части.

Родственник Барского сообщил, что после инцидента администрация исправительного учреждения сама инициировала проверку органами прокуратуры с целью исказить последовательность и мотивы произошедших событий и не допустить допроса осужденных, которые в момент происшествия находились в камере и могли бы дать свидетельские показания по данному вопросу.

Также, по мнению родственника пострадавшего, в момент обыска и насильственных действий сотрудник учреждения не проводил видеofиксацию, что является грубым нарушением.

Брянская область

24 ноября 2014 года

Задержан сотрудник брянской колонии, продававший экам героин. Оперативники регионального УФСБ пресекли канал поставки героина из Подмоскovie в брянские исправительные учреждения.

Проверив информацию о причастности к сбыту героина сотрудника колонии № 1, чекисты совместно с сотрудниками службы собственной безопасности УФСИН задержали его и еще двоих жителей Брянска. Все трое были взяты с поличным при попытке доставить наркотики на территорию ИК-1. У одного из подозреваемых изъяли 50 граммов героина. Кроме того, правоохранители установили осужденных, которым предназначался криминальный товар.

Возбуждено уголовное дело по статье «Покушение на незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере». Ведется следствие.

Волгоградская область

25 ноября 2014 года

Генеральная прокуратура России провела проверку соблюдения законности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Волгоградской области. Об этом сообщает пресс-служба надзорного ведомства.

В ходе проверки были выявлены многочисленные нарушения, большинство из которых связано с ненадлежащим материально-бытовым и медико-санитарным обеспечением заключенных. Так, в ходе проверки всех следственных изоляторов было установлено, что в 50 камерах не соблюдается установленная законом норма санитарной площади в четыре квадратных метра. Перенаселенность камер характерна и для некоторых колоний. Кроме того, помещения СИЗО № 1 не соответствуют санитарно-гигиеническим требованиям: не хватает унитазов и умывальников, отсутствует помещение для хранения верхней одежды. Запираемые камеры не оборудованы противопожарной сигнализацией.

Есть претензии у генеральной прокуратуры и к воспитательной работе. Администрациями колоний не производится изъятие у заключенных запрещенных вещей, при помощи которых совершается каждое второе правонарушение. Кроме того, в учреждениях отсутствует материально-техническая база для организации и проведения воспитательной работы с осужденными.

Результаты проверки были направлены директору ФСИН и министру юстиции. 90 сотрудников территориального органа уголовно-исполнительной системы привлечены к дисциплинарной ответственности.

По материалам зарубежных СМИ

Мир и тюрьма

Франция: 38 лет в тюрьме

22 января французские средства массовой информации опубликовали сенсационную новость: 59-летний Филипп Эль-Сеннави, который 38 лет провел в заключении, в ближайшие дни будет освобожден условно-досрочно. Во Франции Эль-Сеннави является человеком, который больше всех провел времени за решеткой. Вообще же он должен был выйти из тюрьмы в 2032 году, когда ему исполнилось бы 78 лет. Но в марте 2013 года президент Франсуа Олланд применил к нему акт помилования, сократив срок наказания, что и позволило Эль-Сеннави ходатайствовать об УДО. Суд его ходатайство удовлетворил. Эль-Сеннави обязан будет носить электронный браслет, ему также запрещено покидать жилье после 21.00. Он также должен соблюдать ряд других требований и конечно же постоянно отмечаться у инспектора службы пробации.

Впервые Эль-Сеннави, отец которого – египтянин, а мать – француженка, попал за решетку в 1975 году и был приговорен к пожизненному заключению за грабеж и взятие заложников. Впоследствии приговор был изменен: ему назначили 20 лет лишения свободы. Будучи освобожден через несколько лет условно-досрочно, он нарушил правила освобождения и вновь попал в тюрьму, откуда несколько раз бежал. Когда его вновь задержали, выяснилось, что «побегушник» страдает рядом психических заболеваний. Его помещают в психиатрическую больницу для заключенных. Эль-Сеннави не успокоился (а может, препараты, которыми его лечили, не оказали нужного воздействия). Проведя в «психушке» 5 лет, он опять совершил побег. В 2005 году его ловят. За время пребывания на свободе Эль-Сеннави успел совершить ряд серьезных преступлений, в основном грабежей, и по двум судебным решениям был приговорен к 10 и к 13 годам тюрьмы.

В 2013 году ряд представителей интеллигенции, включая известных ученых и писателей, обратились к президенту Франции Франсуа Олланду с просьбой помиловать Эль-Сеннави, который, по их словам, стал «символом бесконечно длящегося наказания». По мнению тех, кто ходатайствовал о помиловании, Эль-Сеннави имеет все предпосылки для успешной ресоциализации: у него есть семья, друзья, и ему уже нашли работу.

Сможет ли «вечный заключенный» прижиться на свободе, покажет время.

Великобритания, Австралия и Филиппины: вместе ликвидировали преступную сеть

Международное расследование, в котором участвовали полицейские из Филиппин, Великобритании и Австралии, позволило ликвидировать сеть педофилов, которые насильно вовлекали в свои неприглядные дела филиппинских детей, заставляя их участвовать в сексуальных сценах. Затем порнофильмы распространялись с помощью Интернета.

Во время этой операции, получившей название «Усилие», были арестованы 29 человек, 11 из которых граждане Филиппин. По сообщению Национального британского агентства по борьбе с преступностью (НСА), в рамках проводимых еще трех расследований по этому делу, были идентифицированы 733 подозреваемых, из которых 139 являются гражданами Британии. По данным НСА, из рук педофилов были спасены 11 детей в возрасте от 6 до 15 лет, которых силой и угрозами заставляли сниматься в порнофильмах.

«Эта операция явилась составной частью наших усилий, направленных на борьбу с этим злом – распространением с помощью Интернета сексуальных злоупотреблений в отношении детей», – заявил Гилберт Соса, глава подразделения филиппинской полиции по борьбе с киберпреступностью.

«Вовлечение несовершеннолетних в съемки порнофильмов является одной из главных проблем на Филиппинах. Зачастую в эти преступления вовлечены и родители детей», – добавил он. По словам г-на Сосы, крайняя бедность заставляет многих детей и молодых людей заниматься проституцией или идти работать в так называемые «притоны киберсекса» – места, откуда идет прямая трансляция в Интернет.

По данным местной полиции, этих притонов, где детей заставляют заниматься сексом перед веб-камерами, транслирующими изображение на компьютеры педофилов, особенно много на острове Себу (центральный остров Филиппинского архипелага).

Международная полицейская операция «Усилие» была начата в 2012 году после того, как в компьютере одного британского педофила было обнаружено и изъято огромное количество непристойных изображений с детьми, пояснили в NSA.

Этот мужчина, которого зовут Тимоти Форд, в марте 2012 года был приговорен к восьми с половиной годам тюрьмы, а спустя четыре месяца и его сообщника Томаса Овенса также отправили в «места не столь отдаленные».

Оба педофила платили деньги за право смотреть прямые трансляции, во время которых дети подвергались сексуальному насилию.

По данным NSA, 29 подозреваемых в этих преступлениях были арестованы благодаря сотрудничеству между властями 12 стран. Из 17 британских подданных, являющихся участниками этой преступной сети, пятеро уже приговорены к различным тюремным срокам, а в отношении еще 9 человек расследование продолжается.

По мнению сотрудников NSA, сексуальное насилие над несовершеннолетними в развивающихся странах представляет «значительную и явную» угрозу.

«Крайняя нищета, растущая доступность к широкополосному доступу в Интернет, а также наличие многочисленных зарубежных богатых потребителей этого порока взяты на заметку организованной преступностью, которая с целью наживы эксплуатирует детей», – предупреждает NSA.

«Нашим приоритетом является защита жертв от этого насилия, а это означает, что мы должны атаковать все звенья этой преступной цепи, начиная с организованных преступных групп, главной целью которых является извлечение финансовой выгоды, до клиентов, которые оплачивают эти преступления», – заявил Энди Бейкер, вице-директор подразделения по защите детей, созданного в NSA.

В рамках этого международного расследования федеральная полиция Австралии провела 6 обысков, по результатам которых были арестованы трое граждан этой страны. Как уточнили в полиции, «двое мужчин были арестованы в Западной Австралии, еще один – житель Сиднея – был задержан полицией Таиланда».

«Сотни тысяч фотографий и видео, на которых изображены сцены сексуального насилия над детьми, а некоторым из них не более пяти лет, были изъяты во время этих обысков», – добавил представитель австралийской полиции.

На самих Филиппинах проведение полицейских операций было сосредоточено в Ибабао, самом бедном районе острова Себу. В сен-

тябре 2013 года полиция арестовала мужа и жену, которые заставляли своих троих несовершеннолетних детей заниматься сексом перед веб-камерами. «Зрители» платили по 100 долларов США за просмотр одного сеанса.

Согласно отчету филиппинской полиции, еще 12 детей в Ибабао были вырваны из рук извращенцев и помещены в учреждение социальной защиты.

«В настоящее время подобные операции, проводимые полицией, осуществляются также за пределами Филиппин, но пока мы не можем о них рассказать, чтобы их не сорвать и не спугнуть преступников», – отметил Гилберт Соса.

США: скандальное сотрудничество с наркокартелем

Агенты американского Управления по борьбе с наркотиками (УБН) сотрудничали с мексиканскими наркоторговцами, принадлежащими к картелю «Синалоа». Этот крупнейший в мире наркокартель только в США контролирует 25 процентов нелегального рынка наркотиков. Данные об этом «сотрудничестве» появились в статье, опубликованной мексиканской газетой «Универсаль», которая провела журналистское расследование. Газета опубликовала юридически заверенные показания адвоката Фернандо Гаксиолы, в которых он рассказывает об отношениях другого адвоката Умберто Лойя-Кастро, представляющего интересы картеля «Синалоа», с агентами УБН.

Клиентом Лойи-Кастро, в частности, является Висенте Замбала Ниебла, сын одного из главарей картеля, арестованный в марте 2009 года в Мексике, а затем экстрадированный в Соединенные Штаты. Мануэль Кастанон, агент УБН, подтвердил существование связей между его ведомством и картелем, заявив, что он «встречался 17 марта 2009 года с Висенте Замбалой Ниеблой, а также с двумя другими лицами, и беседовал с ними примерно 30 минут в номере одного из отелей Мехико». «Двое других лиц», как установила газета «Универсаль», были еще один агент УБН и адвокат картеля Лойя-Кастро.

На следующее утро после этой встречи Замбала Ниебла был арестован. Кастанон встречался с ним в тюрьме – это была его последняя с ним встреча, во время которой Замбала «вновь предложил сотрудничать». Вполне возможно, что откровения Замбалы Ниеблы мотивированы «предательством» американцев, которые пообещали ему иммунитет от уголовного преследования, но не исполнили обещания. Во всяком случае арест Замбалы Ниеблы положил конец сотрудничеству между картелем «Синалоа» и Вашингтоном.

Это уже не первый случай, когда всплывают факты сотрудничества между федеральным правительством США и картелем «Синалоа». Так, опубликованная журналом «Бизнес инсайдер» внутренняя переписка компании «Стрэтфорд», занимающейся обеспечением безопасности, которую журналистам передал «Викиликс», явно показывает, что правительство зачастую горой стояло за картель «Синалоа». Как подтвердил телеканалу «Аль-Джазира» официальный представитель мексиканского штата Чихуахуа, США тем самым хотели, чтобы конкурирующие наркокартели прекратили насилие по обе стороны границы и стали договариваться между собой о контроле за наркотрафиком. При этом предпочтение отдавалось картелю «Синалоа». Правда, конкурирующим наркоторговцам договориться так и не удалось.

Сюда можно также добавить операцию «Быстрота и ярость», проводившуюся с 2009 по 2011 год, во время которой Бюро по контролю за продажей алкоголя, табачных изделий и огнестрельного оружия, перевезло в Мексику значительное количество оружия. Цель этой операции якобы была следующей: поскольку все оружие было помеченным, то американские спецслужбы могли бы определить, в чьи руки оно попало, и так идентифицировать членов наркокартелей. Эта рискованная операция привела к тому, что 14 декабря 2010 года членами наркокартеля был убит агент Таможенной службы США Брайан Терри. Висенте Замбала Ниебла подтвердил, что эта операция явилась результатом сотрудничества между картелем «Синалоа» и американским правительством: оружие в обмен на информацию о других наркокартелях.

Картель «Синалоа» контролирует поставки 80% наркотрафика в Чикаго. Глава картеля – «Эль Чапо»¹ Гузман в феврале 2013 года был объявлен «врагом города № 1». До него такой «честь» удостоивался лишь Аль-Капоне в 1929 году. Ж. Дэвис, председатель Комиссии по борьбе с преступностью в Чикаго, заявил, что Аль-Капоне по сравнению с Гузманом является просто «любителем». Еще в 2009 году Гузман вошел в список миллиардеров, публикуемый журналом «Форбс». Только в период между 1990 и 2009 годами картель «Синалоа» переправил в США и Канаду 200 тонн кокаина, стоимость которого составляет 5,8 миллиарда долларов. Не так давно Вашингтон объявил, что того, кто поможет установить местонахождение Гузмана, ожидает награда в 5 миллионов долларов. По данным Мексиканского национального ин-

ститута статистики, в период 2007–2011 годов в результате войн между наркокартелями было убито более 95 000 человек.

США: газовая камера или расстрел?

Соединенные Штаты Америки испытывают все больше трудностей с получением препаратов, необходимых для изготовления так называемой смертельной инъекции. Из-за этого в ряде штатов предлагают вернуться к методам, которые, как считалось, принадлежат прошлому.

Расстрел, электрический стул, газовая камера, виселица... Хотя применение смертной казни в США постепенно сокращается, все же в последнее время все чаще возникают разговоры о том, что целесообразно забыть о «смертельной инъекции» и вернуться к «добрым», проверенным способам. Почему? Просто властям с каждым годом становится все труднее приобретать необходимую субстанцию, из которой и готовят «смертельный коктейль».

Поскольку европейские производители все чаще и чаще отказываются поставлять анестетики, которые в США используются для смертной казни, властям приходится обращаться к нелегальной на федеральном уровне продукции, которую изготавливают местные аптеки. 9 января 2014 года в Оклахоме осужденный Майкл Ли Вилсон, которому ввели такой нелегальный препарат, корчась в агонии, выдавил из себя: «Я чувствую, как у меня горит все тело». В штате Огайо Дэннис Макгир, казненный с помощью смеси медикаментов, которая ни разу не тестировалась, умер чуть ли не целых полчаса, задыхаясь и хватая ртом воздух. Смерть была констатирована лишь спустя 25 минут после введения препарата.

Столкнувшись с этими скандалами, в некоторых штатах, вместо того чтобы поставить вопрос о полной отмене смертной казни, заговорили об альтернативах «смертельной инъекции». Так, представитель республиканцев в законодательном собрании штата Миссури Рик Браттин внес в январе законопроект, предлагающий использовать вместо смертельной инъекции расстрел. «Мое предложение вовсе не состоит в том, чтобы вернуться в 1850 год, – заявил Рик Браттин. – Просто я предвижу проблему и пытаюсь найти ее решение способом не менее гуманным, но более экономичным для нашего штата Миссури». По его мнению «расстрел не является менее гуманным, чем смертельная инъекция». В штате Миссури кроме смертельной инъекции разрешено казнить с помощью газовой камеры. Правда, этот способ казни ни разу не использовался с 1965 года. Но законодательно он не отменен. Сенатор-республиканец Курт Шефер несколько месяцев назад призвал гу-

бернатора штата, демократа Джея Никсона профинансировать ремонт и восстановление газовой камеры, использовавшейся по назначению в далекие годы, а теперь являющейся туристическим аттракционом.

Подобные дебаты происходят не только в штате Миссури. На севере страны, в штате Вайоминг, сенатор-республиканец Брюс Борнс предлагает в перечень видов смертной казни, в случае если не будет хватать препаратов для смертельной инъекции, включить расстрел. При этом, заключенный должен быть лишен права выбора, как это существует в настоящее время, способа смертной казни. С того времени, как в США в 1976 году после четырехлетнего моратория была восстановлена смертная казнь, в стране в общей сложности было казнено более 1300 человек. И что интересно, применение альтернативных смертельной инъекции способов казни до сих пор возможно в ряде штатов. Так, расстрел может применяться в штате Юта (последний случай имел место в 2010 году; его выбрал сам заключенный). Казнь на электрическом стуле может применяться в восьми штатах, например в Вирджинии. Здесь тоже поговаривают о том, чтобы сделать этот вид смертной казни основным. В штатах Аризона, Миссури и Вайоминг разрешено использование газовой камеры. Последний, кого казнили таким способом в Аризоне в 1999 году, был немец Вальтер Лагран. В трех штатах – Делавэр, Нью-Гемпшир и Вашингтон – разрешено повешение. Последний случай применения такого вида казни имел место в Делавэре в 1996 году.

Из 50 американских штатов в восемнадцати, а также в столичном округе Вашингтон смертная казнь отменена. Согласно ежегодному отчету Информационного центра по применению смертной казни, опубликованному в декабре прошлого года, всего в 2013 году в США было казнено 39 человек (в 2012 году – 43). Начиная с 1999 года количество случаев применения смертной казни сократилось на 60%. «Все эти идеи о возвращении к старым методам могут еще больше повлиять на отношение граждан к смертной казни, – отметил Ричард Дитер, директор Информационного центра по применению смертной казни, – потому что они вызовут дополнительное отвращение к ней среди различных слоев общества».

Швейцария: скандал в «Маргаритке»

Вот уже несколько месяцев как социотерапевтический центр «Маргаритка», почти 20 лет назад созданный при женевской следственной тюрьме Шан-Доллон, является поставщиком скандальных новостей для

ботавшей в этом центре. Теперь вот выяснилось, что заключенные посещали проституток. Да не просто так, а в сопровождении сотрудников центра.

Заключенные, содержащиеся в социотерапевтическом центре «Маргаритка», находящемся в Женеве при тюрьме Шан-Доллон (но за ее стенами) в сопровождении сотрудников этого центра ходили к проституткам. Эта практика, которую обнародовала газета «20 минут», была подтверждена агентству новостей RTS Кристианом Антониетти, председателем профсоюза сотрудников полиции и пенитенциарных учреждений.

– Не сказать, что эта тема в «Маргаритке» была под абсолютным запретом. Напротив, она регулярно там обсуждалась, – туманно отметил г-н Антониетти в интервью RTS. Как именно проходили эти своеобразные «визиты», профсоюзный лидер не уточнил.

Само существование этого центра было поставлено под сомнение после убийства ее молодой сотрудницы, которую звали Аделин, совершенного Фабрисом А., «воспитанником» «Маргаритки», в сентябре прошлого года во время прогулки за пределами тюрьмы. После того драматического случая в январе 2014 года «Маргаритка» была закрыта, а сам центр, созданный для ресоциализации опасных заключенных был переведен под охрану Департамента безопасности (ДБ). Выходы заключенных на свободу запретили. За все время существования «Маргаритки» через нее прошло около 150 заключенных с тяжелыми расстройствами личности.

Как отмечает Жан-Пьер Рестеллини, бывший главврач тюрьмы Шан-Доллон, а ныне председатель Национальной комиссии по предупреждению пыток, «простые люди полагают, что делать такие подарки заключенным, позволяя им свободно гулять по улицам, безнравственно». Хотя, по его мнению, с точки зрения ресоциализации, возможно, такие выходы и полезны.

Журналистов, желающих узнать хоть какие-то подробности, официальный представитель ДБ отсылает в Департамент здравоохранения (ДЗ), которому ранее подчинялась «Маргаритка». ДЗ, в свою очередь, отказывается комментировать информацию, распространенную газетой «20 минут», и напоминает, что конечные выводы расследования, касающиеся деятельности «Маргаритки», будут опубликованы в ближайшее время. Это расследование инициировано по требованию Государственного совета.

Отказались сообщить что-либо и в больнице при Женевском университете, сотрудники которой непосредственно работали в «Марга-

ритке». Ее официальный представитель лишь заявил, что проводится административное расследование, результаты которого будут известны через несколько месяцев.

Эти походы к проституткам высвечивают одну из проблем лишения свободы: сексуальная жизнь заключенных. В тюрьме Шан-Доллон, при которой и был образован социотерапевтический центр «Маргаритка», не предусмотрены комнаты длительных свиданий, так как это пенитенциарное учреждение предназначено для подсудимых.

Одной из причин для досудебного лишения свободы является возможный сговор, а чтобы его пресечь, исключается любая форма близости вне контроля.

Вопрос образования комнат длительных свиданий для подсудимых уже обсуждался на Большом совете (законодательный орган в кантоне Женева. – *Ред.*) в мае 2012 года. Поводом к рассмотрению послужило письмо, подписанное 27 арестантами тюрьмы Шан-Доллон, которые требовали организовать помещение для интимных свиданий, утверждая, что это «поможет снизить напряженность среди заключенных».

Это ходатайство, несмотря на то что в его пользу высказались ряд левых депутатов, было отклонено. Причиной отказа послужило именно то, что заключение в тюрьме Шан-Доллон является превентивным.

По мнению ряда опрошенных популярной в Швейцарии газетой «Матен» специалистов, возникает целый ряд вопросов, связанных с практикой посещения проституток, реализовывавшейся в «Маргаритке». Например, эти посещения действительно способствовали ресоциализации заключенных? Тот же Жан-Пьер Рестеллини полагает, что такие встречи способствуют «успокоению». Кроме того, снижается риск «неадекватного сексуального поведения» у освобождающихся из заключения лиц.

Действительно ли сексуальные контакты делают заключенных более управляемыми и дружелюбными? Криминолог Мартин Килиас в этом не уверен:

– Не могу ответить на этот вопрос. Но у меня ощущение, что в этой «Маргаритке» – и это меня беспокоит больше всего – исходили из неоднозначного принципа, что возможно все, что имеет некий терапевтический эффект. Они там что, действительно проводили какие-то исследования, связанные с посещением проституток?

В отличие от Женевы, в пенитенциарных учреждениях, расположенных в долине Орб (кантон Во), разрешены интимные свидания. Для этого там создан специальный центр. Но опять же, такие свидания предоставляются лишь тем заключенным, которые уже осуждены. Кро-

ме того, существует еще ряд ограничений: во-первых, пара (не обязательно муж и жена) должна вести совместный образ жизни не менее 6 месяцев, во-вторых, до заключения и после осуждения эта пара должна поддерживать регулярные отношения. Кроме того, мужчина или женщина, прибывшие на личное свидание, должны быть в курсе, какое именно преступление совершил партнер или партнерша, находящиеся в тюрьме.

Франция: из тюрем бегут все чаще. Почему?

2013 год ознаменовался для французских тюрем, особенно расположенных на севере страны, в районе Па-де-Кале, целым рядом громких побегов. Как полагают охранники пенитенциарных учреждений, уровень побегов будет расти и дальше. Почему? По их мнению, из-за нехватки персонала и других ресурсов.

Самый громкий побег, сопровождавшийся рядом нескольких взрывов и взятием заложников, произошел в апреле 2013 года в тюрьме, расположенной в городе Секеден. Совершил его небезызвестный Редуан Фаид². В июле, не успев переступить порог пенитенциарного учреждения, бежал наркоторговец. Его брат пояснил газете «Голос Севера», что беглец, прежде чем сесть за решетку, решил отдохнуть и потому устроил себе каникулы. В ноябре не менее громкий побег из пенитенциарного центра, расположенного в городе Аннеллен, совершил Хамид Хаккар, осужденный за убийство и тесно связанный с организованной преступностью. Ему предоставили краткосрочный отпуск с выездом за пределы тюрьмы, из которого он предпочел не возвращаться.

Были побег и из тюрем, дислоцирующихся в Бетюне, Дуэ, Аррасе... Побегов в этом регионе становится все больше. В конце января 2014 года двое заключенных сбежали из тюрьмы полуоткрытого типа, находящейся в городе Обурден. «Все это не сильно красит тюремную систему региона», – отмечает Фредерик Богаэр, руководитель профсоюза пенитенциарных работников. Он открыто говорит, что число побегов растет. «Точных данных по всей стране за 2013 год пока нет, но в них, собственно, и нет нужды, – иронизирует профсоюзный лидер. – Все и без того знают, что количество побегов все увеличивается».

Большинство побегов совершаются либо во время перевозки заключенных в больницу, либо во время предоставления им отпусков с

² Был пойман и арестован 26 мая 2013 года.

выездом за пределы пенитенциарного учреждения. Когда совершается побег, Фредерик Богаэр и его коллеги, работающие в тюрьмах, испытывают целую гамму чувств. «Мы испытываем настоящее разочарование в своей работе, – признает г-н Богаэр. – Но еще больше мы испытываем чувство безысходности и гнева. В первую очередь потому, что не хватает не только персонала, но и других ресурсов. Сегодня каждый евро тратится на то, чтобы заключенным сиделось как можно лучше, а на обеспечение безопасности просто махнули рукой».

«Совершить побег во время перевозки в больницу стало просто национальным видом спорта среди заключенных, – подтверждает Лоран Скаселатти, еще один профсоюзный активист. – Заключенных ставят в известность, когда и куда их будут перевозить, и у них очень много свободного времени, чтобы организовать побег. А поскольку персонала не хватает, то количество случаев побегов все увеличивается».

Пенитенциарные сотрудники также указывают на то, что у них остается все меньше и меньше прав. «Это опасная работа, и по всякому случаю приходится оправдываться и писать объяснительные. По закону мы теперь, например, не имеем права проводить систематические обыски тех, кто возвращается из комнат свиданий, – удрученно констатирует Фредерик Богаэр. – Да и вообще тюрьмы уже никто не боится. Знаете, какова первая реакция у тех, кто впервые попадает в тюрьму? Как в школе после каникул мальчишки в первую очередь ищут своих приятелей, так и здесь – ищут знакомых!»

Ирак: тысячи иракских женщин подвергаются пыткам

Иракские власти незаконно содержат в тюрьмах тысячи женщин, подавляющее большинство из которых ежедневно подвергаются пыткам и жестокому обращению, включая угрозы сексуального насилия. Об этом говорится в докладе влиятельной правозащитной организации «Хьюман Райс Вотч» (HRW), опубликованном 6 февраля 2014 года.

Большинство из этих женщин находятся в заключении по многу месяцев, а иногда и лет, без предъявления им какого-либо официального обвинения. В суды для рассмотрения законности содержания под стражей их попросту не доставляют. Единственная цель такого заключения, отмечает эта правозащитная организация, – заставить их дать какую-либо информацию о деятельности мужской части их семей.

В тюрьмах их избивают, в том числе кнутом, подвешивают за ноги и бьют по пяткам, пытаются электрическим током, угрожают изнасилованием, а некоторые из них, говорится в докладе, были изнасилованы агентами сил безопасности прямо на глазах у их близких.

«Насилие в отношении женщин сильно распространено в современном Ираке», – комментирует Джо Сторк, вице-директор направления HRW по Ближнему Востоку и Северной Африке, в коммюнике, сопровождающем доклад под названием «Никто не в безопасности. Злоупотребления в отношении женщин в системе уголовного правосудия в Ираке».

Официальный представитель Министерства по правам человека Ирака назвал этот доклад «сильно преувеличенным», признав, однако, существование «незаконных способов воздействия со стороны сил безопасности в отношении женщин-заключенных».

По словам официального представителя, сам министр признал наличие злоупотреблений и потребовал от соответствующих властей «привлечь виновных к ответственности».

«Власти Ирака работают над тем, чтобы положить конец злоупотреблениям, имеющимся в тюрьмах, и через какое-то время эта практика будет в прошлом. Необходимо только терпение и уважение к закону», – заверил официальный представитель.

В своем докладе, содержащем 105 страниц, HRW представляет свидетельства женщин и девочек, представительниц как суннитского, так и шиитского течений. При этом из числа 4 200 женщин-заключенных, содержащихся в тюрьмах МВД и Министерства обороны, суннитки составляют подавляющее большинство.

Их освобождение было одним из основных требований суннитов во время произошедших в конце 2012 года протестов против шиитского премьер-министра Нури аль-Малики, которого обвинили в том, что он ставит суннитскую общину вне общества, проводя тем самым политику дискриминации времен Саддама Хуссейна.

Впоследствии эти протесты переросли в восстание в провинции Анбар, расположенной к западу от Багдада, где повстанцы захватили город Фалуджу и большую часть столицы провинции – города Рамади.

По мнению Джо Сторка, иракское правительство несет на себе значительную ответственность за эскалацию насилия, провоцируя восстание суннитов.

«Иракские власти и подчиненные им силы безопасности, вместо того чтобы контролировать ситуацию в государстве, ведут себя так, как будто совершение насильственных действий в отношении женщин может сделать страну более безопасной», – отмечается в коммюнике HRW.

«В действительности, – говорится далее, – эти женщины-заключенные и члены их семей заявили нам, что до тех пор, пока силы безо-

пасности продолжат безнаказанно нарушать права человека, ситуация в стране с точки зрения безопасности будет только ухудшаться».

Франция: галантность довела до тюрьмы

В абсолютно галльском – галантном – стиле произошло ограбление одного из ювелирных магазинов в столице Франции – Париже. Эта же галантность и погубила грабителей.

Поздним вечером 27 апреля 2013 года владелица небольшого ювелирного магазина, расположенного в XX округе столицы, возвращалась к себе домой. Мечтая, видимо, после суматошного тяжелого рабочего дня выпить чаю, а то и чего покрепче, как это принято у французов. То есть слегка расслабиться. Но не тут-то было. На лестничной клетке ее уже поджидали двое молодых людей в масках и надвинутых на самые глаза капюшонах. Силой затолкав 56-летнюю женщину в ее квартиру, они привязали ее к стулу и облили с ног до головы какой-то вонючей жидкостью, заявив, что это бензин. Чего же они хотели? А все просто: коды охранной сигнализации от двери магазина и от сейфов с драгоценностями. В противном случае, заявили грабители, они ее подожгут. Впоследствии оказалось, что жидкость была безвредной. Но дама-то этого не знала. Опасаясь за свою жизнь, она сообщила налетчикам все, что они от нее хотели.

Один из них тут же отправился в магазин за добычей, а второй остался стеречь заложницу. «Сторож» оказался весьма любезным молодым человеком: он периодически поил свою жертву водой и всячески ободрял. Спустя четыре часа вернулся сообщник: операция по «изъятию ценностей» прошла успешно.

Оставшийся с заложницей грабитель, видимо, желая окончательно успокоить расстроенную владелицу ювелирного магазина, прощаясь, поцеловал ее. Как сообщили в парижской полиции, «этот бандит, видимо, в знак сострадания за перенесенные жертвой волнения, поцеловал ее в щеку». После этого налетчики развязали женщину и откланялись вместе с ворованными драгоценностями.

К их последующему разочарованию, оказалось, что жертва далеко не так проста, как казалось. Она тут же вызвала полицию и рассказала о случившемся, не забыв упомянуть и о галантном поцелуе. Остальное было делом техники. Судебно-медицинские эксперты взяли мазок со щеки ювелирши и провели анализ ДНК. Как оказалось, человек с такой ДНК уже был в базе данных полиции. Его тут же объявили в розыск. Искать, правда, пришлось долго – целых 9 месяцев. Сыщики прошерстили всю Францию, но галантного грабителя нигде не было. На-

конец они догадались проверить ДНК сидящих заключенных. Вот тут-то им и повезло. Любитель драгоценных камней и поцелуев в щечку нашелся в тюрьме города Нима. Правда, 20-летний молодой человек, которого зовут Пьер Ж., попал туда за другие преступления.

Перед неопровержимыми доказательствами в виде собственной ДНК на щеке потерпевшей юноша тут же сознался. А что касается поцелуя, то, по его словам, он очень хотел «смягчить травму», нанесенную потерпевшей.

Суд, конечно, учтет галантность молодого человека, но дополнительно пару лет тюрьмы он точно заработал.

В полиции уже заявили, что напали на след и второго грабителя. У того, правда, нет такого «смягчающего обстоятельства», как «галантный поцелуй».

Составил и перевел Юрий Александров

Борис Земцов

Домой

Два рассказа

Сладкая водка свободы

Все в жизни человеческой, как и сама эта жизнь, имеет свое начало и свое завершение.

И арестантский срок, какой бы необъемной и непоколебимой глыбой ни казался вначале, все равно заканчивается.

И свобода, что представлялась тогда недостижимой, недоступной, задвинутой на самый край горизонта жизненных перспектив, превращается в реальность.

А перед той самой чертой, что отделяла мою, уже неудержимо становящуюся прошлой, неволю от моей еще более стремительно наваливающейся, уже почти ставшей настоящей свободы, была вполне конкретная черта.

Плюс состояние, когда всякое мгновение хотелось себя щипать, тереть глаза и убеждаться всякими прочими способами, что происходящее не сон, а реальность и ты не просто составляющая, а центральная действующая фигура этой реальности.

Той чертой, что отделяла мою несвободу от моей свободы, был порог административного корпуса зоны. Не тот порог «внутри», за которым начинался лагерь, что перемалывал своими серыми жерновами-корпусами арестантские жизни, а порог «снаружи», где начиналась свобода, которую я должен был получить в свое распоряжение через несколько секунд.

На этом пороге я на мгновение остановился, попытался прислушаться к себе: что там сейчас щелкнет, грянет, рванет?

Ничего не щелкнуло, не грянуло, не рвануло.

Просто внутренний голос сказал тогда очень торжественно: «Всё!»

В сверхкоротком слове из трех букв концентрировалось все, что должно было быть в этот момент: радость от возвращения в нормаль-

ную жизнь, гордость за то, что, находясь в ненормальной жизни, не сломался, не запачкался «козьею»¹ должностью, не упал до шныря, и еще много чего, очень личного и несказанно вкусного.

Конечно, с того порога я шагнул. С бетонной ступеньки на асфальтовый тротуар. Из неволи в свободу. И конечно, вдохнул. Не глубоко и сильно, а аккуратно и бережно. Верно, вспомнил про водолазов, у которых разрывает легкие при слишком быстром подъеме с большой глубины.

Вдохнул и почти разочарованно выдохнул.

Потому что моя свобода в день моего освобождения ничем особенным не пахла. Никакой романтики, никаких высоких образов.

Моя свобода в день ее обретения пахла тем, чем пахнет окраина заштатного поселка в российской глубинке. Немного свежескошенной травой (рядом с зоной начинался частный сектор, жители избавлялись от сорняков у заборов и палисадников). Немного горелым бензином (чуть дальше проходила дорога). Немного прелыми разогретыми солнцем яблоками (кто-то совсем рядом, не донеся до помойки, вывалил ведро падалицы). Простые обыденные запахи. Шикарные, торжественные ароматы, которые мне помнить вечно.

Вот и пришло время посмотреть на объект моего долгого вынужденного обитания со стороны. Со стороны воли. Со стороны свободы.

Неважнецкая панорама. Серенькие корпуса «жилки»². Не менее серые корпуса «промки»³. Будто приклеенный косою столбик белесого дыма над цехом дробления и расфасовки мела. С трех сторон бесполовую россыпь кубиков «жилки» и «промки» то ли охраняют, то ли подпирают, норовя раздавить, меловые, едва прикрытые линиями зеленью холмы.

Издалека, если не замечать лагерного забора и вышек с часовыми, ни дать ни взять средних размеров фабрика, некогда много кого кормившая, дававшая план и проценты, а ныне обойденная вниманием инвесторов и эффективных менеджеров, плавно уходящая в забвение.

Фабрика? Наверное, действительно фабрика. Фабрика по уродованию человеческого материала. Фабрика по уничтожению личности. Фабрика жестокого, трижды неестественного отбора.

¹ «Козья» – должность, связанная с сотрудничеством с администрацией.

² «Жилка» – жилые корпуса в зоне.

³ «Промка» – здание или участок зоны, на котором размещено производство, где используется труд заключенных.

Очень сильные становятся здесь еще сильнее. Становятся такими сильными, что, едва очутившись на воле, они тотчас попадают в поле хищного внимания завистников, недоброжелателей и просто откровенной сволочи в погонах и без погон, которые желают во что бы то ни стало вернуть их обратно за «колючку», за многослойный забор с вышками.

Подавляющее большинство прочих превращаются здесь в безликую, лишенную прав, воли и всего человеческого биомассу. То ли в фарш, из которого лепят котлеты для прокорма тех же сильных. То ли в глину, из которой изготавливают кирпичи и посуду для нужд опять же сильных.

Чем не модель нынешнего нашего общества с той же самой сверхжестоким диктатурой его величества за пределами неестественного, трижды бесчеловечного отбора? Сильные, богатые, успешные становятся или еще сильнее, богаче, успешнее или сходят с круга, превращаются в корм, в материал для мощения дорог, чтобы те, кто превзошел их, хорошо питались и беспрепятственно двигались, умножая собственные силы, богатства и успех.

Что же касается гуманизма и милосердия, то в этом раскладе они вроде импортных медикаментов: или не купить по причине жуткой дороговизны, или нарвешься на бесполезный, а то и смертельно опасный «фальшак», сработанный таджикскими или вьетнамскими умельцами где-то в подвале или на чердаке.

Прощай, лагерь!

Не хватает фантазии, чтобы представить ситуацию, после которой я вернусь за этот забор, за эти вышки. Зато есть четкая уверенность, что, если такое случится, то все, что выпадет здесь вынести, вынесу достойно. Так же достойно, как вынес все, что выпало за время этого срока, в любой день и час которого я мог с уверенностью заявить: «У меня прямая спина и начищенные ботинки!»

А первым человеком, встреченным мною на выходе с территории несвободы в пространство нормальной жизни, был... сын. Приехал утренним поездом, дожидался меня в уютной беседке в скверике у здания лагерной администрации. «Привет, папуль!» – поздоровался так, будто расстались мы пару дней назад.

До поезда три часа. Билеты на руках. Поселок таков, что пойти здесь просто некуда. Да и не хочется. С удовольствием просидел бы все эти три часа на скамейке у привокзального хилого фонтана. Просто просидел бы, перебрасываясь неспешными фразами с сыном, шаря взглядом наугад по... декорациям свободы: здания без решеток, люди не в робах, люди без дубинок, машины, дети, женщины. То ли пил бы, то ли

ел, но и в том и в другом случае, конечно, смаковал вкус свободы. Уверен, что и не заметил бы, как пролетели эти три часа. Какие-то три часа! Всего сто восемьдесят минут! Какой пустяк по сравнению со сроком моей, теперь уже прошлой, но все-таки еще такой близкой, такой осязаемой, такой конкретной, неволи...

Тем не менее предложение сына посетить ближайший универсам я без колебаний принял. Еще бы: вольный магазин, где можно купить все желаемое за деньги, которые так давно не держал в руках, – да это же здорово!

Универсам – часть свободы! Универсам – примета свободы! Универсам – символ свободы! Дашь универсам!

Стоит ли объяснять, почему среди прочих пустяков, впопыхах накупленных в универсамовскую корзину, оказалась четвертинка водки? Местной, возможно, и не лучшего качества. С нелепой аляповатой этикеткой. И эта четвертинка представлялась мне в тот момент не менее емким символом свободы, чем тот же вольный магазин, в котором она была куплена за вольные деньги.

А до поезда еще целых три часа. А за весь срок, за все четыре года, никакого алкоголя ни в каких количествах я ни разу не употреблял. На то свои запредельно веские причины были.

К числу пьющих я никогда не относился, но алкоголь в разумных дозах в моем рационе на воле присутствовал всегда: когда стопка водки, когда бокал пива, когда фужер вина. То банкет, то презентация, то званый ужин, то семейное торжество, то просто человеческое желание избавиться от накопившейся за день усталости. И вдруг... почти четыре года сухого, сверхсухого закона.

На это время напрочь ушли из моей жизни и смолистая, щекочущая ноздри, терпкость коньяка, и ласковая пивная горечь, и концентрированная энергия виски, и вязущее послевкусие портвейна, и лишнее водочное веселье. Весь срок казалось, будто не существует вовсе подобных радостей в жизни.

И не существовало вообще.

Между тем выпить в зоне труда не составляло. Реализовать такое желание можно было двумя способами. Первый способ – купить у тех, кто промышлял этим на «барыжно»-коммерческой основе. При наличии средств (это только официально деньги в лагере запрещены) и определенных знакомств подобное можно сделать в любое время суток. Ассортимент – водка, спирт, самогон. Водка – пятьсот рублей поллитра. Спирт в аналогичном объеме – тысяча тех же самых рублей. Самогон – дешевле, чем водка.

Все напитки «гуляют» по зоне в перелитом виде в небьющейся таре – в пластиковых бутылках из-под минералки и пепси. Водку и спирт почти всегда «затягивают» сами мусора с целью приработка к своим скромным официальным окладам. Самогон гонят прямо в зоне сами арестанты. Качество всех напитков, мягко говоря, «не очень». Все зачастую неоднократно «разбодяживается» – разбавляется каждым участником алкотрафика. Соответственно, «на выходе» что-то невнятное, лишь отдаленно напоминающее истинный продукт. Даже то, что называется здесь чистым спиртом, не горит и вполне годится для заливки пожаров любой категории.

Второй путь обретения алкоголя на зоне – собственное изготовление. Изготавливают чаще всего брагу. Потому что просто и недорого. Компоненты: сахар, вода, сухофрукты. Брагу «ставят» в бараке (емкости прячутся под кроватями, в тумбочках), или на «промке» (там бутылки и банки еще проще схоронить в путанице подсобок, мастерских, складов).

С самогоном сложнее. Сама технология его изготовления подразумевает стадию перегонки, а это лишние улики в виде стремительно распространяющегося узнаваемого запаха, лишние недобрые глаза и масса прочих неудобств. Тем не менее гонят и его. Чаще всего на той же самой «промке».

Самое главное, что принявший решение выпить на зоне должен быть непременно готов к тому, что среди тех, кто алкоголь этот помогал купить, изготовить, сохранить, поделить, – обязательно найдется тот, кто «сольет» все информацию мусорам. По крайней мере каждые четыре из пяти любых случаев потребления спиртного в бараке, что происходили на моих глазах, непременно заканчивались появлением на отряде дежурного по зоне, а то и целого наряда со всеми вытекающими последствиями. Обычно всех участников застолья отправляли в изолятор.

По большому счету выпивка на зоне – своеобразный вариант русской рулетки. Можно сказать и по-другому. Всякий желающий выпить – здесь непременно выпьет. Только обойдется это очень дорого. Во всех смыслах! Потому и проще, и разумней, и выгодней здесь не пить. Ни с кем! Никогда! Ни при каких обстоятельствах!

С учетом всего этого и вышел весь мой срок трезвым. Стерильно трезвым. Абсолютно трезвым. А тут... до поезда еще три часа. И «вольная» «неразбодяженная» водка ...

Разумеется, фольговая шапочка-крышечка была сдернута с купленной четвертинки уже в ближайшем за универсамом дворе. Столом и стульями послужили белеющие срезами кругляши недавно спиленных

тополиных стволов. Закуска – «вольная», только что купленная за наличные (!) деньги в «вольном» магазине, колбаса. Не чесноком и пряностями, а Свободой пахли эти бордовые кружочки. Почему-то совсем не вспоминалось ни о малополезных вкусовых добавках, ни о коварной генно-модифицированной сое, ни о трагической статистике колбасных отравлений.

«Сколько?» – только и спросил повзрослевший и, кажется, все понимающий сын. Абстрактный горизонтальный жест указательным пальцем был истолкован исключительно правильно. Через мгновение в моей руке оказался приятно тяжелый хрустящий пластиковый стаканчик, на две трети наполненный водкой.

Некогда я люто ненавидел такой вид питейной посуды и никогда, даже в самые трудные моменты командировок в «горячие точки», им не пользовался. Проще было глотнуть спиртного из крышки мыльницы или футляра для очков. Похоже, пришло время корректировать и эту привычку.

Чуть выдохнув, как учили когда-то на тульской окраине асы питейного дела, выпил.

Водка показалась мне сладкой.

Что случилось, точнее, что испытал потом, описать, даже имея в своем распоряжении такое универсальное средство, как русский язык, очень трудно. Все устные и печатные откровения «курнувших», «нюхнувших», «уколовшихся» на фоне испытанного и прочувственного – блеклая и косноязычная чепуха.

После выпитой водки меня будто накрыло теплой, ласковой и в то же время очень мощной, подчиняющей и диктующей волной. Ноги, руки, язык сделались пухлыми и тяжелыми, как будто увеличились в размерах, утратили всякую способность двигаться. Показалось, что щелкнул невидимый тумблер, и мои зрение, слух, обоняние перестали работать на меня, вовсе ушли из меня, уступая место иным, доселе неизвестным мне и не известным никому, чувствам.

Скомандуй кто-нибудь в тот момент: «Встань, двигайся, иди!» Или: «Тебя будут колоть штыком, тебя будут бить прикладом, в тебя будут стрелять...» – я бы только слегка качнул головой и чуть улыбнулся в ответ. Мягкой, доброй, чуть глуповатой была бы тогда моя улыбка. А вот двигаться, даже просто пошевелить рукой, ногой, языком в тот момент я бы так и не смог. Так бы и сидел, покачивая головой, глуповато улыбаясь, словно копируя китайского болванчика.

В очередной раз отдаю должное безупречной точности терминов лагерно-тюремного аргю. Есть в нем слово «зашторило» – так харак-

теризуется состояние человека, хватившего немалую дозу алкоголя, перебравшего с наркотиками или испытывавшего настоящий шок.

Действительно, зашторило. Будто кто-то большой и сильный где-то внутри очень решительно задернул штору из темной и тяжелой материи. И оставил по ту сторону шторы всю окружающую действительность: пыльный двор за стеной универсама, едко пахнущие тополиные кругляши, несуразный, когда-то люто ненавидимый, а ныне такой вожделенный, пластмассовый стаканчик. За той же шторой осталось и время моей несвободы, еще такое близкое и уже так далеко отодвинутое.

А по другую сторону этой самой шторы не существует предметов, людей, деталей пейзажа. Есть только что-то сочное, вспыхивающее, пульсирующее, сверкающее. Это «что-то» близко к сплошному фейерверку, к охапке протуберанцев, к букету из гигантских искр, сполохов и огней. Только все это совсем другое, ни на что известное не похожее, еще более сильное, нестерпимо яркое. Самое главное, это «что-то» по своим цветам не имеет ничего общего с красками знакомого с детства спектра.

Какой там охотник с идиотским желанием знать идиотское расположение не менее идиотского фазана! Это совсем другие краски! Со всем других цветов! Из совсем другого измерения!

«Зашторное» наваждение продолжалось минут двадцать.

Потом оно медленно, будто нехотя отступило, откатило, уступило место реальной действительности в привычных красках, звуках и запахах. Действительности, воплощенной в простых предметах и деталях обыденного пейзажа. Снова вокруг были пыльные кусты, серая стена универсама, нездорового цвета колбасные диски. Все, что могло вернуться, вернулось, но впечатление от «зашторного» наваждения осталось.

И эту необычную по вкусу водку в ломком пластмассовом стаканчике, и все, что грянуло потом, я запомнил.

После того, как испытал все это, обещал себе написать рассказ «Сладкая водка свободы». Обещание, кажется, выполнил.

Только рассказ ли это, если ни слова здесь не выдуманно?

Смотрун Харлашкин

На зоне смерть арестанта – событие заурядное.

Потому и проходит всегда блекло и тихо.

Человек умирает, а отношение окружающих к этому такое, будто арестант просто с одного лагеря на другой переезжает.

И будто все знают, что не будет впереди никаких резких перемен, что ждет его тот же пейзаж с «запретками»⁴ и вышками, та же сечка в

столовой, тот же режим, на котором и «крепить»⁵ никто не будет, но и поблажки не посыпятся.

Соответственно, ни ужаса, ни тем более радости.

Потому что для арестанта переезд с зоны на зону – дело обычное.

Вот так и с Колей Харлашкиным, отрядным нашим смотрюном, было. Никого его смерть не встрянула, не напугала. Тем более что умер он не в зоне, а дома, ровно неделю спустя, как его активировали.

Не знаю, как во времена Шаламова, а в нынешних зонах активировка – явление сверхредкое. Правы те, кто шутит: активируют только тех, кто не просто одной ногой в могиле стоит, но и вторую ногу в ту же сторону уже до половины дотянул. За время моего срока только четверых и активировали, и никто после этого больше десяти дней не прожил. Будто врачи мусорские особый дар имеют: точно видят, какие сроки Судьба человеку определила, и аккуратно за недельку до этого арестанта отпускают.

Сказочники лагерные мрачно фантазируют по этому поводу, вроде как «активированным» перед тем, как им на волю выходить, специальный укол делают или особо лютой микстуры выпить дают.

Это чтобы недавний зэк приличное общество собой долго не обременял и лишних проблем доблестным правоохранителям не создавал.

Логика в этом «ужастике» есть, но лично я в это не верю.

Не потому что нынче в нашей тюремно-лагерной системе гуманизм и человечность утвердились.

Просто знаю: если бы существовала подобная, пусть сверхсекретная, практика, информация о ней все равно «в народ» просочилась бы. Ведь не держатся в зоне секреты. Ни среди арестантов: стукачей здесь в избытке, у них работа кипит и ударников в этой работе – хоть отбавляй. Ни среди «мусоров»: те любую тайну, если тем же арестантам за блок «фильтровых» не продадут, то за лагерными воротами по пьянке просто даром разболтают. Понятно, какой скандал бы разразился, когда про такую «передовую технологию» стало бы известно.

Так что с куцыми сроками доживания после активировки – здесь просто мистика.

По какой бы причине арестанта ни активировали – дальше сценарий одинаков: доползет он до дома, подышит свободой недельку и... фишиш.

⁴ «Запретка» – полоса вскопанной и разровненной граблями земли, расположена между заборами, окружающими все ИТУ или промышленную и жилую зоны.

⁵ «Крепить» – добиваться более строгого исполнения норм и правил, регламентирующих жизнь отбывающих наказание.

На последний этап!
На вечный срок!
В заоблачную зону!

Откуда уже ни «маляву» не отправить, ни по «трубе» не набрать. А Коля Харлашкин в декабре умер, за неделю до Нового года.

До этого его шесть месяцев по «больничкам» всех калибров (наша лагерная, потом областная, потом кустовая, что на несколько областей, опять же для нас, арестантов) мучили. То анализы какие-то особо болезненные из него вытаскивали, то диагноз уточняли, то просто о нем напрочь забывали.

Началось-то все с майской «флюшки».

«Флюшка» на арестантском языке – это рентген.

Через него всех в зоне в обязательном порядке дважды в год прогоняют. Вот тогда у него на одном из легких затемнение обнаружилось. Вскорости и приговор грянул – рак. Да в какой-то безнадежной стадии, когда врачи, большие любители в человеке скальпелем покопаться, про операцию уже не заикались.

В конце лета, между своими выездными «больничками», Николай в лагерь вернулся. На барак уже не поднимался, какое-то время в санчасти пробыл. В локалку⁶ выходил. Имел возможность с нами, идущими мимо то в столовую, то на «промку», общаться.

Понятно было, что смерть своим крылом по его лицу уже жестко мазнула, что все посчитано, что все определено, что жизни, ему отведенной, совсем мало осталось.

Изменился он к тому времени неузнаваемо.

И не в обострившихся скулах и ввалившихся глазах было дело.

Какая-то болезненная сосредоточенность на его лице появилась.

Будто он что-то мучительно вспомнить пытался или о чем-то тяжелом и сверхважном размышлял постоянно.

Тогда я с соседом по проходняку⁷ вздумал Николая проведать. Взял пачку зеленого чая из недавно полученной «дачки» (любил его он не меньше чифира традиционного), добавил к ней горсть шоколадных конфет с последнего «ларька» – вполне серьезный «подгон» получился.

«Локалка», на наше везение, незапертой оказалась, и сам смотрун наш в этот момент неспешно по ней прохаживался. Поблагодарил Николай за гостинцы, за руку поздоровался. Я, не подумав, при этом еще

⁶ «Локалка» – участок, на котором расположен отряд, отделенный от всей территории лагеря решеткой с запирающейся калиткой.

⁷ Проходняк – участок барака между двумя рядами коек.

и приобнять его попытался. Здесь-то и жестоко ошибся я, для Николая такая форма приветствия уже невозможна была. Едва я его тронул – у него гримаса на лице, и не сказал он тогда, а прошипел с ненавистью:

– Да что ты жмешь-то так, у меня болит все, все больно...

Гримаса эта, в которой злость пополам с мукой была перекручена, так с его лица до конца нашего разговора и не сходила. Да и разговора этого не получилось. Неловко мне было за боль причиненную, да и понятно было, что худо ему, не до беседы, не до общения. Так и разошлись, едва дохлым рукопожатием обменявшись.

Через месяц его снова на «больничку» этапировали.

Оттуда он звонил пару раз Славке Дербентскому, тому, кто у него барак принимал. Иногда еще бодрился, ругал врачей, даже шутил. Только бодрился неестественно, шутил неуклюже. По осени снова вернулся Николай в зону, снова в лагерную санчасть.

Вот теперь-то окончательно ясно было, что дней его оставалось на этом свете совсем немного. В локалку он уже не выходил. Большую часть времени лежал, повернувшись лицом к стене, или слонялся по коридору, тяжело загребая обутыми в бесполые боты «прощай молодость» ногами. К телевизору он не подходил, карты и нарды, что считаются вечными спутниками арестанта, в руки не брал.

Успел я тогда проведать Николая, принести вечно актуальные в зоне чай и что-то сладкое к нему, поговорить обо всем и ни о чем.

Не сказать, что тогда Николай переживал необратимое приближение смерти, что наваливающийся момент расставания с жизнью его страшил и заботил.

Скорее получалось, что жизнь, неумолимо уходившая, просто не представляла для него никакого интереса, а то, совершенно неизвестное и обычно всех пугающее, что должно было последовать взамен, ему было безразлично...

Разные, очень разные были мы с Николаем Харлашкиным люди. Общего-близкого – разве что возраст, по-лагерному почти стариковский: и ему под полтинник (отсюда и погоняло Дед), и мне почти столько же. Все остальное – как два разных космоса, как «два мира – два детства».

Он – давний авторитетный член лагерного «блаткомитета», знаток и ревнитель «правильных» тюремных традиций.

Я – «первоход», зону только в кино и видевший.

У него за плечами – три «ходки», все по «строгим» статьям.

У меня в недавнем прошлом – «верхнее» образование, серьезная работа, на которую в белой рубашке с галстуком ходить полагалось.

Он зоной только и жил, был давно с нею одним целым.

Я же к зоне только принимался с твердой уверенностью, что этот этап в моей жизни случайный и короткий.

Более того, ничем я не был обязан своему первому смотруну Николаю Харлашкину. Как ни копайся в памяти, в какие ее закоулки ни заглядывай, не найти ситуаций и событий, которые могли бы дать основания быть мне ему благодарным.

Хотя что такое основание для благодарности в отношениях арестантов на зоне?

Здесь в ходу совсем другие ценности.

Кто не сидел – тому не втолковать.

Кто сидел, понимает их каждый по-своему и вряд ли решится обсуждать эту тему.

Все именно так, но пара моментов связанных с Николаем Харлашкиным, врезались в мою память намертво и, похоже, выживут в ней даже тогда, когда возрастная подлая немощ начнет эту память безжалостно разрушать.

Впервые близко я столкнулся с Николаем недели через две, как «поднялся» на барак.

Тогда я еще не пришел в себя после этапа (двое суток в купе «стопыпина», где вместо четверых было втиснуто пятнадцать человек), тем более не успел переварить свой беспредельный восьмилетний приговор, издевательски замененный по «касатке»⁸ на семилетний, не менее беспредельный...

В тот день я сидел на шконке, по-турецки спрятав под себя ноги, и штопал носки.

Что с лагерной, что с «вольной» точки зрения, был занят делом предельно заурядным. Дело-то заурядное, зато носки были совсем незаурядными. Новые, честной ручной деревенской вязки, шерстяные носки. Получил их еще в Бутырке, в семейной «дачке», собранной женой и сестрой. В тюрьме их не носил, берег на этап, который по всем признакам должен был выпасть на декабрь–январь, что так и вышло. На этапе носки мне действительно помогли, но при этом самым жестоким образом протерлись. В итоге ситуация: совершенно новые толстые теплые носки, у которых вместо пяток – две громадные дыры с бахромой из шерстяных ниток.

⁸ Замененный по «касатке» – замененный в результате пересмотра кассационной жалобы.

Выбрасывать подобную вещь даже в вольных условиях – пижонство. В лагерных условиях отказываться от такой вещи – пижонство вдвойне, совсем уже нездоровое явление.

Естественно, едва осмотревшись на отряде, я раздобыл иглу с ушком побольше (давало знать о себе капитально севшее за год тюрьмы зрение), устроился поудобнее и начал штопать свои носки. Понятно, делал это не очень быстро, не очень умело, но, как потом оказалось, вполне основательно. Извел почти катушку самых толстых, что смог найти в бараке, ниток, потратил на ремонт каждого носка часа по два времени.

В разгар своего штопального священнодействия почувствовал, что на меня кто-то смотрит. Оглянувшись, увидел отрядного смотруна. Обронил тогда Дед единственное слово-вопрос: «Портняжничаешь?» Смотрел удивленно-одобрительно. И в голосе никакого ехидства не было...

И в другой запомнившийся момент не удивил Николай своим красноречием.

К тому времени лагерный мой стаж перевалил за полгода.

Уже были в моем «ззковском» багаже и окончательно отмеченные (после болезненных, правда, размышлений) предложения о «козьих» должностях, и реализованное решение выйти на «промку», уже действовал мною же и установленный жесткий распорядок дня (два выхода в любую погоду на спортгородок к брусьям и турнику, сто пятьдесят страниц прочитанного художественного или научного текста, полстраницы убористым почерком записей в дневнике – черновике будущей книги).

Да и много всего прочего стряслось и случилось за это время в моей жизни, без чего не обходится начало биографии всякого «первохода».

Например, чуть ли не заново пришлось учиться говорить со всей ответственностью «да» и «нет», жестко определять круг своего общения, намечать и различать близкие и далекие цели.

Никаких вопросов отрядному смотруну при этом я не задавал, ни в чем с ним не советовался.

И он со своими инструкциями ни разу не влезал, ничего не предлагал, ничего не навязывал.

Жили мы с ним на одном участке неволи каждый своей жизнью, своими заботами. Хотя и понятно было, что эта каждая «своя жизнь» секретом ни от кого не является, ибо в зоне человек со всеми своими плюсами и минусами, сложностями и достоинствами прозрачен, как нигде.

Ничего здесь не спрятать, не утаить, потому что слишком мала территория, на которой ты безвылазно обитаешь, и слишком много очень разных глаз за тобою круглые сутки наблюдают.

Однажды, когда после очередного предобеденного захода на турник с последующим обливанием, вытирался, стоя в «проходняке», я почувствовал спиной внимательный взгляд. Обернувшись, увидел Деда, стоявшего в привычной своей манере, со склоненной по-птичьему на плечо головой. Услышал его надтреснутый, как у колдунов в мультфильмах, голос:

– Сам... По своей волне ходишь... И правильно...

Тогда я просто смутился от совершенно нетипичного для лагерных раскладов комплимента. Не нашел что ответить. Пожал плечами, кивнул, буркнул что-то косноязычное типа «Да ладно...».

Намертво врос в память и еще один эпизод, связанный с Дедом.

Как-то на вечернем разводе, когда отряд топтался на отведенном ему квадрате плаца и ждал, пока сойдется проверка, Николай ни с того ни с сего крикнул через несколько рядов разделявших нас арестантов:

– А, земляк, вот сегодня сон видел... Будто я на воле иду, и ты навстречу... Нарядный – джинсы, курточка типа бархатной... Довольный такой идешь...

И засмеялся своим трескучим, но при этом совершенно незлым, очень искренним смехом...

А вот тут пояснение неминуемо.

Очень многие люди, попав на зону, становятся сверхчувствительными, сверхчуткими, сверхранимыми.

Иной арестант под воздействием лагерной обстановки просто превращается в комок нервов, точнее, его нервы превращаются в комок проводов, где каждый провод без оплетки и под напряжением. К любому пустяку, к любой примете, к любому сюжету, во сне увиденному, у него самое трепетное отношение. Порой от подобной мелочи настроение на три уровня подняться может, когда внутри и фейерверк, и музыка сразу. Соответственно, и наоборот случается. Из-за какой-нибудь ерунды арестант в такую дремучую тоску может впасть, что только и остается, что следить за ним круглосуточно, как бы он ненароком не вскрылся, не вздернулся.

Так что такой оптимистичный сюжет (ты – на воле, здоровый, довольный, в хорошей одежде), подаренный персонально тебе, свой срок начинающему, матерым авторитетным эзком, дорогого стоит.

И это «дорогое» эквивалента ни в деньгах обычных, ни в чисто лагерной валюте (чае и сигаретах) не имеет.

Несидевшему этого не понять, не оценить, а сидевший скорей всего здесь только молча головой покачает.

Счастливым сон, мне посвященный, увидел Николай Харлашкин в начале сентября.

Вскороности началась утомительная и совершенно бессмысленная для него чехарда со скитаниями по «больничкам» всех калибров, с неоднократными уточнениями диагнозов, с повторными анализами всех видов и с нарастающим ощущением стремительно приближающегося конца.

В начале декабря стало уже совершенно ясно, что Харлашкина непременно актируют, оставалось только уточнить дату, но в этот самый момент посыпались, как шарики из разломанной погремушки, прочие проблемы.

Оказалось, что предусмотренный законом механизм попадания домой освобождающихся с зоны для Деда не годится.

«Не доеду!» – решительно замотал он головой по поводу перспективы возвращения домой в плацкарте поезда «Мелгород–Москва». Билет активированным, как и всяким прочим освобождающимся, покупала, разумеется, лагерная администрация.

Другим, и единственным, вариантом сокращения расстояния до Москвы для Николая оставалось такси. Уже за собственные, понятно, деньги. Стоило это как минимум тысячи четыре рублей. В семье Харлашкина, состоявшей из не блещущей здоровьем жены и не окончившего школу сына, таких денег и близко не было.

Оказались неимущими и вольные друзья нашего смотруна.

Не сразу отозвались и местные блатные. Это только в лагерных курилках бывалые сидельцы с многозначительным придыханием «втирали» зеленым первоходам: «Пацаны на воле все могут... любые вопросы решают...»

Хотя в конце концов именно кто-то из местных криминальных авторитетов выделил необходимую сумму. Был выделен и тот, кому было поручено встретить уже освобожденного Николая в лагерной проходной и усадить в заранее подогнанную машину.

Помню, как через пару дней после этого, мы звонили совершенно вольному, но смертельно обреченному Харлашкину домой в Москву.

Разговаривали по очереди. И я хотел произнести что-то дежурно ободряющее, что обычно говорят, точнее, откровенно врут, в подобных случаях. Тогда Дед на другом конце эфира упредил все мои желания, выдохнув хриплым речитативом уже знакомое: «Все болит, земляк, все больно...»

Еще через три дня стало известно, что Николай умер.

Затеяли было по этому поводу чифирнуть всем отрядом, помянуть универсальным арестантским напитком смотруна уже бывшего, да не сложилось... Обрушился в тот день на нас внеплановый шмон: дюжины совсем незнакомых мусоров (то ли работники соседней зоны, то ли прикомандированные из соседней области) три часа остервенело переворачивали и перетряхивали в бараке все, что можно было перевернуть и перетряхнуть. После этого едва к отбою успели порядок навести. На другой же день объявилась в зоне проверка – комиссия из областной управы. Опять весь день кувырком: беготня, уборка пожарная и много прочей суеты.

Снова не до чифира.

Так и не помянули мы смотруна отрядного.

Впрочем, не знаю кто как, а я и без этих ритуалов помню его до сего дня.

Почему помню – ведь встречались мне за время моего срока куда более колоритные люди, – не знаю. Глупо было бы пытаться здесь что-то объяснить. Память человеческая – организм самостоятельный, сама выбирает, что хранить, что выбрасывать. На свое чутье полагается. А чутье это – безупречное.

Александр Сидоров

На свободу – через царское окно

Транзит ГУЛАГ – Европа: побег по принципу «семейного подряда»

Подводная лодка в песках Лиепаи

Тоска по канувшей в Лету Стране Советов выражается в разной форме. Кто-то, закатив глаза, вспоминает газировку с сиропом за три копейки и кеды по рубль сорок пара, иные печалуются по сбору металлолома и песне «Слышишь, время гудит – БАМ!»... Но самыми изобретательными в деле «красной ностальгии» оказались потомки отважных латышских стрелков. Именно в Латвии возникла потрясающая идея: чтобы вернуться в проклятое незабвенное прошлое, надо... бежать от него!

«Креативщики» из Лиепаи изобрели игру по типу успешно канувшей в Лету пионерской «Зарницы», но с милым прибалтийским акцентом. Называется она «Побег из СССР». Забава предназначена для ребятшек от десяти лет, однако, как уверяют создатели веселых «догонялок» на свежем воздухе, «вместе с родителями свершить побег могут также и дети младшего возраста». Идея: «напомнить недавнюю историю нашей страны – период советской оккупации». Задача: «дать возможность участникам самостоятельно думать, искать, принимать решения, помогать товарищам, ощутить те чувства, которые не так легко найти в современном устроенном обществе». Конечно, грустно, что в современном устроенном обществе Латвии нелегко найти тех, кто самостоятельно думает, принимает решения и помогает товарищам. Но зато, по крайней мере, можно преодолеть препятствия и добраться до подводной лодки, которая доставит тебя в прекрасное далеко...

Правила предельно просты: борьба мальчишей-плохишей против латышей-крутышей. Плохиши носят форму советских пограничников и всеми жабрами души жаждут захватить маленьких побегушников. Поэтому нужно передвигаться тихо и скрытно. Иначе маньяки-«погранцы» поймают отважных диссидентов и оставят на их нежных яго-

дицах отпечатки огромных красных звезд с блях форменных солдатских ремней. Или того хуже: запрут в психушки и запытают пирожными с аминазином. Впрочем, эта часть игры еще до конца не прописана. Подлодка – пока предел болезненных фантазий «игрунов».

Цена развлекательной турпрограммы: 4 лата – для детей, 6 латов – для взрослых, то есть примерно от 240 до 350 рублей. Свобода, она того стоит.

А если отодвинуть шутки в сторону, следует признать, что северо-запад СССР действительно с первых лет советской власти был наиболее удобной «прорехой» для побегов за кордон – через то самое окно, которое Петр Великий прорубил в Европу. Только большевистские лидеры в XX веке поняли, насколько государь император погорячился...

Приключения ихтиолога в чухонских болотах

Поначалу наименее стойкие граждане рванули из большевистского рая в отколовшуюся от «красной» империи Финляндию. Точное количество беглецов назвать невозможно – тем более что граница была не столько на замке, сколько на щеколде, которыми закрываются деревянные сортиры на садовых участках. Но несколько побегов можно назвать знаковыми. Мы бы отнесли эти истории к разряду «семейных». Не то чтобы истории о них предназначались для семейного чтения; просто в чужие земли уходили по принципу «Папа, мама, я – дружная семья», как некогда Иосиф бежал в Египет вместе с Марией и Младенцем подальше от царя Ирода.

Первое предприятие такого рода совершили супруги Чернавины. Владимир Вячеславович был известным ученым-ихтиологом, Татьяна Васильевна – хранителем Петергофского и Ораниенбаумского дворцов-музеев, старшим научным сотрудником в Эрмитаже. Эти люди честно пытались быть полезными Родине (пускай и советской) и не рвались за границу. Однако дурдом, который устроила новая власть, не оставил Чернавиным иного выхода. Прежде всего оказалось, что большевики стали активно преследовать теоретические работы во всех областях знания, если они «не соответствовали марксизму». При этом учение Дарвина в Стране Советов считалось столь же непогрешимым, как и учение Маркса, и всякое возражение против дарвиновской теории отбора рассматривалось как контрреволюция. К несчастью, как признавался позже Чернавин, его очередная работа не соответствовала теории знаменитого английского зоолога, и «люди весьма компетентные советовали мне с ней не выступать».

Пришлось от теории обратиться к практике. Отец семейства работал в мурманском Севгосрыбтресте, когда началась охота за «врагами народа». В их числе оказался и рыбовед Чернавин. С 1924 по 1929 год он и его коллеги сумели благодаря новым технологиям увеличить улов рыбы с 9 до 40 тысяч тонн в год. Но «архитекторы» первой пятилетки потребовали довести показатели до... полутора миллионов тонн! Ихтиолог машинально покрутил пальцем у виска – и за «саботаж» великих планов в 1930 году получил 5 лет Соловков. Впрочем, направили его в рыбопромышленное отделение лагеря (в «рыбную шарашку» – хотя понятия шарашки в то время в лагерях еще не было). Чернавин зарекомендовал себя ценным специалистом, и в 1932 году к нему в Кемь приезжает жена Татьяна с 13-летним сыном Андреем. Молва трактует топоним «Кемь» как аббревиатуру «К е.ене матери»: якобы Петр I, а за ним государыня Екатерина накладывали короткие резолюции о наказаниях подданных – «сослать КЕМЬ!». Дружная семья решает исполнить завет царственной четы и организованно «дергает» в сторону финской границы.

Побег готовили полгода – ждали лета. Все это время Татьяна Чернавина в Питере все ненужные вещи распродала по комиссионкам и скупала то, с чем необходимо уйти в побег. Расставаться с родными местами было мучительно больно: «Ленинград, набережная, Нева, Адмиралтейство, Зимний дворец... – все это останется, а мне надо уйти отсюда навсегда. Россия была такой прекрасной страной! Одна шестая часть мира». Но вся эта часть жжалась, как шагреновая кожа, до размеров УСЛОНа – Управления соловецких лагерей особого назначения...

Задумано все было гладко: ихтиолог добился от недоверчивых гэпэушников письменного разрешения на служебные командировки без конвоя для организации новых рыбных промыслов. К приезду жены он также получил право на десятидневное свидание. Но с самого начала беглецов преследовали несчастья. За несколько дней до побега глава семейства надорвал спину, поднимая мокрую, тяжелую, десятипудовую сеть. Затем Татьяна случайно утопила в реке компас вместе с картой. Однако Владимир решил не отступать: будет солнце – ориентируемся по часам. Только прочь, прочь из проклятой страны!

Трио Чернавиных надеется добраться до «приюта убогого чухонца» дня за три-четыре. Однако блуждания растянулись на все восемь. Как рассказывал позднее глава семейства: «Я бежал с каторги, рискуя жизнью жены и сына. Без оружия, без теплой одежды, в ужасной обуви, почти без пищи. Мы пересекли морской залив в дырявой лодке, залатанной моими руками. Прошли сотни верст. Без компаса и карты,

далеко за полярным кругом, дикими горами, лесами и страшными болотами». Для полноты картины добавим жуткие атаки комаров и гнуса, превращавшие лицо и открытые части тела в кровавое месиво.

Беглецы потеряли представление о том, где находятся. В СССР? В Финляндии? У черта на куличках? Решив наконец, что пересекли границу благословенной Суоми, Чернавины отважились развести большой костер, чего до сих пор не делали из предосторожности. Между тем они находились еще на территории большевистской России! Однако все обошлось, костра никто не заметил.

Чернавины пробирались незамеченными еще несколько дней, пока наконец не перешли вождеденный кордон. Но и на этом мучения не закончились: беглая семья уткнулась в непроходимые болота. Ихтиолог оставил жену с ребенком и самостоятельно отправился искать людей, как Лиза Бричкина из повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие». К счастью, в отличие от бедной Лизы, для Чернавина все завершилось удачно, и назад он вернулся с финским дозором.

А через два года в парижской газете «Последние новости» выходят сразу две скандальные книги-разоблачения – «Записки “вредителя”» Владимира Чернавина и «Жена “вредителя”» Татьяны Чернавиной. Андрей записок «сына “вредителя”» не оставил, предпочтя сочинительству специальность проектировщика железобетонных мостов; зато он сделал все, чтобы книги родителей вышли на русском на Родине – увы, пока мизерным тиражом по тысяче экземпляров...

Впрочем, воспоминания Чернавиных не раз издавались на английском, французском, немецком, испанском, итальянском, финском, польском и других европейских языках – и даже на арабском. А после того как мемуары беглецов увидели свет в США, газета «Правда» в 1934 году разразилась гневной статьей в адрес «продажных лжецов».

Ах, если бы «правдорубы» знали, что это – только цветочки...

Побег имени Остапа Бендера

В тот самый год, когда штатные публицисты обрушивали проклятия на «клеветников России», по направлению к финской границе двинулось еще одно семейство. Его душой и мозговым центром стал журналист, спортсмен и авантюрист Иван Солоневич. Этот пламенный белорус из Гродненской губернии был сыном известного редактора нескольких крупных газет западнорусистской направленности (проповедь братства великороссов, малороссов и белорусов). Поскольку в тогдашней «прогрессивной» среде эти идеи популярностью не пользовались, Солоневичу пришлось несколько раз с револьвером в руках отбивать

нападения еврейских революционеров на свою типографию. Что не помешало ему в дальнейшем выступить против зоологического антисемитизма.

Будучи гимназистом, Солоневич вступил в спортивное движение «Сокол», которое проповедовало идеи объединения славян. В 1913 году юный сокол становится студентом Петербургского университета, сокурсником Николая Гумилева, занимается тяжелой атлетикой, работает журналистом, судебным репортером... В Февральскую революцию из-за нужды подался в грузчики, но был позорно изгнан за отказ пить денатурат. После установления власти большевиков вместе с женой Тамарой и братом Борисом бежал на белый юг России.

Отличие от Чернавиных, Солоневичи после прихода Советов сразу решили валить из страны. Иван мотнул в Одессу, затем пытался перевезти туда жену с сыном Юрием, чтобы всем вместе эвакуироваться с русской армией барона Врангеля. Однако здесь он заболел тифом, провалялся в госпитале, а супруга с сыном прибыли уже после эвакуации врангелевцев. Не судьба...

Солоневич было включился в антисоветскую борьбу, но чуть не попал под расстрел и решил переквалифицироваться в бродячие циркачи – благо к нему приехал брат Борис, до этого служивший в ОСВАГе (осведомительно-пропагандистский отдел Добровольческой армии). Оба колесили по малороссийским селам, где «за еду» устраивали силовые демонстрации, борцовские и боксерские поединки.

В 1926 году семейство переезжает в Москву, где братья становятся инспекторами по физкультуре и спорту, а Тамара Солоневич устраивается переводчицей Комиссии внешних сношений при ВЦСПС. Иван Солоневич издает несколько пособий, в том числе «Самооборона и нападение без оружия» (для НКВД). Казалось бы, жизнь наладилась. Но на самом деле хрустальная мечта Солоневичей – побег на Запад. Тамара Солоневич, прослужив с 1928 по 1931 год в берлинском торгпредстве, заключает фиктивный брак с немецким гражданином и уезжает в Германию. А Иван и Борис тем временем готовят свой побег из СССР.

Сначала колебались между финской и персидской границей. Иван даже в качестве журналиста побывал на южных рубежах. После этой поездки выбор окончательно пал на Карелию. Но фортуна постоянно демонстрировала заговорщикам свою филейную часть. В сентябре 1932 года группа беглецов выехала в Карелию под видом туристско-охотников. Однако план за неделю добраться до Финляндии провалился из-за проливных дождей и магнитной аномалии, которая выве-

ла из строя компасы. Иван Солоневич простудился, пришлось повернуть назад. В мае 1933 года бегство сорвалось из-за банального аппендикса, который вырезали сыну Юрию.

Третью попытку сорвали бдительные чекисты. В группу был внедрен агент «Прицельный» (в миру – Николай Бабенко), всех участников арестовали в вагоне по дороге на Мурманск. Причем, в лучших традициях польско-российской комедии «Дежа-вю», операцию проводили 26 сотрудников ГПУ, переодетых в проводников и простых пассажиров! Шутки шутками, но за антисоветскую агитацию, шпионаж и подготовку к побегу Иван и Борис схлопотали по 8 лет лагерей, а Юрий – три года. При этом – ирония судьбы! – власть не нашла ничего умнее, как направить всю троицу в Подпорожское отделение ББК (Беломорско-Балтийского комбината), то есть поближе к финской границе...

Вот тут читатель сможет оценить, что мы не зря так долго рассказывали о спортивных увлечениях семейства. Дело в том, что и на ББК Иван Солоневич сумел занять пост спортивного инструктора, а Борис устроился доктором. Чтобы собрать всю необходимую информацию, подготовить план и маршрут побега, Иван Солоневич выходит к высокому начальству с гигантским планом «вселагерной спартакиады», которую он якобы берется подготовить в кратчайшие сроки! Честно говоря, сам Иван Лукьянович в своих воспоминаниях не упоминает о том, читал ли он к тому времени роман «Двенадцать стульев», вышедший в 1928 году. Однако грандиозная афера Солоневича достойна стать в один ряд с эпохальным всемирным шахматным турниром в Нью-Йорке... Как говорится, идеи Бендера живут и побеждают: лагерное руководство всемерно поддержало «инициативу снизу». И тогда Иван Лукьянович Бендер-бей оформляет для себя двухнедельную командировку в Мурманск и пятидневную в Повенец для сына. Дата побега была скоординирована с Борисом, который должен был совершить побег одновременно с братом и племянником – в полдень 28 июля 1934 года, но уже из другого места: Лодейное Поле, столица Свирьского лагеря ОГПУ. Это было значительно сложнее – часть пути приходилась на густонаселенную местность.

За несколько дней до «часа X», как вспоминал Иван Солоневич, в «Правде» вышло постановление Совнаркома СССР, которое предусматривало за попытку побега за границу – расстрел, а если бежал военный, его не только расстреливали, но и всю семью выслали «в отдаленные места Союза». На это Солоневич-старший заметил: «Не меняет положения», а младший презрительно пожал плечами...

Иван и Юрий с разницей в три часа покинули лагерь, встретились в условном месте. На шестнадцатый день побега отец и сын перешли на территорию Суоми, где их заключили в объятия местные крестьяне. Позднее отец и сын встречаются с Борисом, а потом семья воссоединяется с Тамарой Солоневич. Вскоре Иван Лукьянович знакомится с Татьяной Чернавиной и по ее примеру тоже публикует разоблачительные мемуары «Россия в концлагере» – саркастически-издевательское произведение, написанное ярким, образным языком. Эта книга вышла в Софии в 1936 году. Не отстает и Борис, публикуя воспоминания «Молодежь и ГПУ»...

Но на этот раз, в отличие от Чернавиных, в стороне от литературы не остался и сын. В 1938 году 22-летний Юрий Солоневич пишет свою книгу-версию «22 несчастья». Как формулирует литературовед Елена Соини, в ней «вместо героического описания препятствий и погонь – ирония, улыбка, насмешка подростка над незадачливым старшим поколением, жаждущим переделать мир». Оказывается, несмотря на то что Юра несколько лет прожил с матерью в Берлине, он совершенно не имел ничего против жизни в СССР. Он пишет, как, вернувшись из Берлина в начале 1931 года от матери к отцу, он стоял «на пороге огромной, таинственной страны – с дрожащими коленями, но с твердым намерением в кратчайший промежуток времени к этой стране приспособиться». В советской России для него было много интересного и непознанного. Поэтому в книге Солоневича-младшего большое место уделено именно приключениям в Стране Советов, работе с режиссером Абрамом Ромом, у которого Юра был в помощниках, забавным и любопытным случаям из советской киноиндустрии 30-х годов...

Самому побегу посвящена только вторая часть повествования. И то – не последнему, удавшемуся, а первому, неудачному. Почему такой выбор? Сам Юрий с присущей ему иронией объясняет это нежеланием «отбивать хлеб собственному папаше» и отсылает читателя к книге «Россия в концлагере». Однако дело, думается, вовсе не в этом. Для Юрия все эти побеги были всего лишь очередными приключениями. Ему был интересен романтический антураж: замысел, обсуждение, подготовка, добыча оружия... Отсюда и его отношение к побегу далеко от всякой политики. 18-летний Юра во все глаза всматривается в первозданную красоту карельской природы, с восхищением и даже внутренним трепетом описывает пейзажи – реки, водопады, горы, леса, болота...

Его книга о 22 несчастьях – на самом деле величественный гимн сказочному краю. Чтобы ощутить разницу восприятия у отца и сына,

достаточно сравнить их описания «финской авантюры». Иван Солоневич: «Мы три раза останавливались, но не для отдыха. Первый раз мы смазывали наши сапоги коркой от копченого сала, второй – настоеккой из махорки, третий – нашатырным спиртом. Самая гениальная ищейка не могла бы сообразить, что первичный запах наших сапог, потом соблазнительный аромат копченого сала, потом махорочная вонь, потом едкие испарения нашатырного спирта – все это относится к одному и тому же следу». Юрий же запомнил совершенно иное: «Шли по бесконечным анфиладам огромного храма с темно-зелеными, открытыми куполами, с темными, сумрачными галереями, с самоцветными мозаиками дождевых капель и мягкими, бесконечно узорчатыми коврами мхов, с тихими, будто искусственными, прудиками болотных окон...» Или вот это описание леса-оборотня: «По берегам – лес дремучий и грозный, кормящий и убивающий, укрывающий и предательский, такой, каким он был в первый день творения, и тысячу лет назад, и сегодня, и каким он Бог его знает сколько времени еще проживет».

На самом деле Юрий Солоневич оказался и глубже, и мудрее своих родственников. Поэтому в его книге так естественно сочетаются восхищение волшебным краем и добрый юмор, а порою – едкая, горькая ирония по отношению к людям, которые не чувствуют дыхания вечности, а занимаются делами суетными, нелепыми и, по существу, смешными. Об удачном завершении эпопеи с бесконечными побегами он коротко отзывается так: «Четырнадцатого августа тысяча девятьсот тридцать четвертого года мы с сияющими от счастья и комариных укусов лицами выбрали наконец, как и было задумано, на финскую территорию, в стопроцентном на сей раз убеждении, что жизнь для нас начинается завтра».

И затем завершает повествование грустным признанием: побег в Финляндию оказался «утопическим проектом». Не было никакого смысла «рыскать взорами в голубых даях» неведомых «тридцати земель» – ведь на самом деле счастья на чужбине беглецы не нашли, зато потеряли чудесный пруд «с самыми настоящими, золотистыми и жирными карасями» в родной стороне, и настоящее солнце для них осталось на востоке. Действительно, за пределами Родины Солоневичей ожидали разочарования, оскорбления, непонимание, клевета, страшные трагедии. Их объявляли «агентами ГПУ», потому что Иван Лукьянович резко выступал против многих представителей эмиграции, «фашистами», потому что книгой «Россия в концлагере» зачитывались Гитлер, Геббельс, Геринг, а сам Иван Солоневич создал в 1938 году в Германии «Национальный русский фронт» для борьбы с Советами (который,

впрочем, нацисты вскоре запретили). В феврале 1938 года НКВД организует покушение на Солоневича: от взрыва бомбы гибнут его жена Тамара и секретарь Николай Михайлов...

В конце концов судьба забросила Ивана и Юрия Солоневичей в Южную Америку, где неугомонный Иван Лукьянович продолжал сочинять статьи о «народной монархии», основанной на «русской идее», а эмигранты по-прежнему считали отца и сына «агентами Москвы». Но это уже ария из совсем другой оперы.

Маньяк в лифчике

Из истории донских побегов

Маленький, но вредный

Побег из-под конвоя Анатолия Нагиева – рецидивиста, приговоренного к смерти в 1981 году... В свое время писали о нем взхлеб и журналисты, и силовики. Уж очень наглая акция для того времени. Да и для нашего, пожалуй. Но вот как-то не удосужились документальные сочинители поинтересоваться подробностями у оперативников ново-черкасской следственной тюрьмы № 3, которые принимали участие в поимке преступника. А между тем их версия во многом отличается от официальной, «милицейской». Жаль, у самого Нагиева уже не спросишь... Хотя – нашли о чем жалеть...

Кто же такой Анатолий Гусейнович Нагиев, схлопотавший к двадцати трем годам «вышку» за зверское убийство четырех человек? По меркам «порядочных арестантов» – «никто, и звать никак». С точки зрения зоны – мразь, животное. Из Дагестана, родился в бедной семье, отец, кажется, ингуш, мать – казашка. Ростом Толя едва дотянул до 157 сантиметров и, как многие невысокие подростки, стремился компенсировать недостаток «вершков» другими качествами, которые придали бы ему авторитет в среде приятелей. Таким «компенсатором» для Нагиева явилась физическая сила. Парнишка фанатически занимался спортом, достиг успехов в атлетической гимнастике, обладал недюжинной силой. С грехом пополам окончил школу, к шестнадцати годам выучился на киномеханика.

Но в 1975 году вольная жизнь неожиданно оборвалась. 17-летний Нагиев получил шесть лет лишения свободы по одной из самых позорных статей УК – 117-й (изнасилование). Возможно, Анатолий не пользовался успехом у слабого пола, и на этой почве у него развился комплекс сексуальной неполноценности. Его домогательствам отказала девушка,

и парень сорвался, посчитав такой поступок актом презрения к «карлику». Но факт остается фактом: дагестанский парень «загрел» в Коми АССР. Среди арестантов эти зоны считаются особо суровыми, и идти туда со 117-й – опасно для здоровья и сексуальной невинности. Как правило, из «горячего мальчика» делали лагерную «девочку». И никакая физическая сила не помогла бы защититься от силы «зэковской справедливости». Не исключено, то же самое случилось с Нагиевым и окончательно повредило его психику. По статистике, почти все сексуальные маньяки когда-либо становились жертвами половых надругательств. Позднее, в эпоху «перестройки» (да уже и в начале 1980-х), нравы на зоне стали помягче; но в середине 1970-х расплата «дырка за дырку» считалась еще самой мягкой. Могли и просто на полотенце над парашей вздернуть.

Сексуальным унижением можно объяснить и то, что Нагиев вышел на волю с маниакальной идеей – насиловать и убивать женщин (в которых воплотилось все ему ненавистное). Вскоре его задерживают за зверское преступление: в поезде «Харьков–Москва» он изнасиловал, ограбил и убил сразу двух проводниц и двух пассажиров! От трупов избавился, сбросив их на ходу с поезда. Но жадность фраера губит: садист сдал в ломбард под собственным именем фамильную драгоценность одной из жертв. Остальное было делом техники сыскарей. Впрочем, те смогли доказать лишь поездные убийства, хотя подозревали Нагиева в совершении более сорока подобных преступлений. Парень, однако, не «раскололся». Хотя охотно рассказывал историю о том, как якобы готовил расправу... над Аллой Пугачевой! Эту байку он травил и курским следователям, которые задержали его в 1981 году, и позже – сотрудникам ростовской милиции и «операм» из новочеркасской тюрьмы. Насколько история близка к реальности – кто знает... В приговоре Курского суда от 2 июля 1981 года про «охоту на Пугачеву» – ни слова. Но и без того двадцатитрехлетний Нагиев Анатолий Гусейнович нагреб себе на «вышак»: был приговорен к исключительной мере наказания – расстрелу.

Анна Каренина, или Каштанка под паровозом

Мало кому хочется умирать в 23 года. Нагиев был точно не из таких. Более того, даже если исключительную меру наказания заменят, подобная «гуманность» будет сравнима для «взломщика лохматого сейфа» (так на жаргоне называют насильников) с восьмым кругом ада! Семь кругов покажутся ему милым отдыхом на адлерском побережье...

С первых же дней содержания в одиночной камере – «на смертном ряду» – убийца активно поддерживал физическую форму, отжимаясь

от пола, делая растяжки, оттачивая молниеносные удары... Со стороны коридорных надзирателей это не приветствуется. Особенно когда к спортивным достижениям готовятся «сидельцы», у которых вариант один – ИМН (исключительная мера наказания).

– Ты что, рожа звериная, собрался от чертей на том свете отбиваться? – зло интересовались прапора. – Прекрати, а то до «вышки» не доживешь!

Нагиев только бешено вращал дикими кавказскими глазами и тайно продолжал свое. Обычно ИМНы сидели смирно, писали помиловки и молились. Нагиев получил у дежурняков кличку Борзый. А в личном деле кавказца появилась запись: «Склонен к побегу и нападению на сотрудников администрации». С такой милой характеристикой маньяка повезли в новочеркасскую «расстрельную» тюрьму.

В «столыпине» ИМНы занимают одиночные камеры-купе, отделенные от коридора крепкой решеткой с ячейками 5х5. За Нагиевым конвой следил особо зорко: кавказских уголовников вообще не любят, а уж «смертников» с такой «сопроводиловкой»...

«Пассажиров» принимал встречный конвой тюрьмы на станции Хотунок близ Новочеркаска (недалеко от тюрьмы строгого режима № 14). Рядом со зданием вокзала расположен обменный пункт – вагончик, обложенный кирпичом. Здесь эзков распределяют по автозакам. Кто-то едет этапом в другой конец матушки-России, кто-то – на переследствие. А кто-то – в последний путь. К таким – отношение особое. В вагонную камеру к ним заходят не менее чем втроем, обязательно – начальник войскового караула и начальник тюремного. «Расстрельным» положено защелкнуть наручники за спиной и изолированно от всех конвоировать к отдельному «воронку». Так планировалось и в этот раз.

Но «столыпин», прибывший поздней ночью 19 августа 1981 года на Хотунок, здорово выбился из расписания. Оба начальника караула – войскового и «встречного» тюремного – торопились завершить неприятную процедуру. Основную массу арестантов выгнали на перрон и посадили на корточки. Нагиева вывели последним. В камере вышла заминка с заменой наручников. У военного конвоя наручники свои, прочные, такие «железки» без ключа не снимешь. У тюремщиков «браслеты» попроще, для использования внутри «колючки», опытный эзк гвоздиком открывает.

– Давай-давай, надевай свой металллом! – торопил вэвзшник тюремщика. – Время поджимает...

– Погоди, не защелкиваются...

– Да закоцай их спереди и вываливай, на улице разберетесь!

И начальник тюремного караула второпях пошел на грубое нарушение инструкции: защелкнул наручники спереди. Нагиева вытолкнули на перрон и усадили вдали от других «пассажиров». Еще несколько минут – он окажется в «воронке», а потом – в первом корпусе новочеркасской тюрьмы, в отдельной камере смертников.

И тут случилось непредвиденное...

Дело в том, что поезд прибыл на среднюю ветку, от здания вокзала его отделяло несколько бездействующих путей, а по другую сторону вагонзак тянулись действующие колеи. За ними – поле, жилой массив, вдали – поселок Донской, рядом – пойма реки Тузловка, дальше – мост.

Вот в этом месте рассказа возникает первая легенда о дерзком «побегушнике». Ветеран донского сыска, полковник милиции Амир Сабитов, во время описываемых событий – заместитель начальника Управления уголовного розыска Ростовской области изложил ее так:

«Вагонзак отогнали на запасной путь. По освободившейся ветке загромыхал, набирая скорость, товарняк. И тогда Нагиев, стремительно распрямившись, прыгнул под поезд... Конвоиры опешили. В промежутке между вагонами было видно, как беглец несется к камышам».

В эту байку о тюремном «Каренине» придется внести несколько уточнений. Ни Сабитов, ни другие сотрудники милиции не были очевидцами побега, да и с годами, видать, прошлое для них окуталось романтическим ореолом. Между тем очевидцы и документы свидетельствуют об ином. Все было гораздо проще – хотя не менее дерзко. Вагонзак никуда не успели отогнать. Сидевший на корточках спиной к поезду Нагиев обострившимся слухом уловил, как по пути, который шел за стоявшим составом, к Хотунку приближается какой-то поезд. Вдалеке сверкнули огни. Грохот составов все ближе... И вот тогда смертник, рассчитав, когда поезд подошел совсем близко, ныряет под стоящий вагонзак, а затем перебегает путь прямо перед несущимся электровозом! И рванул в поле, за жилой массив. Только его и видели...

Цыганка с вилами, дорога дальняя

Побег смертника из-под конвоя в те годы – это пострашнее фильма ужасов «Я потерял свой партбилет». Дело взял под личный контроль министр внутренних дел Николай Щелоков. «Даю три дня на поимку!» – приказал суровый министр. Но и через месяц ловкий Толик все еще бегал...

Объявили тревогу, ввели в действие планы «Сирена» и «Баргузин» (толку ноль, но звучит страшно). И милиция, и тюремщики группами прочесывали рощи, лесополосы, поселки, хутора... По электричкам

дежурили опера в штатском, на территории всей области менты перекрыли речные вокзалы, автобусные станции, группы захвата рванули на Кавказ – «по нагиевским местам»... Все без понту, как говорят сидельцы. Тогдашний заместитель начальника областного угрозыска Иван Зацепин вспоминал, что разыскная собака, с которой прочесывали поля близ места побега, умерла от жары. К началу второго месяца некоторые предлагали свернуть поиски: объявлен «побегушник» во всесоюзный розыск – и ладно. Пошли слухи, что Нагиев добрался уже до далекой Турции... Но оказалось, до Туретчины Толик-маньяк не доплыл, а устроил лежбище неподалеку. И вот тут начинается очередная непонятка с милицейскими байками.

По свидетельствам Сабитова, утром 29 сентября из хутора Яновка от дружинника поступила информация. Один из местных жителей указал ему схрон в стоге сена: с посудой, скудной провизией, мужской и женской одеждой и самодельным календарем на обрывке толя. Начат он был 19 августа – в день побега. Хуторяне сообщили также, что несколько раз видели неподалеку то невысокого кавказца в рваном спортивном костюме, то подозрительную цыганку с кривыми волосатыми ногами. К тому же в селе кто-то стал срывать белье с веревок и лазать по погребам.

Далее, по воспоминаниям опера милиции Ивана Зацепина, он связался с тюрьмой и Ростовом и потребовал десяток кинологов с собаками. Решили проверять все подряд, даже выгребные ямы. Люди с оружием в руках развернулись фронтом в полтора километра и стали спускаться с горы в хутор (по другой версии, милиция окружила хутор и стала сжимать кольцо). А в Яновке гуляли казачью свадьбу. Подвыпившие мужики якобы увидели и спугнули таинственную кривоногую цыганку, а уж милиция погнала Нагиева, пытавшегося таким хитрым способом «выйти из окружения», до свиарника на окраине хутора, где и расстреляла в упор, увидев обрез в руках. Зацепин при этом утверждает, что получивший смертельные раны преступник лежал перед ним без сознания, но с открытыми глазами – жуткими, вылезавшими из орбит...

Ветеран Амир Сабитов (который сам на задержании не присутствовал) рассказывает несколько иначе. В его версии свадьба исчезает, зато появляется лейтенант милиции, командир взвода патрульно-постовой службы Николай Ефременко из Новочеркасска. Когда его экипаж подъезжал к Яновке, их остановил водитель шедшей навстречу белой «Волги» и заявил, что неподалеку в кустах прячется подозрительный парень в женской одежде. Группа Ефременко якобы обнару-

жила Нагиева в колючих кустах. Тот бросился бежать, несмотря на многочисленные предупреждения милиционера «Стой, стреляю без предупреждения!». Впрочем, стрелять дисциплинированный лейтенант не стал, а побежал в погоню, настиг арестанта и вновь начал убеждать его, что в случае чего может выстрелить. На что Нагиев сначала вынул тесак и стал угрожать отважному Ефременко, а когда тот выстрелил в воздух, уркаган вытащил из-за пояса обрез. Вот тогда-то лейтенант метко поразил предплечье Нагиева тремя пулями. Но и после этого раненый маньяк боролся с остервенением, разбросав подскочивших на помощь начальника ОВД Промышленного района Новочеркаска Николая Гончарова и сотрудника угро УВД Ростовской области Игоря Исаева. Скрутить негодяя удалось лишь впятером. Вот как описывает это Сабиров: «С трудом оперативники заломили его руки за спину. Орущего, отчаянно извивающегося преступника втиснули в патрульную машину...»

Так что же на самом деле: лежал ли Нагиев без сознания или дрался и исполнял кавказские танцы?

Но есть и третья сторона: оперативники новочеркасской следственной тюрьмы СТ-3 и опера ростовского УИТУ (управление исправительно-трудовых учреждений, сейчас – ФСИН). Бравые милиционеры как-то забывают напрочь, что «тюремщики» участвовали в поисках и поимке Нагиева наравне с «цветными»...

И выяснились совершенно замечательные детали.

– На самом деле брали Нагиева мы! – заявили тюремные оперативники. – Пришла информация, что в стогу прячется непонятно кто – не то мужчина, не то женщина. Мгновенно выехала группа захвата во главе с Николаем Винниковым, тогдашним начальником по режиму и охране СТ-3. В то время ему было лет 35–36. Действовать надо было мгновенно. Хлопнули этого уroda недалеко от стога. Он точно был в каких-то женских лохмотьях. Выскочил сам, когда уже группа подошла чуть ли не вплотную. Какой там обрез, откуда ему было взяться?! Зэчара бросился прямо на Винникова не то с вилами, не то с лопатой. Ну, с чем-то рабоче-крестьянским. Коля недолго думая и засадил в него всю обойму ПМ. Думали, кранты смертнику. Привели приговор в исполнение чуть раньше, чем положено. Да вот жаль, ни одна пуля в голову не попала...

Остается добавить, что на Нагиеве был надет женский лифчик...

Хочешь жить – кусай за палец!

Версия тюремщиков во многом совпадает с рассказом опера Ивана Зацепина, который участвовал в задержании Нагиева. Зацепин тоже ясно утверждает, что беглец был без сознания. А в очерке о побеге Нагиева журналист Андрей Бережной (тоже со слов очевидцев) пишет, что «в тюрьме над телом особо опасного рецидивиста трудился тюремный врач. Трудился с ланцетом, ибо от всей души хорошего человека, повидавшего многое, желал этому телу скорейшей смерти. Достаточно сказать, что кровь из живота Нагиева врач вычерпывал обычным граненым стаканом». Как-то трудно представить, что граненым стаканом можно вычерпывать кровь из предплечья, которое якобы поразил отважный милиционер Ефременко.

Работники тюремной системы тоже вспоминают: «смертник» был в тяжелом состоянии, и никто не верил, что он выживет. Однако уже через неделю Нагиев стал подниматься. А вскоре и вовсе почувствовал себя чуть ли не бодро.

В этом человеке (если его так можно назвать) кипела бурная жажда жить. И одновременно бился дикий страх перед смертью. Нагиев был постоянно настроен на новый побег: он что-нибудь обязательно придумает – лишь бы времени хватило! Но времени не хватило.

Рассказывают, что в ночь, когда его забирали из камеры «на исполнение», извернувшийся кавказец умудрился напасть на одного из контролеров и откусил ему фалангу пальца! Надеялся на то, что это зачтут как новое преступление, повезут на пересуд, а там – судьба подбросит шанс. И на этот раз главное – его не упустить!

...Контролеру быстро перевязали палец.

– Ну что, грузите суку, – процедил, ткнув пальцем в Нагиева, суровый офицер со злыми глазами. – «Воронок» ждет. Кому смажут зеленкой палец, а кому – лоб, – мрачно пошутил он.

«Смазать лоб зеленкой» – значит расстрелять. Зачем смазывать? А чтобы пуля инфекцию не занесла...

И маньяк понял: это – финиш. И это был действительно финиш.

Нагиева похоронили в безымянной могиле – с традиционной биркой на ноге.

Ирина Уварова.
Юлий Даниэль и все все все.
 СПб.: из-во Ивана Лимбаха, 2014. 352 с.

Алексей Мокроусов

«... судя по интонации, имел в виду пулемет»

Юлий Даниэль в кругу друзей: новая книга мемуаров

Книга воспоминаний художника и театроведа Ирины Уваровой – настоящая энциклопедия 60–80-х годов. Это рассказ о той части жизни в СССР, о которой не знали миллионы. Если о ней и говорили по телевидению или писали в газетах, то только как о враждебном и предательском пространстве посреди страны всеобщего благополучия и единения.

Книга Ирины Уваровой – об инакомыслящих, инакоделающих, инакоживущих. В центре – фигура мужа, писателя, поэта и переводчика Юрия Даниэля (1925–1988). Среди других героев книги – Михаил Бахтин и Булат Окуджава, Аркадий Белинков и Сергей Параджанов.

Печально знаменитой истории ареста Даниэля и Андрея Синявского в 1965 году в мемуарах уделено не так много внимания, хотя в свое время публикация на Западе под псевдонимами произведений двух советских авторов произвела эффект разорвавшейся бомбы. Поговаривали даже об особом соглашении между ЦРУ и КГБ на предмет выдачи авторов, спрятавшихся под именами Николай Аржак и Абрам Терц (все же это кажется маловероятным, речь скорее о банальном проколе кого-то из посредников по передаче рукописей). Но странная ат-

мосфера эпохи, сотканная из никак не забываемого глотка оттепельной свободы и непрерывного давления и открытой слезки, воссоздается из множества деталей. То Степан Татищев, бывший атташе по культуре французского посольства, отозванный в Париж и приехавший в Москву уже по приглашению посла, получает от филеров откровенную угрозу – не выйдешь из гостей в девять, ноги переломаем (пришлось Даниэлям вызывать друзей на машине с дипномерами, чтобы вывезти Татищева из гостей). То задержание на даче с рукописью о карательной медицине в СССР выглядит как операция по поимке нелегальных диверсантов. «У меня всегда вызывал профессиональное любопытство театрального критика театр КГБ. Исполнители ответственных поручений? страсть как любили играть роли, хотя бы и бессловесную роль монтера», – пишет автор. Но театр этот был брутален. «На дворе стояли семидесятые годы, за кем-то шла слезка, кому-то звонили ночью с хриплыми угрозами, кого-то в скором времени поджидали гонения и изгнания». Причем часто слезка не скрывалась, ее показной характер явно санкционировался сверху. Целью было психологическое давление, людей откровенно принуждали уезжать из страны.

Тех, кто оставался, ждала нелегкая участь. Судьба литературоведа Аркадия Белинкова (1921–1970), автора интереснейших биографий классиков советской литературы, Юрия Тынянова и Юрия Олеши, – один из многих тому примеров. Уже в лагере он получил второй срок – за то, что писал прозу: «Его судьба нас обожгла пребольно. Лагерь... ээк с безнадежно больным сердцем писал украдкой в школьной тетрадке карандашом, почерком – меньше бисера, прятал в стеклянные банки, запкапывал в землю, в окаянную лагерную почву – как бутылку в море: с вестью. Весть досталась начальству, его снова судили».

Литература, творчество стали главными пунктами обвинения и в деле Синявского – Даниэля. Трудно переоценить его значение для мыслящих современников, в ходу появилось даже определение: «Ты человек до эпохи Синявского и Даниэля». Как писала в воспоминаниях о поэте Галина Медведева, «два скромных, малоизвестных литератора сразу выросли до титанов: волею судеб они были выбраны в первые гласные могильщики советской империи» (Знамя, 2001, № 2).

Поначалу мало кто верил, что в середине 60-х можно посадить за прозу – как позже мало кто верил, что можно убивать за журналистику. В итоге дали статью за антисоветскую пропаганду и агитацию.

Реакция на арест Синявского и Даниэля была до боли знакомой. Подхалимы поддерживали и одобряли, Шолохов с трибуны жалел о мягкости приговора и вспоминал годы Гражданской войны, когда с

врагами особенно не церемонились. Интеллектуалы же пытались воздействовать на власть, тщетно объясняя ей репутационный вред происходящего: «Писали в инстанции, надеялись “их” образумить, процесса не устраивать, писателей выпустить».

Вадим Меникер, экономист, сообщал правительству, какие убытки понесет отечество на международном поле, если доведет дело до процесса. “Они” довели. Образумить их было нельзя, в диалог они не вступали, на письма протеста и увещевания отвечали на своем языке – увольнениями, угрозами, арестами. Меникер уехал, уезжали другие. Оставались пустоты, бедствие потери, сиротство».

Вопрос об эмиграции оказывался еще одним сквозным сюжетом книги. Как и сегодня, каждый его решал по-своему.

«По отбытии срока уехал Синявский.

По отбытии срока Даниэль остался.

Его спрашивали, зачем остался, что ему здесь нужно и почему не едет.

Он отвечал:

– Не хочется.

Шафаревич обвинил всех отбывших в том, что они сбежали, не выдержав давления. Даниэль ответил резко: “Равнодушно вычеркивать их из списка живых – самоубийство. Мы вскормлены одной культурой, люди, покидающие страну, будут жить за нас ТАМ, мы будем жить за них ЗДЕСЬ”».

Понятно, что людей, думавших о живущих *там* как о части живущих *здесь*, в Советском Союзе было немного. Вообще влияние диссидентов кажется сегодня несколько иным, чем оно представлялось им самим. Их деятельность оказала в меньшей степени влияние на современников, зачуханных бытовыми проблемами, товарным дефицитом и жилищным вопросом (все это, помноженное на тотальную пропаганду, порождало в итоге homo soveticus, мало способного к аналитике и независимому размышлению). В большей степени это становилось влиянием на саму историю, участием в глобальном противостоянии духа свободы духу рабства, противостоянии, которое столь многое определяет и в наши дни.

Но было и воздействие прямое, о котором также пишет Ирина Уварова, причем самое неожиданное. В лагере к Даниэлю приходило так много писем, что следом и другим заключенным стали писать чаще. «С легкой руки зэка по имени Юлий Даниэль с воли в места заключения

вдруг горохом посыпались письма. Ему все писали, и другим стали писать тоже. Горох дробно стучал о тюремные решетки, а начальству что делать, если, оказалось, писать можно. Вот и пишут с воли, и ладно бы жены там или дочери, а то и вовсе незнакомые, здрасте, мол, и большой привет, хотя вы меня и не знаете. И всё намеки, всё условности, всё ребусы, а не разгадает цензор, в чем там дело, так и по шее получить не долго».

Цензура, впрочем, немного разгадывала – мемуаристка приводит пример, когда она иносказательно, но довольно прозрачно хвалит повесть Даниэля «Говорит Москва» и «Искупление», цензор оставил эти пассажи без внимания. В целом понимание окружающими ситуации и контекста выглядело трагикомично. Жители академического поселка в Перхушково, где Даниэли сняли дачу на зиму, были убеждены в их непрекращающейся ни на минуту разведывательной деятельности. «Газовщик, ходивший по дачам проверять котлы отопления, доверительно сообщил: “Они говорят, что у вас под кроватью рация спрятана”».

Но даже рация оказывалась не пределом шпиономанского воображения, и ее можно было понимать иносказательно. После задержания «коменданта академического поселка так пугнули (сотрудники КГБ. – *Ред.*), что он потом рассказывал страшным шепотом: “Рация у них была!” – судя по интонации, имел в виду пулемет».

Неудивительно, что жители академического поселка долгое время подчеркнуто игнорировали новых соседей (как позднее во время горьковской ссылки рабочие из соседних домов подчеркнуто игнорировали чету Сахаровых) – пока к Даниэлям не стал заходить сам Окуджава. Тут уже поневоле прогнулись самые негибкие и верные. После «первого визита отношение к нам стало меняться. На межсугробных дорожках встречные стали осторожно раскланиваться, особенно в сумерки, когда не так видно, кто раскланивается и – главное – с кем. Тем не менее обращались исключительно к нашему псу:

– Хорошая собачка, хорошая!

И спрашивали именно хорошую собачку:

– А что, Булат Шалвович еще приедет?»

Читать об этом, с одной стороны, смешно, а с другой – грустно. Хочется, конечно, сказать: хорошо, хоть бисер не переводится для этих ценителей прекрасного. Но трусость, страх, слепота не могут рассматриваться как преступление в системе, насквозь зараженной пропагандистской машиной. Сопротивляться ей способны немногие. О них и написана книга.

**«История сталинизма:
принудительный труд в СССР.
Экономика, политика, память».**

М.: Росспэн, 2013. Серия: История сталинизма.
Дебаты. 512 с.

Алексей Мокроусов

Труд в ГУЛАГе: что знать, как помнить

Панорама и детали – так можно определить принцип исторического зрения в книге «История сталинизма: принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память». В ней объединены статьи о специфике и ключевых характеристиках сталинского лагерно-промышленного комплекса – и использовании «трудовой армии» на Урале в годы войны, о «вертикали» управления ГУЛАГом и принудительном труде на строительстве автомагистрали Москва – Минск во второй половине 1930-х, о военнопленных в народном хозяйстве в СССР (тема прослежена вплоть до 1956 года) и комендантском корпусе спецпоселений в Сибири.

В сборник вошли материалы международной научной конференции, прошедшей в РГАСПИ в 2011 году. Она была посвящена экономике принудительного труда – странного и страшного феномена советской жизни, закрепившегося в сознании большинства под именем ГУЛАГа. Среди авторов – исследователи из России, Германии, Италии, Польши, США, Франции, Швеции.

Они анализируют самые разные формы такого труда, начиная с Соловецкого лагеря 1920-х, где опробовали новый тип отношений государства и заключенных – первое училось извлекать выгоду из вторых, притом что в наркоматах еще шли дискуссии о целесообразности такого симбиоза. Но реальность была такова, что идею в итоге пришлось воплощать на всей советской территории. Диктатура неотделима от международной изоляции, даже в ситуации, когда «модернизация стра-

ны являлась абсолютным приоритетом. Но где было взять необходимые средства? Путь использования иностранных займов и инвестиций, который имел первостепенное значение для финансирования экономического развития царской России, был прегражден для Советского Союза, который, соответственно, мог рассчитывать только на внутренние ресурсы. Это подразумевало производство избыточного капитала, перемещенного из сферы потребления в область инвестиций, чтобы допустить то, что на языке той эпохи называлось первоначальным социалистическим накоплением, что обозначало требование жертв от населения» (из статьи профессора итальянского университета Витербо Марии Ферретти «Размышления о ГУЛАГе: Россия, современность, большевистская революция».)

Одни работы носят обобщающий характер – таковы статьи «Военнопленные в народном хозяйстве СССР 1939–1956 гг.» профессора Волгоградского университета С.Г. Сидорова и «Тыловое ополчение – милитаризованная составляющая системы принудительного труда в СССР 1930-х гг.» доцента Общевоинской академии ВС РФ в Новосибирске Д.Д. Миненкова.

Другие посвящены изучению конкретного феномена. Так, профессор Социально-гуманитарного института Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии В.М. Кириллов описывает «Физическое состояние контингентов заключенных и труд мобилизованных немцев ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой, показатели их трудоустройства (1942–1946)», а «История сталинизма: принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память». М.: Росспэн, 2013. Серия: История сталинизма. Дебаты. 512 с. Инна Грибанова – «История сталинизма: принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память». М.: Росспэн, 2013. Серия: История сталинизма. Дебаты. 512 с. 1948–1954 гг.». В итоге анализу подвергается все пространство подневольной экономики, от интеллектуальных шарашек, работавших на оборону, до спецпереселенцев 1930–1950-х годов. Последним посвящен целый раздел книги, сюжеты двух других ее частей обозначены как «Принудительный труд: границы, формы, организация» и «Память о лагерях. Лагерь как этнос и социум (в литературе, историографии, музее)». Публикуемые здесь статьи – среди них «Страдание как экспонат, или Музей строгого режима» Михаила Гнедовского (Москва) и «Тачка, кирка, лопата: концепции музейной подачи принудительного труда» Александра Даниэля и Ирина Флиге (Санкт-Петербург) – не просто рассматривают форму подачи лагерного материала. Они воссоздают сам принцип мышления исторической памяти, ее бытование в на-

шей среде. Это может показаться нонсенсом, ведь прошлого как пространства сегодня вновь нет, его все время норовят превратить в жертву политических предпочтений, принести на алтарь сиюминутной выгоды.

Что делать с тюремной стороной истории, очевидно не укладывающейся в представления нынешней власти о прошлом и настоящем России? Как говорить о ней в школах, как показывать в музеях, как описывать в университетских учебниках?

В годы «оттепели» было найдено решение, позволившее, с одной стороны, выпустить минимальный пар, признать очевидное – масштабы преступлений, произвол беззакония, в котором жила огромная страна.

С другой стороны, оценка прошлого свелась к осуждению культа одной личности, а не описания пороков системы в целом, из-под удара были выведены целые структуры, такие как НКВД с его министерствами-наследниками, не говоря уже о главной идеологической кувалде, КПСС с ее системой обкомов-горкомов, калечившей жизни людей не хуже, чем чекисты.

Музей оказывается идеальной моделью для осознания того, насколько общество в состоянии понимать само себя. Даниэль и Флиге рассматривают четыре типа экспозиций. Первый – «Племя зэка», эмоционально и идейно нейтральный рассказ по принципу «так было», построенный по принципу этнографии XIX века. Второй – «Таинственный остров, или Двадцать тысяч лье под водой»: «тема гулаговского труда в таких экспозициях проникнута пафосом освоения и созидания. Этот труд не статичен во времени: на смену геологам, топографам, геодезистам приходят строители, на смену строителям – производственники. Регион преобразуется подобно таинственному острову Жюль Верна». Далее – «Куда, товарищ Сталин, сдавать металлолом?», этот тип экспозиции, минорный по тону, во многом опирается на шаламовское понимание ГУЛАГа как ненужного и разрушительного опыта. И наконец, «Ура, построили!» – самый распространенный тип трактовки гулаговского труда, когда многое не скрывается, но «тяжесть труда подчеркивает величие подвига». В итоге, в отличие от «Таинственного острова», здесь появляется этическая составляющая, «смерть и страдания взвешены на весах советской музейной эстетики и сочтены адекватной ценой за достижение высоких целей социалистического строительства».

Сегодня коридор возможных оценок прошлого, независимого о нем высказывания, постоянно сужается, и вот уже вслух произнесенный вопрос об осажденном Ленинграде едва не стоит независимому теле-

каналу закрытия. Что в этих условиях делать ученым, которые своими исследованиями фактически подводят черту под мифом о целом социальном классе?

«Работа в колхозах в 1940–1950-е гг. большинством современных историков приравнивается к крепостному праву и оценивается как проявление внеэкономического принуждения. Принудительный труд являлся основой колхозной системы, а для представителей депортированных народов, не имевших по сравнению с местным населением огородов, домашнего хозяйства, укоренившихся родственников в местности вселения, стал категорическим императивом существования». Новосибирский историк Александр Шадт пишет об этом в статье «Этническая ссылка в СССР: территория выживания (характер труда и быта депортированных в условиях спецпоселения). 1940–1950-е гг.», напоминая о чудовищных условиях, в которых оказывались депортированные, получив неожиданно для себя те же права, что и колхозники: «Закон определял строгий, неукоснительно соблюдавшийся порядок распределения полученного колхозами урожая: выполнение всех обязательных поставок перед государством; по поставкам, натуральной ссудам и недоимкам прошлых лет; натуроплата за работы МТС; создание семенного и фуражного фонда колхоза; выделение части продукта для продажи государству сверх плана или на рынке. И только после этого остаток продукции распределялся между колхозниками в форме натуральных выдач по трудодням». Так что «даже наличие выработанных трудодней не было гарантией выживания для переселенцев». Сплошной просмотр архивных дел 30-х годов, пишет профессор Пермского института искусства и культуры Олег Лейбович, позволяет сделать вывод, что «проблема недоедания являлась главной по обе стороны колючей проволоки. Причем местные жители иной раз жаловались, что заключенных кормят лучше и спецпоселенцам дают большие льготы». Так понятие зоны и не-зоны размывалось еще и экономически. Обобщающую статистику приводит главный специалист ГАРФа Олег Хлевнюк: «В целом по основным параметрам уровня жизни заключенного и среднего советского жителя все время сближались. Согласно бюджетным обследованиям 1952 г., в семьях рабочих и крестьян в среднем в день на одного человека потреблялось около 500 г хлеба, 400–600 г картофеля и около 200–400 г молока. Это была основа рациона. По нормам среднему заключенному полагалось хлеба больше – 700 г, картофеля примерно столько же – 400 г. Потребление мяса и жиров было примерно одинаково мизерным как у заключенных, так и у свободных жителей. На начало 1953 г. в городах на одного жителя приходилось

4,5 кв. м жилья. Наличие временно проживающих и непрописанных, не попадавших в учет, снижало эту цифру. Качество жилья было крайне плохим. В 1952 г. 3,8 млн горожан (примерно 5% городского населения) жили в бараках, из них около 340 тыс. в Москве».

С другой стороны – если вспомнить, как Молотов на одном из закрытых совещаний 1930 года рассуждал о целесообразности массовых утоплений и расстрелов раскулаченных либо об их заключении в концентрационные лагеря (об этом напоминает в своей статье Алексей Тепляков), то перспектива сохранения жизни, пусть и безо всяких прав, кажется едва ли не раем. На этом и строится обычно психология людоеда.

Сюда примешивался и двойственный характер госполитики по отношению к депортированным народам, пишет Шадт, ведь государство пыталось одновременно решить взаимоисключающие задачи: «С одной стороны – это политическая ликвидация этноса как этносоциального элемента, ставшего деструктивным в советской системе братских народов, и государство сознательно запустило процессы разрушения этнических групп, принудительно депортировав их представителей на новые места жительства и расселив дисперсно. С другой стороны, физическое сохранение индивидов – носителей этничности, граждан государства – значительный трудовой ресурс, и государство включило в депортационные мероприятия ряд приспособительных механизмов». Тому, как решались эти задачи в конкретных случаях, посвящены статьи о спецпоселениях советских немцев в Свердловской области (автор – Сергей Разников из Нижнего Тагила) и исследование аспиранта Сургутского университета Александра Иванова о калмыках на предприятиях Северо-Западной Сибири с характерным подзаголовком «от трудовой дискриминации к равноправию».

Палачи не оставляют мемуаров. Основным источником знания о ГУЛАГе стали воспоминания самих заключенных – их охранники предпочли получать свои повышенные пенсии молча. В содержательной статье «Лагерный социум как объект исследования: источники и методологические подходы» Олег Лейбович обращает внимание на следующее: «Что касается воспоминаний бывших зэка, то здесь следует помнить о той культурной ситуации, в которой они записывались. Это рубеж 50–60-х гг. и конец 1980-х. Авторы мемуаров выступали в роли литераторов, часто начинающих. И они работали в жанре со сложившимися образцами. В шестидесятые годы эталоном служила советская военная проза. По ней выравнивался сюжет: внезапное нападение “ежовцев” или “бериевцев”; сопротивление на допросах, стойкое

поведение в лагерях, непримиримое отношение к троцкистам и антисоветчикам, преследование со стороны уголовников, трудовой энтузиазм и реабилитация. Можно предположить, что идея тотального конфликта политэзков и уголовников принадлежит скорее лагерному нарративу, нежели исторической памяти. Преданному большевику не полагалось фамильярничать с блатарями». В результате бывший секретарь ЦК Карело-Финской республики Г.Н. Купреянов, получивший по «ленинградскому делу» 25 лет и перенявший в лагере блатную лексику, не был освобожден Хрущевым. Согласно направленной стенограмме выступления генсека-освободителя перед ленинградскими коммунистами, Хрущев объяснил отказ в реабилитации Купреянова тем, что тот «в лагере снюхался с преступниками, с белогвардейцами, он разговаривает там языком бандитов, белогвардейцев». То есть сажать коммунистов по подложному делу партия могла, а вот разговаривать тем по фене все равно было нельзя. Так лингвистическими показателями определяли справедливость судебного приговора.

Книга вышла в рамках серии «История сталинизма»¹, но затрагиваемые в ней проблемы выходят далеко за рамки 1953 года. Сборник вновь заставляет вспомнить знаменитое высказывание историка Михаила Гелфера «Сталин умер вчера». Все три слова требуют здесь подробного комментария: что есть Сталин? В каком смысле умер? А главное – когда завершится это вчера? Неужели завтра?

¹ «Неволя» писала о других книгах этой серии, см., например, рецензию в № 35: *Алексей Мокроусов*. «В Ленинской комнате расстреливать было удобно...» // Сергей Папков. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: Росспэн, 2012. 440 с. (Серия «История сталинизма».)

Алексей Мокроусов

Что остается, кроме тела

Библиотека как инструмент пропаганды

Насилие против духа, унижение против свободы, тело против пропаганды – несмотря на постоянный запрос публики на развлечения, современное искусство занимается важнейшими вещами. Муки человеческого тела, испытываемые ради мифических выгод и воображаемых ценностей общества – один из важнейших сюжетов искусства, непрерывно подвергающегося давлению со стороны власти: та постоянно пытается использовать его возможности в своих целях.

21 июня 1914 года умерла баронесса Берта фон Зутнер, бывший личный секретарь Альфреда Нобеля и знаменитая пацифистка. Тираж ее книги «Долой оружие!» составлял более 400 000 экземпляров.

Европейские газеты много писали о покойной – в отличие от оставшегося практически незамеченным официального визита, начавшегося 25 июня. В Боснию прибыли наследник австрийского престола Франц-Фердинанд и его жена Софи. С последствиями их путешествия мир не в состоянии разобраться до сих пор. Но уже в день смерти наследника газеты начали впадать в ура-патриотический тон, призывая сплотиться вокруг трона ради «блеска короны и чести империи».

Следуя этим призывам (а во вражеском стане – тем же лозунгам, но с противоположным вектором), в следующие четыре года в мире погибло более 17 млн человек, еще 20 млн были искалечены. Война велась даже в Иерусалиме – об этой забытой странице истории напомнила выставка «Закат мира» в Еврейском музее Вены, посвященная участию австрийских евреев в Первой мировой войне. Всего в австрийской столице в 2014 году открыли с десяток экспозиций, посвященных катастрофе столетней давности. Так, служба федерального канцлера рассказывает об особой роли в войне печатной пропаган-

ды, прежде всего газетной: сто лет назад ее могущество стало восприниматься как оружие, никогда не стреляющее холостыми. Именно слова окутывают сознание человека, заставляя его беспрекословно выполнять самые нелепые приказы.

В Парадном зале Национальной библиотеки Австрии показали выставку «К моим народам!». Ее название повторяет название манифеста кайзера Франца-Иосифа об объявлении войны, распространенного в свое время в тысячах экземпляров по всей империи в виде афиш. Основой выставки стало военное собрание бывшей придворной библиотеки. Уже летом 1914-го ее директор Йозеф Риттер фон Карабечек озаботился собиранием коллекции, которая должна была запечатлеть скорую победу австрийского духа. К моменту распада австро-венгерской империи коллекция насчитывала более 52 000 плакатов и литературных текстов, а также открытки полевой почты и другие архивные документы. Одних лишь фотографий оказалось более 30 000. Для выставки фотоснимки отобрали из 118 альбомов, выполненных специалистами так называемого «военного пресс-квартала», специального пропагандистского подразделения. Большая их часть показывается впервые, хотя ничего принципиально нового в них нет, сцены войны ужасны, с какой бы стороны фронта ты на них ни смотрел; во время противостояния журналисты обслуживают интересы своей родины, не задумываясь особенно над тем, в чем именно эти интересы состоят.

Не все документы на выставке датированы годами войны. Например, письмо, извещающее писателя Роберта Михеля о том, что его призывают в случае мобилизации, было отправлено адресату еще в ноябре 1912 года. Многие экспонаты до боли знакомы и жителям других стран – плакаты «Бойся шпионов!» и «Соберем деньги на подводную лодку», школьные сочинения на тему: «Каким образом я бы победил Англию». Детей в качестве инструмента пропаганды использовали по обе стороны фронта, в школах военные сюжеты становились частью программы по рисованию. В Вене показали, например, рисунок мальчика из Граца «Стрельба из орудий австрийского корабля»: страна еще имела выход к морю, но в данном случае, судя по всему, бомбардировке подвергся берег озера. Для милитаризации детского мышления масштаб не столь важен, как сам сюжет.

Особое место уделили на выставке рассказу о женских судьбах в годы войны. Женщины заместили на рабочих местах 8,5 миллиона мужчин, ушедших умирать неизвестно за что, они и сами служили в армии. На открытке «Железный цветок» изображена красавица со снарядами на плече: пришло время убивать, время рожать еще не наступило.

Представлен и рекламный плакат огромной военной выставки в венском народном парке Пратер, прошедшей в 1916 году. Она демонстрировала не подозревавшему о скором поражении населению трофеи, австрийскую артиллерию и корабли, а также бесчисленные военные киноленты. Строительством павильонов занимались 250 российских военнопленных, чьи имена сегодня вряд ли разыщешь даже в архивах, – и все ради того, чтобы представить Австро-Венгрию как «культурную нацию». Эта задача, сформулированная неизвестным интеллектуалом век назад, напоминает, каким талантом нужно обладать пропагандисту, чтобы ложь была большой, а наказание за нее – маленьким или вовсе никаким. А нынешняя выставка – о причудливости путей истории. То, что в 1914-м задумывалось как гимн величию империи, оказалось в итоге развернутым надгробным словом.

Перемена участи

Герой оказывается преступником, а признанный проигравшим вдруг объявляется победителем – подобная смена оценок в истории случается часто. Об этом напоминает и спектакль популярного режиссера Кэти Митчелл «Запретная зона», показанный на фестивале в Зальцбурге (в сезоне 2014/15 г. он вошел в репертуар берлинского театра Шаубюне, где также назван по-английски *The Forbidden Zone*).

Первая сцена «Запретной зоны» происходит в нью-йоркском метро в 1946 году. Девушка роняет сумку, из нее высыпаются разные мелочи. Солдат бросается на помощь, но симпатия оборачивается агрессией, едва в руки ему попадает немецкий железный крест. «Это моего деда», – оправдывается девушка (обаятельная Дженни Кениг). «Чем он его заслужил?» – парирует солдат (Себастьян Пирхер).

Дальше действие начинает прыгать между странами и временами, сцены меняются со скоростью валютного курса при финансовом кризисе. 1915 год, бельгийский Ипр, тот самый, где немцы впервые применили отравляющий газ. США, химическая лаборатория, где этот газ исследуют после Второй мировой; исследования закрывают из-за их неактуальности. Вновь 1915-й, вилла немецкого ученого Фрица Габера (Феликс Рёмер похож на настоящего Габера), одного из отцов химического оружия. Три года спустя после рассказанных в спектакле событий Габер (1868–1934) получил Нобелевскую премию по химии – он разработал способ производства аммиака, что привело к появлению дешевых азотных удобрений. В 20-е он изобрел газ циклон, который позднее нацисты использовали в лагерях уничтожения.

Визуальные подробности спектакля впечатляют – и вагон нью-йоркской подземки, и даже сушилка для рук воссозданы с тщательностью фетишиста (художник Лиззи Клейчен). Но подавленный обилием фактуры драматург Дункан Макмиллан пытается разрешить накапливающиеся конфликты радикальными средствами, показывая то попытку изнасилования в метро (не удалась), то самоубийства. Счеты с жизнью сводят внучка Габера, чувствовавшая себя ответственной за деяния деда, и его жена, первая немецкая женщина-химик Клара Иммервар (Рут-Мари Крёгер), считавшая работу мужа преступной. В действительности смерть Иммервар так и осталась непроясненной, современникам о ней сообщила лишь короткая заметка в газете.

Трудно понять, каким именно видом искусства занимается при этом Митчелл – то ли кино в театре, то ли театром в кино. На огромном видеозэкране, с подработкой кадра под ранние цветные фильмы с их слегка выцветшим колоритом, онлайн показывают все детали происходящего. В итоге зрителям предлагается полноценный фильм, снятый тремя операторами, блестяще смонтированный и визуально интересный (видеорежиссер Лео Варнер). Публика наблюдает не только результат, но и сам процесс съемок. Все приемы, вроде падения самоубийцы не в пруд, а на приготовленную подушку, или имитации движения поезда в подземке при помощи обычного фонаря, обнажены и не скрываются. Во многом эта деконструкция творческого процесса, выпячивание его технической составляющей, уничтожает эмоции, техническое побеждает сострадание. Также и исследования Габера оказываются, на его взгляд, вне рамок гуманного, это лишь вопрос выбора, как именно свершится неизбежное. Смерть на войне привычное дело, и химическое оружие ничем не лучше или не хуже любого другого, считал Габер, видевший в ученом гражданина мира в мирное время и патриота в дни войны. История сыграла с ним злую шутку. По иронии судьбы сам Габер был евреем, при помощи созданного им газа циклон в концлагерях были уничтожены многие его родственники.

Жизнь между концлагерями

Еще один спектакль, показанный в Зальцбурге, – мировая премьера оперы «Шарлотта Саломон» современного французского композитора Анри Дальбави. Она посвящена еврейской художнице из Берлина, пытавшейся спастись от нацистов у французских родственников и погибшей в Освенциме. Работа над партитурой завершилась за несколько дней до начала репетиций.

В последние годы наследие Шарлотты Саломон (1917–1943) стало широко известно благодаря множеству выставок, ее работы показывали даже на последней «Документе» в Касселе, проходящей раз в пять лет выставке, посвященной современному искусству: выше признания для художника прошлого не существует.

При жизни же Саломон дела обстояли иначе. Несмотря на еврейское происхождение, девушке удалось поступить в высшую художественную школу в Берлине (отец, врач-еврей, был участником Первой мировой и подпадал под действие так называемых «привилегий для ветеранов», облегчавших положение некоторых евреев при нацизме). Но ее победу на учебном конкурсе аннулировали из-за происхождения. После этого Шарлотта бросила учебу.

Попытки ассимиляции обернулись трагедией, общество, к которому она и ее семья принадлежали от рождения, вдруг решило вычеркнуть из своей истории миллионы людей. Большинство графических работ Саломон создала в конце 30-х – начале 40-х. Сохранилось более 1300 гуашей. В них рассказана история жизни, описан роман Шарлотты с учителем пения мачехи (в которую падчерица и сама была влюблена), пережитое в Берлине после прихода к власти нацистов, жизнь в изгнании на Лазурном Берегу, где обосновались бабушка с дедушкой, пребывание во французском концлагере Гюрс, куда Саломонов интернировали как евреев.

796 листов она пронумеровала в определенной последовательности, озаглавив «Жизнь? Или театр?». Рисунки сопровождаются текстами, вписанными в общую композицию, отчего листы становятся похожи на огромный драматический комикс, выглядят как готовая пьеса или киносценарий. Здесь часто приводятся названия музыкальных произведений, подходящие к тем или иным фрагментам, словно автор думал о постановке на сюжет собственной жизни. Сегодня эти гуаши хранятся в Еврейском музее Амстердама.

Такая судьба – еще один аргумент сторонников утверждения Адорно о невозможности поэзии после Освенцима. Она способна подавить любого либреттиста. Так и случилось: композитору пришлось отказаться от первой версии, а следом и от первого либреттиста, слишком буквально занявшегося описанием судьбы Саломон, итоговый текст появился лишь за девять месяцев до премьеры.

Либретто Барбары Хонигман фокусируется на истории первой любви к отъявленному эгоцентрику Амадеусу Даберлону (его поет канадский тенор Фредерик Антун) и на истории семьи. Мать и бабушка Шарлотты кончают жизнь самоубийством. Вероятно, эта двойственность

определила раздвоение образа самой Шарлотты, причем не только визуальное, но и языковое: в спектакле Люка Бонди ее играет блистательный дуэт – драматическая актриса Йоханна Вокалек из венского Бургтеатра и французская меццо-сопрано Марианна Кребасса.

Сцена разбита на 12 больших и малых комнат-пространств, где разыгрываются быстро меняющиеся сценки (художник Йоханнес Шюц много работал с Юргеном Гошем и Роландом Шиммельпфеннигом). На белые стены проецируются вдохновленные экспрессионистами и приближающиеся к комиксу работы Саломон – иногда кажется, что музыка Дальбави больше в диалоге с ними, чем с либретто, прозаические фрагменты в котором порой угрожают звуковому пространству. В какой-то момент перегородки исчезают, вытянутая в длину сцена оказывается залита светом. Ясности взгляда соответствует ясность музыки, построенной одновременно на принципах тональности и атональности. Здесь много цитат начиная с эпохи Баха и Шуберта, как переработанных, так и прямых, – например, арию *L'amour* из «Кармен» Бизе, которую поет мачеха Паулинка (меццо-сопрано Анаик Морель), можно услышать и живьем, и в исторической записи (мачеха Саломон была известной певицей, ее голос сохранили пластинки), звучат и еврейские мотивы, и нацистские мелодии: для хора штурмовиков композитор создал впечатляющий хорал.

Опера не рассказывает о финале жизни Саломон, появляющийся в виде титров текст не полон. В 1943-м она вышла замуж за австрийского врача Александра Наглера. Вскоре добропорядочные французские граждане выдали молодоженов гестаповцам, пару арестовали и депортировали сперва в Дранси, а затем в Освенцим. Вероятнее, сразу же по прибытии Шарлотту отправили в газовую камеру. Она была на пятом месяце беременности.

Все стороны фронта

От рассказа об отдельно взятой судьбе искусство рано или поздно переходит к рассказу о человеке в целом, о теле, на долю которого выпадает так много.

В Женеве после реставрации открылся Музей Красного Креста и Красного Полумесяца. Первая выставка, которую показывает организация, занимающаяся помощью заключенным и пленным по разные стороны фронтов, подготовлена вместе с женевским Музеем современного искусства. Она называется «Слишком человеческое», почти как книга Фридриха Ницше «Человеческое, слишком человеческое». Главной темой стало искусство в XX–XXI веках и человеческое страдание.

Последнее столетие, выступающее главным поставщиком замешанных на насилии артефактов, не оставит без работы многие поколения кураторов. Войны и концлагеря, насилие государственное и «эффект исполнителя», мучения ради стремления выпытать чужие тайну и безо всякого смысла... Прежде чем уйти с исторической сцены, эпоха Просвещения решила, кажется, громко хлопнуть дверью и показать, что жестокость и насилие – одни из главных свойств человеческой природы. В этом убеждает выставка, собравшая работы Пабло Пикассо и Бернара Буффе, Она Кавары и Сигалит Ландау.

Здесь работы тех, для кого война и заточение – не умоглядный, но личный опыт тех, кто воевал или скрывался от нацистов, был арестован и погиб в концлагере, как Шарлотта Саломон или Феликс Нусбаум, и тех, кто сумел выжить, как Зоран Музич или Николай Гетман. Работы из гугаговского цикла Гетмана (1917–2004), харьковского художника, прошедшего войну и арестованного уже в октябре 1945-го за «антисоветскую пропаганду и агитацию» (почти семь лет он отсидел на Чукотке), мало кому известны в современной России, хотя в свое время их ценил Солженицын. Эти картины могут восприниматься как иллюстрации к рассказам Шаламова, например, «Наказания мошкаррой», где обнаженный человек в летней тундре привязан к дереву, или «Покойницкая в ГУЛАГе»: к телам погибших прикрепляют таблички с номерами. Но чаще они выглядят метафорой лагерного ужаса, будь то «Побег» или «Реабилитированный». После нескольких выставок в Америке многие картины Гетмана купил американский фонд *The Heritage*. Наследие же Нусбаума постоянно выставляют европейские музеи.

Как секс и деньги, насилие – важнейший сюжет для современного искусства. Истерзанные, искаженные болью тела у Луизы Буржуа, фрагменты человеческих тел в скульптурах братьев Джейка и Диноса Чепменов напоминают порой репортажи о войнах и террористических атаках из вечерних теленовостей. А обнаженная женщина, крутящая на пляже хулахуп из колючей проволоки (Сигалит Ландау выступила моделью собственного видеофильма) – напоминание не только о лагерях, но и о мужестве исследующего боль на собственном теле. Но не менее сильна и фигура умолчания, как на фотографиях живущего в Нью-Йорке чилийца Альфредо Джаара. Во время бойни в Руанде в 1994 году, когда погибло более миллиона человек, он отснял тысячи снимков. Но известность получили те, где изображена лишь природа: лесная дорога, поле, проплывающее над деревом облако. Это места, где прежде уничтожали людей. Сегодня о геноциде здесь не напоминает ничего, память выглядит ветре-

ной, как погода на море. Трудно понять, сколько в этом стремлении забыть типично человеческого, а сколько – специфики массмедиа, предпочитающих даты и юбилеи реальным проблемам. Но, даже если не стирать наутро вчерашние новости, природа зла – последнее, чем должны заниматься газеты и телевидение. Страдание для них лишь сюжет, обдумывать который предстоит философам и художникам. Максимум, на что способны массмедиа, – это оправдать страдание ради некой высшей цели. Правда, заниматься этим журналисты предпочитают обычно на чужих примерах. Их можно понять.

Отношение к страданию в XX веке претерпело радикальные изменения. Искусство воспринимало его как индивидуальный, уникальный опыт, связанный прежде всего с религиозным переживанием, сегодня же он стал безличным, массовым. Его стало так много, что он уже не поддается не только осмыслению, но даже фиксации. Художник вынужден сам выступать в роли истязаемой жертвы, добровольное страдание оказывается возможностью разделить чужую боль, впустить ее в себя, приблизиться к мышлению жертвы. В этих обстоятельствах невозможно говорить о страдании как искуплении, оно лишается религиозного подтекста и становится лишенным всякого смысла мучением живого, издевательством и унижением. Боль обесмысливается, едва она деперсонализируется, превращается в безымянное средство управления, вид коммуникации, лишенный своей главной задачи – коммуницировать. Оказавшись вне поля религиозного мифа, боль претендует на самоценность, превращаясь – по крайней мере для палача – в источник наслаждения.

Меняется и представление о произведении искусства. Артефактом становится сама биография художника – арестованного без обвинения, бесследно исчезнувшего в лагерях, убитого в газовой камере. Но те, кто насильственно присваивает себе роль автора, обычно избегают софитов.

Михаил Ривкин

Два года на Каме

Город Чистополь на Каме,
Нас дарил ты чем богат...

Марина Петровых

Два года провел я на Каме, ни разу не взглянув на ее воды, два года прожил в Чистополе, ни разу не пройдя по его улицам. Эти два года я просидел в чистопольской тюрьме, в отделении для политических преступников.

18 января 1985 г. меня неожиданно вызвали из цеха в середине рабочего дня. Ничего не объясняя, дневальный попросил пройти в «контору» – в помещение администрации. Там меня сразу провели в кабинет начальника колонии. Войдя, я увидел за столом трех незнакомых людей в штатском, двух мужчин и женщину. Это были судьи. Еще один в штатском, прокурор, стоял где-то сбоку. Мне объявили, что начинается выездное заседание Zubovo-Polyanskogo народного суда. И даже после этого я не сразу понял, что происходит. Как и в момент ареста, сознание усиленно отталкивало самую простую, но и самую неприятную версию событий, усиленно перебирая всякие другие.

Хотя уже с середины ноября стало понятно, что меня откровенно преследуют, что это установка КГБ, которую администрация лагеря послушно выполняет, хотя и мои друзья-зэки уже пару раз шепнули мне: «Тебя явно на крытку готовят», а все равно, пытался жить по-старому, утешая себя, что как-то обойдется, что не я самый активный на зоне, что на крытку обычно по первому году зоны не оформляют и т. п.

Теперь вот думаю: ну чего я так боялся? Ну не все ли равно, где сидеть? Ну камеры, ну голодный паек, ну посылок нет... То же «небо в клеточку» на самом-то деле, только «клеточки» чуть помельче. И все же был у меня какой-то безотчетный страх перед крытой тюрьмой. Наверное, это был страх оказаться «в эпицентре», «в зрачке урагана», в самом угрожаемом и самом «простреливаемом» месте. Не был я к этому тогда морально готов, как не был готов в свое время и к аресту. Но, как и тогда, голова боялась, а руки делали...

Только когда прокурор начал перечислять все взыскания, полученные мной за последние полгода, я понял, что это действительно крытка и никуда от нее уже не деться. И тут же начал лихорадочно соображать, как мне к этой новой напасти готовиться. Больше всего беспокоило меня, как я буду тащиться по этапу со своим довольно увесистым мешком. Потом стал вспоминать, что и где у меня лежит, какие вещи в тумбочке, что у друзей, стал думать, как все это половчее упаковать и ничего не забыть. Но долго думать мне не пришлось. Вся комедия суда продолжалась не более четверти часа. И прокурор, и судьи не скрывали, что они просто повторяют заученный урок. Когда слово дали мне, я прямо сказал, что «систематические нарушения правил внутреннего распорядка» – это только предлог и что на самом деле меня преследуют за изучение языка иврит и за соблюдение еврейских религиозных обычаев. У судей лица после этого стали просто каменные. А я как-то сразу успокоился. Если до этого момента еще пытался как-то утешать себя, может, все-таки только два года, ну не всем же дают по максимуму, то теперь и сам понял: трояк, никуда не денешься. И в самом деле, вскоре председатель зачитал не им принятое и не от него зависевшее решение: «перевести на тюремный режим сроком на три года».

Ко мне сразу подошел ДПНК и сказал, что впредь до этапа я буду содержаться в отдельной камере, в ПКТ, куда он меня сейчас и проводит. Я попросил собрать вещи. Хотя снявши голову, по волосам не плачут, мне в тот момент это казалось почему-то самым важным. Наверное, подсознательно хотелось ухватиться за быт, за прозу жизни и как-то банализировать, снизить остроту той перемены, которая меня ждала. Но ДПНК сразу меня перебил: «Вещи ваши соберут, а вы немедленно пойдете со мной». Я пытался с ним спорить, правда, довольно вяло. Но он как будто этого и ждал. «Ах так! Неподчинение лагерной администрации!» Достал припасенные заранее наручники (на нашей зоне ДПНК обычно наручников с собой не носил) и с видимым удовольствием затянул их до предела. После чего меня торжественно под конвоем двух охранников препроводили в ПКТ. Наверняка и это тоже

было частью заранее запланированной демонстрации «твердой руки» для острастки всех прочих. Потом я узнал, что на некоторых это зрелище и впрямь произвело сильное впечатление. <...>

За все время перед этапом произошел только один интересный эпизод. Как-то вечером в обычное время принесли ужин. Вообще, кормили меня в эти дни хорошо, так же, как и в столовой на зоне, а я после голодовки, ШИЗО и ПКТ в ноябре, декабре и январе был голоден как волк и уминал за обе щеки, смутно предчувствуя, что в ближайшие два года поесть досыта мне уже не придется. И вот заходит вечером, как обычно, повар с миской каши и чайником в сопровождении конвоира. Еду в ПКТ носил всегда один и тот же повар, Семенов. То был офицер Советской армии, осужденный за шпионаж. И его прошлое, и то, что ему сразу дали работу на кухне, не оставляли сомнений, что он сотрудничал с КГБ. Вообще, все шпионы воспринимали КГБ, администрацию как законную и даже справедливую власть, а себя – как преступников, которые эту власть пытались обмануть, да не сумели. И если теперь власть настолько милостива, что дает им шанс и предлагает ей как-то помочь, то просто глупо отказываться. Тем более что видимые блага, такие как хорошие должности и снисходительное отношение к нарушениям, были только «надводной частью айсберга». Кроме этого, было и множество скрытых подачек и поощрений. Мы о них могли только догадываться, но сытый и довольный вид того же Семенова эти догадки подкреплял. Но был он человек неглупый, интересный собеседник, и использовали его не только для банального доноительства (хотя всякие скользкие вопросы у него часто проскальзывали, и ухо с ним надо было держать остро), но и для некоторых неординарных поручений. Так, когда я сидел в карцере после 10 декабря, он как-то раз налил мне не обычного кипятка, а подслащенного. Разумеется, он никогда бы не рискнул сделать это на свой страх и риск. Слишком уж был этот риск велик, если бы он попался.

И на сей раз Семенов тоже приготовил мне сюрприз. Протягивая мне миску, он сказал нарочито-многозначительным тоном: «Кушай кашу! Вкусная! Такой в Чистополе не дадут!» Доедая кашу, я заметил на дне миски полиэтиленовый катышек диаметром около сантиметра и длиной сантиметра полтора. Разорвав запаянный полиэтилен, я обнаружил там записку от Аренберга. В записке был подробный (и точный, как я потом убедился) план политического крыла чистопольской тюрьмы. Было и несколько строчек письма. Ничего особенного. Что-то вроде: «Крытки не бойся, там тоже люди живут!», и несколько фамилий тех, с кем Аренберг в Чистополе пересекся. Через некоторое

время Семенов вернулся за миской. «Ну что, вкусная каша-то была?» – с заговорщицким видом спросил он меня. Ни тени страха или хотя бы элементарного опасения в его поведении не было. Я понял, что и на сей раз он выполнял задание КГБ. В чем был смысл этого маневра, мне понять довольно трудно, но по опыту знаю, что КГБ ничего не делает просто так.

До 5 февраля больше никаких неожиданностей не было. В тот день меня разбудили еще затемно. «На прогулку», – деловито сказал конвоир. Я быстро оделся и с удовольствием стал бегать по крошечному дворику, вдыхая морозный воздух. Но прогулка моя продолжалась недолго. Минут через десять дверь во дворик опять открылась. На пороге стоял ДПНК. «Ривкин, на этап!». Это было полной неожиданностью. Меня всегда брали на этап из камеры, и вещи я всегда собирал сам. Но на сей раз в камеру мне даже зайти не дали. Сразу из дворика через коридор провели в малую зону ПКТ, а оттуда через общую зону на вахту. Народу в зоне никого не было, и я догадался, что еще нет шести часов. Когда год назад этапировали на крытку Е.М. Анцупова, заключенные подходили к нему, прощались, обнимались, всячески выражали свою солидарность. Администрации это очень не понравилось, и на сей раз она решила избежать любого намека на проводы и прощание. Меня тщательно обыскали, с полным раздеванием, и только потом отдали вещи, которые дневальный принес из камеры.

Воронок ждал у ворот зоны. Весь этап меня конвоировал один и тот же конвой. Начальник, старший лейтенант, относился по-человечески, никогда не подгонял. Как-то раз, уже в Казани, когда я заторопился, он сам мне сказал: «Да не спешите вы так, ничего!» Поймав мой удивленный взгляд, он добавил чуть тише: «Я сам с Западной Украины...» Больше ни слова между нами сказано не было, и ни одного вопроса он мне не задал, поэтому позволяю себе думать, что это была искренняя симпатия и нечего более. Кроме меня, в воронке никого не было, поэтому ехал я не в «стакане», а в общем отделении. Конвоир, который сидел в переднем отделении, отгороженном решеткой, сразу проявил ко мне большой интерес. Он расспрашивал о моем деле, о зоне, о планах на будущее, и настолько целенаправленно и примитивно были эти вопросы, что истинная цель их не оставляла сомнений.

Часа через 3–4 мы были в Потьме. Меня поместили в ту же самую двухместную камеру, где я сидел 14 месяцев назад, по дороге в Барашево. Но если тогда она казалась мне преддверием чего-то страшного и неожиданного, то теперь я разглядывал знакомые надписи на трубе отопления и на стенах с некоторой ностальгией, как бы прощаясь с привыч-

ной, мирной жизнью. Просидел я там до вечера, то есть до наступления темноты. Потом меня вывели, посадили в «столыпин», как всегда – в отдельный тройник, и поздно ночью мы были уже в Саранске.

Сначала меня завели в привокзальное отделение милиции. В тамошней камере я пробыл полчаса, не больше, но впечатление осталось сильное. Это был настоящий склеп, лампочка под потолком света почти не давала. Стены и потолок покрыты цементной «шубой». Воздух застоявшийся, вонища жуткая. В унитазах оглушительно грохочет вода. Полкамеры занимает деревянный настил, невысоко над полом.

К счастью, через полчаса меня оттуда вывели, посадили в воронок и отвезли в Следственный изолятор мордовского областного УКГБ. Меня привели в большую четырехместную камеру. Сидел я там один. Там я вспомнил лефортовский комфорт. Чистые простыни, большие подушки, большие порции, хлеба без ограничений, да и добавку каши можно было взять. Библиотека, конечно, не как в Лефортово, в основном стандартный набор советской макулатуры. Но одна хорошая книга мне попала – «Обрученные» Мадзони. Особенно поразила меня прогулка. Вывели меня во дворик, я гуляю, втягиваю в себя свежий воздух, наслаждаюсь. Но время идет, я стал уже замерзать, а меня все не забирают и не забирают. С прогулочного шага перешел на рысь. Чувствую, очень много времени прошло, наверняка больше часа. Стал поглядывать на конвоира. Вижу, он замерз еще больше меня – ведь он стоит неподвижно в своей будке, а я хоть бегаю. Посмотрел раз, другой, третий. Он спрашивает: «Замерз?» Я в ответ: «Неужели час еще не прошел?» Он мне: «Давно прошел! Если замерз, отведу назад». Такой «нелимитированной» прогулки у меня за все пять лет срока еще ни разу не было. В тот же день, 6 февраля, меня поздно вечером опять взяли на этап и посадили в отдельный тройник вагонзак. <...>

В Чистополе меня сразу посадили в «воронок» и отвезли с аэродрома в тюрьму. Как выглядит здание тюрьмы с улицы, я не знаю, потому что меня сразу завезли во двор. Меня отвели на вахту и посадили в бокс. Это такой колодец, метр на метр, без окна, без вентиляции, свет горит постоянно. Сидел там часа три. Глазок открывался довольно часто, вероятно смотрели на меня многие. Потом меня вывели, тщательно обыскали с раздеванием, выдали матрац, подушку, миску, ложку, кружку. Потом меня вывели из корпуса и повели через двор в соседнее здание. Потом я узнал, что прием и обыск вновь прибывших проходит в административном корпусе, где собственно камер нет, там только административно-хозяйственные службы, КПП, красный уголок. А дальше меня повели в тюремный корпус. Пока меня вели, я немного

осмотрелся. Слева от меня были огороженные прогулочные дворики, справа – высокая внешняя стена, сзади – четырехэтажный административный корпус, впереди – трехэтажный, тюремный. Меня завели туда, сразу подняли на второй этаж и завели в камеру. Политическое отделение находилось на втором этаже, в правом крыле, занимало одиннадцать камер, с 16-й по 26-ю.

Меня отвели в камеру 24. Там тогда сидели двое. Владимир Андреевич Ельчин, Валерий Янин. Володя Ельчин был человек богатырского телосложения, весьма сдержанный и немногословный, настоящий сибиряк. Он прожил очень интересную жизнь. С раннего детства его ближайшим другом был Лева Шеффер. Лева, которого я потом встретил в Москве, – полная противоположность Ельчину. Маленького роста, весьма разговорчивый и эмоциональный, настоящий экстраверт. Они сошлись, как часто сходятся люди во всем противоположные. Со временем оказалось, что оба хорошо поняли лживость советской пропаганды, фальшь и лицемерие режима, оба хотели как-то высказать свой протест, хотя бы для самих себя. Оба поступили в Свердловский университет. На втором курсе обоих арестовали. Они сочинили какой-то трактат о правильном переустройстве общества, закопали его в тайнике, и за это обоим вкатили по пять лет. Ельчин отбывал срок в лагере на озере Балхаш, в Казахстане.

После освобождения его дружба слевой продолжалась. Они начали вместе распространять еврейский самиздат в Свердловске. Володя немного выучил иврит и очень неплохо знал еврейскую историю. Он часто ездил в Москву, Ленинград, Одессу, познакомился со многими отказниками, активно распространял еврейскую литературу. Кончилось тем, что Ельчин и Шеффер оба получили по пять лет зоны и пять – ссылки за сионистскую деятельность. Ельчин с гордостью называл себя сионистом, притом что был он русским и никаких еврейских предков у него не было. Сначала Ельчина отправили в одну из пермских зон. Там он через некоторое время попал в ШИЗО «с выводом на работу». Но работать в ШИЗО Ельчин категорически отказался. Тогда его стали преследовать не на шутку. ШИЗО и ПКТ следовали один за другим. Он дошел до полного физического истощения, но не сдавался. Тогда его перевели в чистопольскую тюрьму.

Мы с Ельчиным сразу подружились. Он много рассказывал мне о своих родителях, о друзьях, много и интересно рассказывал об оперных исполнителях и о композиторах. Классическую музыку, особенно оперу, знал великолепно. Ельчин рассказал мне, кто тогда сидел в Чистополе, у кого какое дело, и, главное, объяснил, «кто есть кто»,

чего можно ожидать от того или иного заключенного и как с ним себя вести. О В. Ельчине у меня сохранились самые добрые воспоминания.

Сама камера произвела поначалу довольно тяжелое впечатление. Обшарпанные, десятилетиями нештукатуренные стены, двухъярусные железные койки, точнее, металлические панцирные сетки, прикрытые тонким матрацем, никаких простынь нет, есть только наволочки. Потолки очень высокие, здание ведь старое, говорят – екатерининских времен. Окно небольшое, под самым потолком. Одна решетка внутри и две снаружи, точнее, массивная решетка и «намордник», который не столько препятствует вылезти через окно, сколько загораживает вид, пропуская только тусклый, рассеянный свет снаружи. Света снаружи проникает мало, и потому лампочка в камере горит почти круглые сутки, выключается только в ясные летние дни на 3–4 часа.

Работа состояла в плетении больших сеток, таких, куда на овощных базах затаривают по 50 кг картофеля и других овощей. Сетку такую плетут пластмассовым челноком. Для меня такая работа оказалась отчасти даже удобнее, чем работа в цеху на зоне. Я сам мог выбирать часы работы в течение дня и дни работы в течение недели. Поэтому я мог не работать в Шаббат и еврейские праздники. В эти дни я сдавал сетки, сплетенные ранее.

Подъем в 5.00, вскоре вслед за ним первая проверка, завтрак в 6–6.15, в зависимости от того, с какой камеры начинают раздавать. В начале восьмого выводят на прогулку. Обед в начале двенадцатого. В три часа дня – вторая проверка, в пять – ужин, и в девять – отбой. Как правило, днем можно было прилечь на нары, к этому относились спокойно. Но если кого-то начинали преследовать, то именно от него требовали немедленно подняться каждый раз, как надзиратель заглядывал в глазок, а происходило это очень часто, хотя и не так часто, как в Лефортово.

В течение 24 часов в сутки я видел одних и тех же людей, соседей по камере, и никогда не видел тех, кто сидел за соседней стеной. Одной из главных задач тюремного режима было именно добиться полной изоляции узников друг от друга. Нашей главной задачей, соответственно, было эту изоляцию любыми путями нарушить, передать информацию из камеры в камеру. Некоторые умудрялись перекидывать записки из одного дворика в другой во время прогулки. Но такое перекидывание требовало немалой сноровки и было весьма рискованным делом. Куда проще было переговариваться по трубе. Отопительные батареи в двух соседних камерах соединялись общей трубой, куда го-

рячая вода поступала по вертикальным трубам. Если взять кружку, тщательно прижать ее доньшком к очищенной от краски поверхности трубы, а рот вставить в раструб кружки так, чтобы не оставалось щелей по бокам, то получался «микрофон». Если ту же кружку доньшком плотно прижать к уху, а раструбом – к водопроводной трубе, то получался «телефон». Говорить приходилось по очереди. Один говорит, другой, в соседней камере, только слушает. В конце своего сообщения говоривший добавлял: «Прием», и тогда собеседники менялись ролями, т.е. одновременно переворачивали каждый свою кружку, и слушавший начинал говорить, а говоривший слушать. Конечно, слышимость была неважная, каждое слово нужно было тщательно артикулировать. Часто собеседник не понимал главного и просил повторить все сообщение сначала. Так что разговор шел довольно медленно.

Общая водопроводная труба соединяла камеры попарно. Если через одну стену была связь через трубу, то через противоположную стену такой связи не было. Но тут нам на помощь пришла особенность местной канализации. Именно у той стены, которая была «глухой», т.е. через которую труба не проходила, стояли унитазы и с той, и с другой стороны. Причем стояк под обоими унитазами был общий. Так что достаточно было выкачать воду из унитазов с обеих сторон с помощью половой тряпки, и сливные отверстия унитазов превращались в настоящую слуховую трубу. Через унитаз говорить было проще. Слышимость была лучше, и можно было быстро обмениваться репликами, переспрашивая и перебивая друг друга. Но и риск был намного больше. Унитазы стояли у той стены, где была дверь в камеру, характерная поза склонившегося над унитазом сразу его выдавала, да и говорить нужно было в полный голос. В мое время в Чистополе через унитаз говорили очень редко, только тогда, когда надо было передать что-то очень важное. В общем, связь между всеми камерами, которые находились с одной стороны коридора, так или иначе существовала.

Однако пользовались этой связью далеко не все, а те, кто пользовался, старались делать это пореже. Администрация наказывала за переговоры между камерами немилосердно. Главное развлечение вечно скучавших надзирателей было поймать заключенных в тот момент, когда они переговариваются между камерами, неслышно подойти к глазку, заглянуть и составить рапорт. Если это случалось в период «закручивания гаек», в период усиления преследований, то такое нарушение сразу наказывалось карцером. Если это происходило в более спокойное время, то ограничивались лишением ларька. Меня за межкамерную связь карцером не наказывали ни разу.

В Чистополе передо мной сразу стали две проблемы: кашрут и кипа. В отношении кашрута я решил, что не буду есть мяса и комбижир, поскольку очевидно, что и там, и там была свинина или продукты ее переработки. Выполнить это решение было просто. В обед нам разливали суп из большого бака, а потом из маленького бачка плескали в миску ложку комбижира, в котором плавали какие-то ошметки сала. Кому-то из заключенных удалось достать таблицу рационов питания с раскладкой по разным видам продуктов. Калорийность питания на тюремном режиме составляла 2200 калорий, из них мясо и жиры – 200. Так что я понижал свой рацион на одну десятую часть. Вначале это было не очень заметно. Но через год, полтора, особенно после карцеров и голодовок, когда сошел «подкожный слой», я стал чувствовать просто волчий голод. Хотя отказываться от жира становилось очень непросто, свою диетарную установку я выдержал до конца и не нарушил ни разу. Вообще, голод я чувствовал постоянно, особенно к концу срока. Пожалуй, чуть-чуть утихал голод только сразу после обеда, когда удавалось набить живот хлебом и картошкой, но через час вспыхивал с новой силой.

С кипой в тюрьме было намного проще, чем на зоне. В камере можно было одевать на голову что угодно. Это не считалось нарушением режима. На прогулку я всегда надевал шапку. А в тех считанных случаях, когда меня вызывало начальство, приходилось идти на компромисс и кипу снимать.

Работа по плетению сеток много сил не отнимала. После первых дней обучения я стал сдавать по 2 сетки в день, при норме 8. Позже делал четыре. Вообще, все относились к работе по-разному. Так, Ельчин сразу сказал мне, что он сдает по одной сетке, не больше. Более того, если его начнут наказывать за невыполнение нормы, он сразу вообще перестанет работать; администрация это знает, и потому его не наказывают за работу. Кто-то делал 1 сетку, кто-то – 2, кто-то выполнял норму, а некоторые даже перевыполняли. Общепринятого «кодекса поведения» в мое время в Чистополе не было. Некоторые говорили, что эзку неприлично выполнять норму, некоторые, напротив, утверждали, что это вполне нормально. Из тех, кто не работал вообще, я точно помню Янина. Но были, кажется, и другие.

С утра и до завтрака я час делал физкультурные упражнения, некий упрощенный вариант йоговской гимнастики, после завтрака повторял иврит по моим барашевским тетрадам. После прогулки и до обеда занимался английским по самоучителю Экерсли и вязал две сетки. Затем ложился на часок отдохнуть и вязал до ужина еще две сетки.

После второго обхода, в 3 часа, опять час занимался йогой. После ужина писал письма или просто читал.

Летом в камере духота страшная, движения воздуха почти нет. Зимой – очень холодно. Все время, пока не работаешь, приходится сидеть в бушлате. Ночью наваливаешь на себя тот же бушлат и вообще все теплые вещи, которые у тебя есть, только так удастся немного пригреться и заснуть. Чем сильнее становилась дистрофия, тем труднее было согреться. На второй год, в 86-м, пальцы на руках у меня мерзли даже летом, и приходилось их постоянно согревать. Действует на нервы постоянный электрический свет в камере. И стены, и все предметы, и форма тюремщиков, и одежда заключенных окрашены в различные оттенки зеленого, серого и коричневого. За все два года не видел ни одного красного, голубого или желтого предмета, не считая, пожалуй, книжных обложек. Вообще, книги – это единственное, что как-то еще напоминало о вольной жизни. Но в тюремной библиотеке, точнее, в кабинете отрядного, где мы каждые десять месяцев имели право обменять книги, лежала стандартная советская макулатура и немного русской классики. Пища, как и книги, была пресная и очень однообразная.

Но особенно тяжело было переносить круглосуточное пребывание с теми же двумя-тремя соседями в одной камере в течение нескольких месяцев. Вскоре каждый уже знает о каждом практически все, и слушать заново одни и те же рассказы уже нет сил. При этом все возбуждены, даже раздражены, каждому хочется говорить, и никому не хочется слушать собеседника.

В этом плане идеальным сокамерником был Лизунас. Это был старик, литовец, единственный в Чистополе осужденный по ст. 64 за участие в партизанском антисоветском движении. Несколько лет, сразу после войны, он воевал среди «лесных братьев». Потом вышел из леса, достал каким-то образом «чистые» документы и благополучно проработал всю жизнь барменом в Клайпеде, на плавучем ресторане. Арестовали его только в 70-е годы, дали 15 лет, в том числе 10 – тюрьмы. Лизунас никогда не раздражался, никогда не нервничал, умел вовремя пошутить, всегда готов был выслушать собеседника до конца, не перебивая. Он прекрасно разбирался в людях, умел погасить конфликт между соседями по камере до того, как конфликт перешел в открытую ссору. И была у него еще одна, бесценная в тюрьме, особенность. Он единственный не съедал полностью свою пайку. Лизунас был маленького роста, довольно полный и уже пожилой (если не ошибаюсь, 1920-го года рождения). Норму он делал полностью, ни в каких акциях протес-

та не участвовал и поэтому всегда получал полную норму питания. И ему этого вполне хватало. Более того, он прекрасно понимал, что с учетом возраста и неподвижного образа жизни для его здоровья главная опасность состоит не в недоедании, а именно в переедании. Он сам говорил: «Если я хочу отсюда выйти, то не должен есть пайку до конца». Поэтому он съедал из своих 500 грамм только грамм 400, а остальное отдавал одному из соседей, как правило, самому голодному.

Камеры очень отличались друг от друга по размерам и по числу мест. Был крошечный «пенал» на двоих, были трехместные, четырехместные и одна большая, шестиместная. Кроме железных нар в камере был обеденный стол, деревянная доска на железных ножках, наглухо заделанных в пол. На каждого заключенного полагалась одна небольшая деревянная тумбочка, куда мы складывали все наши вещи. Свою тумбочку мы каждый раз перетаскивали вместе с вещами, когда нас переводили из камеры в камеру. На одной из тумбочек стоял жестяной бачок для кипятка. Кипяток нам наливали в этот бачок два раза в сутки, утром и вечером. Остывал он очень быстро, и потому мы наваливали на этот бачок все наши теплые вещи, если, разумеется, оставалось в камере хоть что-то, не одетое вечно мерзнущими узниками.

В камерах были репродукторы, подключенные к местной радиосети. 4 часа в сутки шло местное вещание по-татарски. Остальное время – первая общесоюзная программа. Репродуктор включали в 6 утра, с началом вещания, и выключали в 9, по отбою. Заключенные в камере сами могли регулировать громкость или совсем выключать радио. Кроме того, на все политическое отделение выдавался ежедневно один номер «Правды». Читали его в камерах далеко не все, но те, кто читали, изучали этот номер от корки до корки. Не думаю, что на воле были у этого «непечатного органа» столь вдумчивые и дотошные читатели. Так или иначе, в каждой камере этот номер задерживался на час или около того. Получив номер из камеры, надзиратели тщательнейшим образом его осматривали, не осталось ли каких знаков или записок, и только после этого передавали в следующую камеру. Так что до последней камеры газета доходила только к вечеру.

Заключенные имели право подписаться на периодику, издававшуюся в СССР и странах Восточного блока. Некоторые (насколько я помню, В.С. Мейланов) подписывались на академические журналы по специальности. На советские газеты не подписывался никто. М.П. Казачков подписывался на еженедельную газету *Granpa* по-английски. Когда я сидел с ним в камере, то читал ее, особенно международный раз-

дел. Помню, что из этой газеты я узнал о плане ближневосточного урегулирования, выдвинутого королем Хусейном в январе 1985-го.

Можно было заказывать книги через «Книгу-почтой». Получать какие бы то ни было печатные издания с воли категорически запрещалось. Формальное объяснение этого запрета состояло в том, что в тексте можно сделать какие-то знаки и таким образом передать информацию. Но, по сути, это просто была еще одна мера притеснения заключенных.

Как правило, администрация не торопится переводить заключенных из камеры в камеру. Происходит это либо когда конфликт между соседями по камере принимает такие формы, что администрации приходится вмешаться, либо когда кому-то хотят создать неприятную атмосферу в камере и подбирают тех, с кем он уже испортил или наверняка испортит отношения, либо, наконец, когда кого-то хотят свести с одним из осведомителей.

Первые несколько месяцев в Чистополе прошли спокойно. После Ельчина и Янина я сидел в камере с М.П. Казачковым, В. Сендеровым и А. Должиковым. В этой камере меня застали известия о смерти Черненко и об «интронизации» Горбачева. Через какое-то время В. Седерова от нас перевели, а на его место посадили Новосельцева, с которым у меня сразу не сложились отношения.

В начале мая меня перевели в камеру, где сидели В.С. Мейланов, В.А. Некипелов, спустя какое-то время к нам добавили и А. Должикова. Вазиф Серажутдинович Мейланов – это диссидент из Дагестана, человек исключительной честности и мужества. Он получил максимальный срок по статье – 7 лет, за то, что вышел в Махачкале на площадь с протестом против процессов Щаранского и Орлова. В лагере сразу отказался работать и за все время срока действительно не отработал ни одного дня. Его практически все время держали в ШИЗО, довели до полной дистрофии и отправили на три года в Чистополь. В тюрьме он также не работал, но КГБ и администрация с этим вынуждены были мириться и уже не пытались его преследовать. Виктор Александрович Некипелев, известный правозащитник, прекрасный поэт, мужественно выдерживал преследования администрации в лагере и в тюрьме, куда его перевели после года непрерывных провокаций и травли. Саша Должиков был осужден за шпионаж в пользу Китая. По приговору ему определили часть срока в крытой тюрьме. Это был хитрый, смывленный парень, усиленно подлизывавшийся к своим старшим по возрасту и более образованным сокамерникам, но время от времени по причи-

нам, для нас совершенно не понятным, буквально в одночасье менявшим тактику и переходившим от заискивания к хамству и неприкрытой агрессивности. От Должикова, кажется, достался мне самоучитель польского языка, и я стал ежедневно тратить еще по часу на польский.

15 мая 1985 г. в Варшаве началось совещание экспертов по проблемам прав человека стран ЕС. Я написал заявление, что лучшими экспертами по правам человека в СССР могли бы стать те, кто пережил голод и голод советских политических лагерей и тюрем, но их почему-то на это совещание не пригласили. 15 мая я отдал заявление и провел однодневную голодовку протеста. Меня вызвал майор Чурбанов, начальник политического отделения (отрядный). Внимательно глядя на меня, он сказал, что голодовка – это грубое нарушение режима и обычно наказывается карцером. Выдержал паузу и добавил, что на сей раз мерой наказания избран перевод на строгий режим на два месяца.

Строгий режим – это тоже весьма суровое наказание, не легче карцера. В течение первого месяца заключенного переводят на пониженное питание. Пайка хлеба 400 гр, а не 500, как на общем. Сахара не дают вообще. На завтрак – тот же черпак каши, что и на общем. На обед – суп без мяса и жиров. Поскольку от жиров я и так отказывался, то в этом разницы я не почувствовал. На ужин каши не дают вообще, а дают только какую-то соленую мелкую рыбешку, наполовину тухлую и состоящую в основном из костей и головы. Кроме того, на строгом в течение всего срока прогулка 30 мин., а не час и ларек 3 рубля в месяц, а не 5, как на общем. Свиданий и бандеролей не полагается вообще (на общем тюремном раз в год полагается бандероль и два раза в год – короткое свидание). Поскольку строгий режим у меня заканчивался 14 июля, сразу после этой даты я мог рассчитывать на свидание с мамой и дедушкой.

Однако в начале июля меня вызвал к себе в первый и последний раз оперуполномоченный КГБ майор Калсанов.

Кабинет Калсанова, так же как и кабинет Чурбанова, размещался прямо в нашем крыле тюрьмы, в одной из камер, переоборудованной под кабинет. Войдя, я увидел мужчину в штатском лет 35–40, среднего роста, очень спортивной наружности, с довольно красивыми и яркими восточными чертами лица. Я представился и остановился у дверей. Калсанов сидел в другом конце кабинета за столом и, мельком взглянув на меня, продолжал перебирать какие-то бумаги. Потом поднял глаза и сказал, что у него ко мне два вопроса: один – формальный, а другой – более серьезный. Опять помолчал немного. «Формальный вопрос – это невыполнение нормы выработки. Почему не выполняете

норму?» – а сам внимательно на меня смотрит. «Норма большая, я не успеваю», – и тоже смотрю ему в глаза. «Конечно, не успеваете! Ивритом нужно позаниматься, и английским, и польским, и йогой тоже!» Этим Калсанов, разумеется, хотел мне дать понять, что у него в каждой камере глаза и уши. «Ну так что же, Ривкин, будете норму выполнять?» – и опять прямой внимательный взгляд в глаза. «Норма большая, я выполнять ее не могу». – «А у вас, кажется, свидание скоро?» – и легкая улыбка в усы. Я не реагирую, стою молча. Калсанов опустил глаза, роется в бумажках, на меня не смотрит. Через какое-то время опять про меня вспомнил: «Ну ладно, можете идти... А второй вопрос мы пока отложим...»

Больше Калсанов меня не вызывал ни разу. Дня через три меня перевели в другую камеру, там сидели В. Ельчин, В. Осипов и В.А. Некипелов. Срок свидания приближался, и я очень волновался, ведь уже около года я не видел маму и дедушку. Я отлично понимал, что если я так переживаю, то они переживают в десять раз сильнее. За этот год дедушка перенес тяжелый инфаркт, я из маминых писем не очень ясно понимал, насколько он оправился, и очень хотел его видеть. Я посоветовался с Володей и решил сделать «жест доброй воли». Вместо двух сеток начал сдавать четыре. Но это не помогло, свидания меня лишили буквально за неделю до положенного срока, 7 июля. А тот самый, незаданный, «второй вопрос» я стал чувствовать довольно явственно. Отношение администрации ко мне видимо менялось, лишение свидания стало только первым шагом из серии репрессивных мер, которые начались осенью 85-го.

В. Осипов оставил у меня самые неприятные воспоминания. Это был примитивный, истеричный мужичок со всеми ухватками провинциального уголовника. Он признавал только один критерий человеческой ценности: физическую силу. С теми, кто был сильнее его, он держался всегда сдержанно и настороженно, а тех, кто слабее, третировал беспардонно. Особенно доставалось от него В.А. Некипелову. В. Ельчин пытался его удерживать, и это в общем удавалось. Во всяком случае, дальше грубой ругани В. Осипов не заходил.

Незадолго до Рош а-Шана (Еврейского Нового года) из соседней камеры передали по кружке, что там сидит Йосеф Бегун, известный отказник и узник Сиона, что он хочет со мной говорить. Я взял кружку, и впервые услышал голос Бегуна. Первые слова, которые я ему сказал, были: «Ктива у хатима това» («Хорошей записи и печати», традиционное еврейское новогоднее пожелание). Йосеф сказал, что ему прият-

но, что есть с кем поговорить на иврите. Я вкратце рассказал ему о своем деле, о том, как выучил в Барашево первые слова на иврите. Поговорили мы с ним по кружке всего один раз. Вскоре его перевели в другую камеру.

Моими соседями стали Н. Алиев и В.А. Некипелов. Нуреддин Алиев родился в Агдаме, в единственном азербайджанском городе Нагорного Карабаха. В первый раз был осужден за хулиганство. Судили его в Шуше, и все судьи были армяне. С тех пор армян он возненавидел лютой ненавистью. Через год после освобождения он поджег здание того суда, в котором его осудили. Ему дали десять лет по ст. 66, терроризм. С Алиевым сидеть было очень не просто. Молодой, горячий азербайджанец, до предела изголодавшийся, очень страдавший от многолетнего пребывания в четырех стенах, от отсутствия женщины, очень тосковавший по родному Азербайджану, он находился на грани нервного срыва. К тому же он постоянно вынужден был говорить по-русски, много лет ему не с кем было слова сказать на родном языке. По-русски он говорил очень хорошо, но когда волновался, то, как и любой человек, говорящий на неродном языке, сразу начинал путаться и делать ошибки. Он сам это чувствовал, и это его злило еще больше. При этом Алиев очень неплохо знал и любил азербайджанскую поэзию, вообще был человеком поэтичным, ранимым, даже сентиментальным. Впрочем, это была именно та сентиментальность, которая в любую секунду может обернуться жестокостью, даже садизмом. Так, Алиев очень симпатизировал тараканам, которых в любой камере было с избытком. Он подкармливал их хлебом, с интересом наблюдал за их перемещениями и, конечно, никогда их не давил.

Как сейчас вижу Алиева, быстро ходящего, почти бегущего из угла в угол. Походка легкая, мягкая, изящная даже, глаза горят, и встречаться с ним взглядом очень нежелательно. Ни дать, ни взять, тигр в клетке. Притом, однако, что в этой же клетке нахожусь и я. С В.А. Некипеловым у Н. Алиева сложились очень интересные отношения, своего рода приязнь-конкуренция-ненависть. Споры у них иногда возникали по самым неожиданным поводам. Как-то раз Алиев заметил у койки Некипелова таракана и с радостным кличем стал раскидывать перед ними хлебные крошки. В. Некипелов негромко, но твердым голосом сказал: «Нуреддин! Ну сколько раз я просил вас: не кормите тараканов у моей тумбочки!» Алиев мгновенно выпрямился и, сверкая глазами, выпалил с сильным акцентом, путаясь в окончаниях: «А я вас просить, Виктор Александрович, у мой тумбочка таракан нэ давить!!!»

Но именно В.А. Некипелов на моих глазах спас Алиеву жизнь, или, по крайней мере, очень помог его спасению. Как-то раз Алиев дошел до состояния полной невменяемости. Не помню, что было тому причиной да и была ли конкретная причина, но Нуреддин носился по камере все быстрее, изрыгая жуткие проклятия в адрес ментов, чекистов, армян и всех тех, кого он считал своими недругами. Вдруг он метнулся к своему мешку, достал оттуда какую-то длинную тряпку, быстрыми умелыми движениями привязал ее к решетке на окне, встал на тумбочку и завязал узел у себя на шее. Я стоял в двух метрах и смотрел как зачарованный, дикость и полная нереальность происходящего меня просто парализовали. Я понимал умом, что сейчас может погибнуть человек, что я должен немедленно вмешаться, но не мог сдвинуться с места. Алиев оттолкнул ногой тумбочку и повис в петле. Через несколько секунд его тело замерло, глаза застыли, нижняя челюсть отвалилась. В ту же секунду В. Некипелов рванулся мимо меня к двери и громко забарабанил в нее. Надзиратель открыл почти мгновенно. Наверное, уже наблюдал снаружи, а может, просто стоял рядом. Надзиратель поддерживал тело Алиева, а Некипелов умелыми движениями ослабил петлю. Нуреддина положили на койку, через минуту он закашлялся, с шумом втянул воздух и открыл глаза.

30 октября, в день политзаключенного, я, как и в прошлые годы, провел однодневную голодовку солидарности с узниками совести. На следующий день мне объявили 6 месяцев строгого режима. Весь ноябрь просидел на пониженном питании. В декабре опять стал получать общую норму. Но тут подошло 10 декабря, день прав человека. Я провел однодневную голодовку протеста. В тот же самый день ДПНТ объявил мне 15 суток карцера и отвел вниз, на первый этаж. По дороге он бросил мне какую-то фразу вроде: «Ну посмотрим, что вы дальше запоете». А я ему ответил: «Вы пытаетесь на меня давить, потому что не знаете, с кем имеете дело. Но со временем вы поймете, что силовые приемы на меня не действуют». Похоже, что я, сам того не зная, подал им новую идею: они решили экспериментально проверить, действуют ли на меня «силовые приемы». Вообще, тюремщики твердо убеждены, что сломить они могут любого. И хотя на практике им приходится (нечасто) встречать людей, которых сломить нельзя, они считают, что эти «досадные исключения» никоим образом не опровергают общее правило.

Карцерные камеры находятся на первом этаже. Слева по коридору, в самом конце, одна довольно большая камера – это карцер для

политических. В тот день она была занята, из чего я сделал вывод, что не я один голодал 10 декабря. Меня посадили в общий карцер для уголовных, справа по коридору. Как мне рассказали мои новые соседи, там есть восемь карцеров. На самом деле это одна большая камера, разбитая тонкими кирпичными стенами на восемь узеньких «пеналов». Из общего коридора меня завели в маленький коридорчик, или «предбанник», метров 8–10. Туда выходили двери всех восьми карцеров. Меня завели в карцер, крайний слева, примыкающий к наружной капитальной стене.

Это было узенькое помещение, шириной чуть больше метра, настоящий пенал. У наружной, «холодной», стены – нары, которые опускали только на ночь. В полу у двери – очко канализации, на котором можно было присесть «по-орлиному». И больше ничего. Стены и низкий потолок – цементная «шуба», пол каменный. Под потолком – крошечное окошко, точнее, какая-то вентиляционная отдушина. Свет через нее не проникал даже в полдень, из-за множества решеток, и потому свет в карцере горел круглые сутки. Да и воздух почти не проходил. Впрочем, это было к лучшему. Когда открывалась кормушка и в карцере проходил небольшой сквозняк, меня тут же пронизывало ледяным холодом, и начинался жуткий озноб. Меня буквально всего трясло. Причем холод шел не снаружи, а откуда-то изнутри, из живота, из сердца. Я вскакивал с места и начинал бегать и прыгать по камере, чтобы хоть как-то согреться. Батареи в камере не было, но проходила вертикальная отопительная труба, а от нее – горизонтальная, в соседние камеры. Сначала я пытался к той трубе прижиматься и так греться, но потом понял, что прыжки по камере согревают лучше.

Ни бушлата, ни каких-то теплых вещей в карцер брать нельзя. Заключенному в карцере оставляют только стандартную эковскую курточку и штаны из легкого хлопчатобумажного материала. Наготу эта одежда прикрывает, но тепла не дает никакого. Если даже кто-то пытается надеть теплые вещи снизу, под курточку, то их обязательно снимают при личном обыске. Каждого заключенного, наказанного карцером, тщательно обыскивают, с полным раздеванием, и отбирают при этом все теплые вещи, всю бумагу, до последнего листочка, и вообще, все что было в карманах курточки. Кроме тех лохмотьев, которые на нем надеты, заключенный не имеет права пронести в карцер ни ниточки, ни крошки, ни листочка бумаги. Даже кружка, миска и ложка остаются в камере. Пищу и кипяток выдают прямо в посуде, и сразу после еды забирают эту посуду обратно. Меня каждый раз обыскивали уже в

самом карцере, как только туда заводили, всегда в присутствии ДПНТ, который внимательно контролировал действия своих подчиненных.

Питание в карцере такое же, как в первый месяц строго режима, с той разницей, что еду дают через день. Этот день ээки с мрачным юмором называли «летний день», на следующий день выдают только пайку хлеба (400 г) и кипяток. Этот день именуется на зэковском жаргоне «пролетный». Кипяток раздают два раза в день – утром и вечером. Но, если попросить, надзиратель даст кружку кипятка и в неурочное время. Разумеется, ни прогулок, ни радио, ни книг, ни газет, ничего этого в карцере нет. Если заключенный скажет, что хочет написать заявление, ему дадут бумагу и карандаш, но вместе с готовым заявлением отберут и карандаш, и остаток неиспользованной бумаги. Нары опускают только на ночь, и в открытом виде они занимают по ширине почти всю камеру. Днем нары закрыты на замок. Ни одеяла, ни подушки, разумеется, нет. С вечера иногда удавалось уснуть, но через пару часов просыпался от жуткого холода и прыгал по камере, чтобы согреться. Потом наступал такой момент, когда сон и усталость оказывались сильнее холода, я падал в изнеможении на нары и мгновенно проваливался в забытие. Но через какое-то время опять просыпался от жуткого озноба и начинал прыгать по камере. И так три-четыре раза за ночь.

Именно в это время я впервые познакомился с уголовными заключенными. Они постоянно переговаривались между собой, не особенно обращая внимание на надзирателей. Надзиратель довольно часто заходил в маленький коридорчик, соединявший карцера, но большую часть времени его там не было и можно было говорить почти в открытую. Сначала я робко прислушивался, а потом и сам стал принимать участие в этих разговорах. Когда мои соседи узнали, что я сижу по 70-й, они просто завалили меня своими рассказами о грубейших нарушениях закона и о жестокости охраны. Я несколько не сомневался, что рассказы эти правдивы, но не мог понять, чем же я в состоянии тут помочь. Мои соседи были твердо уверены, что заключенный «политик» имеет какое-то влияние на начальство, что к нему прислушиваются, и сколько я ни объяснял, что это не так, они остались при своем мнении.

25 декабря кончался мой срок в карцере, но 24 декабря был день узников Сиона, который я тоже ежегодно отмечал голодовкой. Я внимательно считал сутки, чтобы не пропустить этот день. Ни радио, ни газет в карцере нет, так что сбиться со счета дней вполне возможно. И вот наступило 24 декабря. Я попросил бумагу и написал большое, страниц на двадцать, заявление в ПВС СССР. Я подробно описал свое дело,

рассказал, как начал учить иврит и соблюдать законы иудаизма. В конце я написал, что не вижу для себя более возможности жить в СССР, прошу лишить меня советского гражданства и отправить в Государство Израиль. 24 декабря я подал это заявление и объявил однодневную голодовку. Назавтра мне принесли мое заявление назад, а вместе с ним и постановление на следующие 15 суток.

Силы мои заметно убывали, мне казалось, что в камере становится все холоднее с каждым днем. Может, так оно и было, а может, просто озноб пробирал меня изнутри. Пальцы рук оставались холодными как лед, хотя я все время держал ладони за пазухой или прижимал к батарее. Пытался любыми способами отвлечься от мысли о жутком холоде, как-то зацепиться за любое новое впечатление. Однако новых впечатлений в камере, сплошь покрытой цементной шубой, было немного. И тогда я стал вглядываться в очертания застывших капель цемента, которыми были покрыты стены и искать в них какие-то осмысленные очертания, фигуры людей и животных. И вот разглядел я какую-то склоненную человеческую фигуру, на корточках, в широкой и плоской шляпе, а рядом фигуру животного с двумя длинными ушами. Мне показалось, что это старый китаец с кроликом. Почему китаец, не знаю. Из-за шляпы, наверное. И чем дольше я смотрел на эти фигуры, тем яснее их видел. И я вскоре, только глянув на это место стены, безошибочно различал своего китайца. И начал я понемногу с ним разговаривать, рассказал ему о себе, поплакался о своих несчастьях, и, странное дело, вроде как-то помогло, полегче стало.

А тут произошло одно событие, которое меня и отвлекло, и подержало. За день-два до Нового года в тюрьме был прокурорский обход. В каждом городе и районе, где есть лагеря и тюрьмы, в штате прокуратуры имеется прокурор по надзору за ИТУ. И вот этот прокурор посетил чистопольскую тюрьму. Добрался он и до карцера. И вот прыгаю я, как обычно, по камере, и вдруг в неуточный час открывается дверь, и я вижу на пороге большую группу офицеров и надзирателей, а в центре этой группы – пожилого полного человека в прокурорском мундире. «Жалобы, претензии есть?» – привычной скороговоркой бросил он мне. И тут я начал подробно рассказывать ему все то, что услышал от соседей по карцеру, о том, кто в карцере голодает, кто и когда вскрыл вены, кому не вернули часть вещей после обыска и т.п. Пару минут прокурор слушал меня молча, а потом резко прервал: «Вы что, адвокат тут, что ли?» Не задумываясь, я ответил: «Да, адвокат, именно за это я тут и сижу! А почему вы в карцере не топите? Почему труба отопления чуть теплая?» С минуту он молча на меня смотрел и,

не сказав ни слова, вышел. Так закончилось мое единственное за два года общение с прокуратурой.

Новый, 1986 год я встретил в карцере, как и предыдущий, 1985-й. И вновь убедился в правильности старой поговорки: как Новый год встретишь, так его и проведешь. Следующий год я просидел если и не весь в карцере, то значительную его часть.

Наконец 8 января меня вернули в камеру. Моим новым соседом стал Толя Бобыльков (я с ним в Барашево сидел, а потом его отпустили в Чистополь, еще до меня, за попытку побега). Бобыльков меня сразу спросил: «Что у тебя с голосом?» И в самом деле я вдруг заметил, что нормальным голосом я уже говорить не могу. Либо шепчу, либо, когда хочу говорить погромче, начинаю пищать каким-то странным фальцетом. «Это у тебя после карцера дистрофия», – сказал Бобыльков. Потом я не раз убеждался: в результате дистрофии с голосовыми связками что-то происходит, как-то они усыхают и в голосе полностью пропадают глубокие, низкие звуки. Остается какой-то писк. Тогда же я заметил, что у меня полностью прекратился рост волос и ногтей.

Кроме него там сидел еще Нуреддин Алиев. После первых приветствий Нуреддин протянул мне какую-то книгу в синем переплете: «Это тебе от Бегуна». Оказалось, что до этого Н. Алиев сидел в одной камере с Й. Бегуном и тот, предвидя возможность моей с Алиевым встречи, передал ему для меня Сидур. Математический расчет Й. Бегуна сработал точно. Через два месяца после того, как он отдал Сидур Алиеву, я его получил. Это был первый еврейский молитвенник, который я когда-либо держал в руках. И попал он мне в руки именно тогда, когда я так хотел выразить Богу свою благодарность за Его милости, за то, что не оставил меня в трудный час. Хотел, но не знал как. И вот в моих руках наконец-то та книга, которую евреи тысячи лет раскрывали, когда хотели выразить хвалу Господу.

Однако это был не только мой первый молитвенник, но и мой первый учебник иврита. Сидур был двуязычный, каждая страница была разделена пополам, с внешней стороны был текст на иврите, а с внутренней – перевод на русский. Так началось мое «двойное обучение»: я учился молиться и я учился языку молитвы. Я читал вслух слова молитвы на иврите и заглядывал в русский перевод, чтобы понять, что же именно я читаю. К тому моменту я мог по слогам прочесть на иврите текст с огласовками, но словарный запас у меня был ничтожный, и почти ни слова из читаемой мною молитвы я не понимал. Порядок слов в предложении на иврите довольно близок к порядку слов в русском предложении. Начало и конец фразы я определял по знакам препина-

ния. А дальше искал перевод, следуя порядку слов. Правда, иногда этот метод меня подводил. Полного соответствия в структуре фразы между русским и ивритом все-таки нет. Спустя годы я убедился, что значения некоторых слов я запомнил неправильно. Но удивительно другое: куда больше слов я тем не менее понял верно. Так открылась новая, радостная страница моей жизни – страница еврейского молитвенника.

Я немного отъелся и отогрелся, начал понемногу разбираться в Сидуре и читать по буквам первые слова молитвы на иврите, но долго отдыхать мне не пришлось. Через 8 дней приносят новое постановление: 15 суток за невыполнение нормы выработки. И ведут в тот же карцер, в уголовный, в крайнюю камеру. Не знаю, почему меня опять туда повели: или политический карцер опять был занят, или они выбрали мне специально камеру похолоднее.

И надо сказать, что эта третья «пятнашка» меня здорово подкосила. В прошлый раз я знал, на что иду, и был морально готов к карцеру. Но никак не ожидал, что меня посадят туда еще раз, причем почти без перерыва. Сразу попытался взять себя в руки, сосредоточиться. Я много раз слышал выражение «собрать нервы в кулак», но только теперь понял, что это значит. Я буквально собирал и зажимал в кулак расшавившиеся нервы, пока мы проходили эти несколько шагов от камеры до карцера. Меня завели в камеру, обыскали и оставили одного. И первым делом стал я искать на стене своего «китайца». «Китаец» был на месте и так же ласково гладил своего кролика. И как только я в этом убедился, как-то сразу успокоился. Странное существо – человек! Кроме холода и голода с этой камерой у меня никаких ассоциаций не было. Более того, другие «пеналы» были, надо полагать, потеплее чем мой, примыкавший ко внешней стене. Но тем не менее именно то, что я попал в знакомую обстановку, увидел своего «китайца», именно это помогло мне успокоиться.

Но не только «китайца» встретил я из своих знакомых. Кое-кто из тех, кто сидел со мной раньше, еще продолжал досиживать в карцере свои пятнадцать суток. Узнав, что меня почти без перерыва «спустили в трюм» третий раз подряд, соседи со знанием дела поставили диагноз: «Да, это жесткий пресс!» И стали еще охотнее делиться со мной своими проблемами. И хотя помочь я ничем не мог, разговоры эти как-то отвлекали от жуткого озноба. Но и озноб становился все сильнее. Все тело как-то заледенело, но особенно мерзла спина. По ней перебежали какие-то ледяные мурашки, я их прямо физически чувствовал. Было только одно облегчение. Нары в моей камере закрывать пере-

стали. Так что в «летний» день после обеда можно было прилечь и пару часов крепко вздремнуть. Только эти два часа из суток я и не мерз. Все остальное время бил озноб. Ночью вскакивал раз пять-шесть, прыгал по камере, но и это не согревало. Спал, наверное, часа четыре в сутки, не больше. Дефицит сна и жуткий озноб в сочетании привели меня в какое-то лихорадочное, невротическое возбуждение. Я довольно громко перекрикивался со своими соседями по карцеру, а когда раздавался звук ключа в замке, замолкал последним, договаривая фразу, когда надзиратель был уже в коридорчике.

Даром это мне не прошло. В последний день моей «пятнашки» в камеру зашел ДПНТ и объявил, что за систематическое нарушение Правил внутреннего распорядка (разговоры в камере), я наказан еще пятнадцатью сутками карцера. И вот тут мне стало страшно по-настоящему. Я понял, что выдержать в таком холоде еще пятнадцать суток просто не смогу. Тем более что на сей раз я уж никак не ожидал нового карцера. Я, конечно, разговаривал с соседями, но ведь и все разговаривали, и никому, при мне, по крайней мере, за это сутки не добавляли. А тут сразу новая «пятнашка»....

Первые несколько часов я был просто в шоке. А потом стал тщательно анализировать ситуацию и искать в ней какой-то смысл. И я понял, что сейчас я прохожу нечто вроде испытания, своего рода экзамен. Если я сломаюсь, «не сдам экзамен», то дальше все в моей жизни будет плохо, не так, как я хочу. А если выдержу, то все у меня получится, и в Израиль я приеду, и маму с дедом увижу, и вообще все будет хорошо. Это ощущение меня как-то ободрило. Хаос и абсурд происходящего наполнились каким-то смыслом. Я понял, что есть некая злая сила (не КГБ, и не администрация), а именно какая-то Злая Сила, которая хочет меня сломить, и что есть некая Хорошая Сила, которая хочет мне помочь и незаметно посылает мне помощь, только я не всегда это замечаю. Я вдруг ясно понял, что я просто песчинка, пылинка какая-то, которую несут огромные волны по безбрежному океану, и что от моей воли в этой игре волн ничего не зависит. Таково было первое пробуждение религиозного чувства в моей душе. Я понял, что единственное мое спасение, это полностью отдаться на волю Бога, и впервые ясно почувствовал Бога как реальность, неоспоримо и властно присутствующую в моей судьбе, а не как некое абстрактное понятие. И тогда тот факт, что я за неделю до посадки в карцер получил от Й. Бегуна Сидур, наполнился в моих глазах новым смыслом. Я понял, что это был знак, призыв ко мне: «Держись! Не сдавайся! Не сдавайся, как бы ни было трудно!» И я решил, что буду держаться вопреки всему,

вопреки всем властным требованиям изнемогавшего тела, вопреки голосу здравого смысла, который все громче подсказывал мне: «Дурак! Ну чего ты добиваешься?! Загнешься здесь, никто и не узнает! Кому это нужно?! Для чего?! Ради чего?!»

Очень трудно назвать какой-то день, даже какой-то месяц или год, когда я поверил в Бога. Это, конечно, был длительный процесс, и начался он еще в Барашево. Уже тогда мы вчетвером, В. Аренберг, Г. Фельдман, Я. Нефедьев и я, делали Киддуш (Освящение Субботы), носили кипу, читали первые главы Торы. Я выполнял эти религиозные обычаи, но, в сущности, они были для меня скорее частью моего национального этоса, моего вновь обретенного еврейства, нежели чем-то сакральным. И в Чистополе я носил кипу, не работал по Субботам, не ел свинины, но этим я заявлял о своем еврействе, не более того. Никакого священного, божественного трепета я при этом не испытывал. Этот трепет, это осознание, что жизнь и смерть моя в руках Бога в самом буквальном смысле, появились только постепенно, под влиянием новых и новых преследований, новых и новых испытаний, к которым я совершенно не стремился, да и совершенно не был готов, но которые вот уже больше года обрушивались на меня с удручающей непреложностью. В карцере чистопольской тюрьмы это чувство наконец пробило себе дорогу в мое «дневное» сознание и подчинило его себе, преодолев отчаянное сопротивление моего одномерного, рационалистического рассудка. Хотелось бы добавить, что не покидало это чувство меня с тех пор никогда, но это, разумеется, не так! За прошедшие двадцать лет я опять оброс жирком «мирной жизни», опять вернулся к мирской суете, погоне за мнимым благополучием и успехом. Но в самые важные и в самые страшные минуты моей жизни живое и сильное религиозное чувство вновь пробуждается в моей душе. Я вспоминаю, как тогда, в феврале 1986-го, я предал себя в руки Бога и как Бог меня спас. И я верю, что если не совершу страшного предательства и не изменю Богу, то Он всегда Спасет меня, Спасет в духовном, религиозном смысле. Ибо истинное Спасение есть Спасение в Духе. Наша брэнная плоть, о которой мы так волнуемся и беспокоимся, также в руке Божьей, но только не о ней сегодня мои скромные молитвы.

В том, что в тот раз меня именно Бог спас, я не имею никаких оснований сомневаться. Вскоре после того, как мне добавили сутки, я услышал громкий голос, звучавший из одной из соседних камер. Говорил человек с сильным армянским акцентом, и притом говорил высоким голосом, таким же надломленным фальцетом, каким говорил я. Он назвал какую-то армянскую фамилию (не помню сейчас) и рассказал свою

историю. История для советской тюрьмы вполне обычная. Его этапировали на крытку. На приеме, во время обыска, надзиратели взяли себе из его вещей, что им приглянулось. Он попробовал возмущаться. Его избили. Он объявил голодовку. Его посадили в карцер. И вот, узнав, что тут же сидит «политик», он начал просить меня о помощи, разделяя общие иллюзии, что к нам, осужденным по ст. 70, кто-то прислушивается. И хотя я этих иллюзий несколько не разделял, но помогать ему взялся охотно. Я диктовал ему заявления начальнику тюрьмы и в прокуратуру, сам написал одно заявление городскому прокурору по надзору. Кстати, подача жалоб и заявлений за других заключенных категорически запрещена. Обычно такие заявления даже не принимают. Но у меня заявление взяли, наверное, сразу не поняли, что я пишу за другого. Разумеется, никакого ответа я на то заявление так и не получил, но и не наказали меня за него. Мой подопечный отправлял по одному заявлению каждый день.

И я вдруг понял, что уже не так страдаю от холода, что смог как-то преодолеть критическую «мертвую точку» своей «жизненной параболы» и начинаю понемногу подыматься, что отступает чувство отчаяния и безысходности, что жизнь вновь обретает какой-то смысл. Из этой истории я на всю жизнь сделал важный урок: если тебе стало так плохо, что сил нет дальше жить, найди кого-нибудь, кому еще хуже, и начни ему помогать, сразу полегчает.

И еще один урок я тогда извлек: если человек делает навстречу Богу один шаг, то Бог делает ему навстречу три шага. На девятые сутки в неурочный час открывается дверь, меня выводят и ведут в политический карцер. То ли там место освободилось, то ли поняли мои «начальнички», что я дохожу до последней черты, но жизнь моя стала резко меняться к лучшему. Политический карцер в Чистополе один, находится он, как я уже писал, в конце коридора, слева. Он раза в два больше чем тот «пенал», где я сидел до тех пор, и, главное, намного теплее. Там есть настоящая батарея, хотя и скрытая решеткой, но какое-то тепло от нее все же идет. Есть маленький столик, куда можно поставить миску. Есть и окно, под самым потолком, но все же какой-то свет через него проникает. Зимой, правда, лампочка горела постоянно, но, когда я там оказался уже в мае, днем ее на пару часов выключали.

На этом чудеса не кончились. Через пару дней меня сводили в баню, где я впервые за эти два месяца по-настоящему согрелся, хотя только на часок. Вообще, из карцера и ШИЗО в баню водить не полагается, и я ни разу не слышал, чтобы из этого правила для кого-то делали исключение. Что уж им в голову ударило, не знаю. А за день до конца срока

заходит ко мне в карцер подполковник Чашин, замполит чистопольской тюрьмы, молча ставит на стол поздравительную открытку с днем рождения от моего друга, Максима Блоха, и так же молча выходит. Это тоже событие необыкновенное. По правилам внутреннего распорядка письма в карцере не вручаются, и это тоже единственное в своем роде исключение на моей памяти. Тут уж я понял точно, что это все – перст Божий, знак мне, что я поступаю правильно и что мне и дальше нужно держаться твердо и не сдаваться. Правда, мои «юридические консультации» даром мне не прошли. За день до конца четвертой «пятнашки» зашел в карцер ДПНТ и сказал, что на меня имеются рапорта за «межкамерную связь». Выдержал паузу и добавил, что хотя это очень серьезное нарушение, но на сей раз меня наказывают лишением очередного свидания.

Хорошо помню, что меня вывели из карцера именно в Субботу, и в этом я тоже увидел добрый знак. Я решил, что отныне строгое соблюдение заповедей и в первую очередь регулярная молитва должны стать главным содержанием моей жизни. С этого дня мой распорядок дня несколько изменился. Проснувшись утром, я только полчаса занимался йогой. Потом минут 30–40 читал утреннюю молитву. Начинал я с утренних благословений. Какие-то части молитвы я пропускал, времени не хватало. Но я знал, что главная еврейская молитва – это Шема Исраэль, и потому читал ее особенно внимательно, иногда повторяя по нескольку раз. После ужина я читал вечернюю молитву, также повторяя Шема Исраэль по нескольку раз. В Субботу я молился намного больше, целый час до завтрака, и после завтрака тоже, читал послеполуденную молитву (Минху) и вечернюю молитву полностью. Однако мое спокойное молитвенное служение продолжалось очень недолго.

Сначала меня вернули в камеру к Н. Алиеву и А. Бобылькову, с которыми я отсидел восемь суток в январе. Первое время все было нормально, но потом я заметил, что Нуреддин становится очень раздражительным. Он вообще очень часто переходил от эйфории и возбуждения к унынию и депрессии, а от уныния – к взрывам необузданного гнева. Я почувствовал, что он только ищет повода, чтобы взорваться. Как-то раз мы стояли одетые у двери и ждали вывода на прогулку. Было семь утра. По радио начали передавать последние известия. Я стал прислушиваться. Алиев продолжал рассказывать какую-то историю, явно претендуя на общее внимание. Я его не перебивал, но и не слушал. Он явно это заметил. Постучав в кормушку, он попросил у надзирателя электробритву и начал бриться. Вообще, бриться мы были обязаны. Отпускать бороду было запрещено. Ежедневно или через день

мы просили в камеру бритву и брились все по очереди. Но никто не начинал бритье за пять минут до прогулки, стоя в телогрейке у дверей. И уж тем более никто не включал электробритву, когда передавали последние известия. Алиев явно ждал, что я попрошу его выключить бритву (или попрошу надзирателя, стоявшего за дверью, вынуть вилку из розетки). Я никак не прореагировал, и, не глядя на Алиева, продолжал прислушиваться к отдельным словам, долетавшим до меня из репродуктора сквозь шум электробритвы. Воцарилось тягостное молчание. Толя Бобыльков, желая как-то разрядить атмосферу, спросил меня о чем-то из новостей, которые сейчас передавали. Поскольку я вслушивался очень внимательно, то смог ему правильно ответить. Он наивно удивился: как это ты расслышал? И тут я, не глядя по-прежнему на Алиева, негромко протянул: «Да уж натренировали...» Алиев этого только и ждал. «Кто натренировал?!» Спросил он негромко, прерывающимся голосом и приблизился ко мне. Я молчал. Алиев повторил свой вопрос. И тут Толя Бобыльков просто спас положение. Широко улыбнувшись, он сказал: «Да ясно кто, Калсанов! Один у нас тренер!!» Алиев требовательно смотрел на меня, я молчал, но наивный тон Бобылькова и его широкая улыбка чуть сгладили остроту ситуации. Алиев уже не был ослеплен гневом, но и отступить не хотел. «Кто натренировал?!» в третий раз спросил он меня. Но в это время открылась дверь, нас повели на прогулку. Во дворике мы уже разговаривали, как обычно, хотя я видел, что успокоился Алиев не надолго. Через пару дней меня перевели в другую камеру.

Моими новыми соседями по камере были Новосельцев (имени не помню) и молодой симпатичный латыш Янис Барканс, с которым я познакомился еще в Барашево. Яниса этапировали на крытку позже меня, кажется осенью 85-го. Новосельцев был издерганный, нервный, почти невменяемый человек. Он сидел уже третий раз, считал себя «патриархом диссидентского движения», но при этом был феноменально безграмотен в истории, в философии и даже в текущей политике. Этапоном политзаключенного для него оставался всегда В.И. Ленин. Помню, его очень раздражало, что соседи по камере постоянно читают, вместо того чтобы выслушивать его страстные монологи. Он носился по камере и кричал: «Тоже мне, политзэки! Сидят по углам, читают, каждый свое, как какие-то животные! Ну скажи ты мне, ну разве Ленин так бы себя вел?!»

Новосельцев сразу спросил про кипу у меня на голове, про Сидур, и я имел глупость подробно рассказать ему и об изучении иврита, и о

молитве, и о кашруте. Особенно его взбесило, что я не беру сало и комбиджир. Он немедленно стал мне доказывать, что это противоречит эковскому «кодексу чести». Вообще, стал ко мне придирааться изо всех сил. Пока с нами еще сидел третьим Баркан, было терпимо, но, когда мы в конце марта остались вдвоем, он перешел все границы. Особенно он напирал на то, что я – не «настоящий» еврей. Действительно, одна из моих бабушек – русская, и я этого никогда не скрывал, но я с детства знал, что я – еврей, да и у окружающих на сей счет сомнений никогда не было. А Новосельцев вдруг стал мне доказывать, что и на четверть русский все равно должен жить в России и что все мои мечты об Израиле это просто предательство. Как-то раз, он предложил мне небольшой кусок от своей пайки. Я не стал отказываться, чтобы его не злить, но и есть тоже не стал. В ужин я доел свою кашу, а его кусок остался на столе. Тут он просто взвился. Он стал орать на меня не своим голосом, утверждая, что не взять пайку в тюрьме это смертельное оскорбление. Я чувствовал, что он хочет во что бы то ни стало выжить меня из камеры, и мне самому с ним сидеть не хотелось.

На следующий день была годовщина смерти Юри Куука (10 апреля, если не ошибаюсь), известного эстонского ученого, диссидента. Пока мы еще сидели вместе, Янис подробно рассказал мне эту трагическую, ужасную и по-советски абсурдную историю. Юри Куук умер в результате варварской процедуры принудительного кормления. В следственном изоляторе Ю. Куук держал голодовку, и довольно долго. Перед этапом на зону ему провели принудительное кормление, причем наши доморощенные эскулапы в голубых погонах решили закачать в желудок двойную порцию пищи, поскольку не скоро будет возможность повторить эту процедуру. Сжавшийся за время голодовки желудок несчастного Ю. Куука лопнул от непомерного объема введенной пищи. Он жаловался на сильнейшую боль, но на это не обратили внимания и отправили его на этап. Там очень быстро развился перитонит, и Ю. Куук умер. Такой вот зловещий абсурд. Человека безжалостно убили, он умер в страшных мучениях, и это притом что никому его смерть была не нужна и никто ее не желал.

Политзеки из республик Прибалтики проводили в день смерти Ю. Куука голодовку протеста. Янис сказал, что в этот день он будет голодать, и я решил его поддержать. Я объявил трехдневную сухую голодовку. Я еще не отошел от карцера, но меня так потрясла история Ю. Куука, что я не мог просто жевать в этот день свою пайку, зная, что Янис голодает за стеной. Это была моя единственная сухая трехдневная голодовка, и далась она мне очень тяжело. Обычного голода не чув-

ствовал, но была сильная жажда и страшная слабость. Под конец появилась сильная тошнота, началась интоксикация, я почти не мог стоять на ногах. Все это время Новосельцев орал на меня благим матом, кидался с кулаками, и хотя ни разу не ударил, но было видно, как ему этого хотелось. Он кричал мне, что я уже покойник, что на воле мне не жить и т.п.

В первый же день по окончании голодовки обстановка в камере еще больше обострилась. Я понял, что очень скоро я попаду в больницу, а Новосельцев – в карцер, или получит новый срок, как В. Мейланов за драку с М. Казачковым. Кроме КГБ, никто от этого бы ни выиграл. После прогулки я отказался заходить в камеру, не объясняя причин. Меня отвели в административный корпус, продержали в боксе часа три, там же предъявили постановление на 10 суток за голодовку и отвели в политический карцер.

Там я увидел много нового. Вместо деревянного пола, который мне так нравился и который помогал сохранять в камере тепло, пол теперь был залит асфальтом. Правда, появилась нормальная оцинкованная раковина и нормальный водопроводный кран вместо ржавого «соска».

Но самый главный сюрприз ожидал меня, когда надзиратели на какое-то время оставили открытой дверь, соединявшую общий коридор и маленький коридорчик-«предбанник» уголовных карцеров. Дверь моего карцера находилась почти напротив этой открытой двери, и я без труда слышал, как уголовники между собой переговариваются. И вдруг я слышу глубокий бархатный бас, без труда перекрывающий все остальные голоса. Владелец этого баса говорил с явным армянским акцентом, и это подало мне идею спросить, не знает ли он что-нибудь про того армянина, который голодал здесь полтора года назад. Каково же было мое удивление, когда я услышал в ответ: «Дорогой, да ведь это же... Я!!» Я просто своим ушам не поверил! Но подробности этой истории мы оба помнили одинаково хорошо. Ее окончание было столь же типичным для советской тюрьмы, как и начало: вещи хозяину не вернули, но согласились поднять из карцера немедленно, как только он снял голодовку. Долго разговаривать нам не дали. Внезапно в моей камере открылась «кормушка», и надзиратель сказал, что он составит рапорт о нарушении Правил внутреннего распорядка. Я сразу вспомнил, что уже дважды отсидел в карцере «сдвоенный» срок...

Мои опасения усилились, когда через пару дней в камеру вошел незнакомый офицер в чине капитана, молодой блондин с узеньким личиком, длинным носиком и бесцветными шустрыми глазками. Оказалось, что это наш новый отрядный, Какалин. Он сразу заговорил на

ту тему, которая вот уже больше года не давала покоя ни тюремной администрации, ни оперуполномоченному КГБ: почему политзаключенный Ривкин не выполняет норму выработки. Судя по словам, которые я вот уже год слышал, ничто другое их не интересовало и ни о чем другом они с Ривкиным говорить не хотели, и если Ривкина непрерывно наказывали, так только потому, что вместо восьми сеток он ежедневно сдавал четыре. Однако «язык мимики и жеста» явственно говорил о другом.

Вот и на сей раз Каклин внимательно на меня взглянул, и сразу заговорил о норме выработки. «Почему вы не работаете, Ривкин?» – «Я работаю». – «Нет, четыре сетки в день – это не работа! Вы должны делать восемь и выполнять норму! За невыполнение нормы будем наказывать». Потом последовали обычные вопросы о том, когда у меня кончается строгий режим, о предположительном сроке свидания, и еще одно грозное предупреждение о карах за невыполнение нормы.

Я стал готовиться к худшему. И, как всегда в такие минуты, обратился мыслями и чувствами к Богу. Ежедневная молитва уже превратилась для меня в духовную потребность, и мне было тяжело без нее. Но в карцер взять Сидур мне, разумеется, не разрешили. Молитву Шема Исраэль, по крайней мере ее первые строки, я запомнил наизусть от частого повторения и старался читать ее не только утром и вечером, но каждый раз, когда на душе становилось особенно тяжело. Но тут возникла еще одна проблема: ни шапки, ни кипы у меня в карцере с собой не было. В момент молитвы надо было чем-то покрывать голову. Я взял носовой платок, завязал по углам четыре узелка и использовал его как импровизированный головной убор. Сразу после подъема, как только закрывали нары, я подходил к окну, поворачивался лицом туда, где, по моим расчетам, должно было всходить солнце, покрывал голову платком и читал Шема Исраэль. Иногда повторял ее раз по десять, как мантру, и это действительно всегда помогало...

На сей раз, несмотря на два рапорта о нарушении дисциплины, мне не добавили нового срока, и 23 апреля я благополучно вышел из карцера. По еврейскому календарю это было 14 нисана, канун праздника Пэсах. Позднее, разговаривая с Й. Бегуном, я узнал, что как раз в это время он начал голодовку с требованием вернуть ему конфискованные на очередном обыске еврейские книги. Его посадили в карцер сразу после меня, на «пригретое местечко», если можно так выразиться. Меня поместили в камеру с Вазифом Мейлановым и Валерием Смирновым. В. Смирнов был сотрудником экономической миссии в ФРГ (так он сам, по крайней мере, говорил) и попросил политического убежища. Через некоторое время,

подавшись на уговоры жены и поверив клятвенным заверениям сотрудников посольства, что «Родина-мать все простит», В. Смирнов вернулся в СССР. С недельку ему дали погулять, а потом арестовали по ст. 64. Поскольку вернулся он довольно быстро, по западному радио не выступал, никаких политических заявлений не делал, а на следствии раскаялся и дал подробнейшие показания, то получил он только десять лет, из них, кажется, три года тюремного режима. Собеседник он был интересный, прекрасно знал английский, и вскоре мы с ним сошлись. Он помогал мне разбирать сложные места в книге рассказов Элинджера, которую мне в свое время подарил В. Сендеров. Американскую и английскую литературу он знал прекрасно и читал ее в оригинале.

На следующий день я вместе с новыми соседями отмечал Пэсах. Еврейский календарь у меня был. Еще весной 85-го, когда я сидел с Должиковым, тот показал мне еврейский календарь на несколько лет вперед, написанный в свое время Н. Щаранским и оставленный им в чистопольской тюрьме для тех евреев, которые там будут после него сидеть. Я сделал себе копию, и поэтому даты всех праздников были мне известны. На сей раз я отмечал Пэсах с особым настроением. Так совпало, что после трех зимних месяцев, которые я провел почти безвылазно в карцере, эти дни действительно стали днями моей свободы...

Вазифа Мейланова очень заинтересовал мой Сидур, особенно религиозный трактат «Поучения праотцев», который он нередко читал вслух, расхаживая по камере. Ему очень нравились короткие нравоучительные сентенции еврейских раввинов, из которых состоял этот трактат. Вообще, В. Мейланов очень интересовался иудаизмом и выражал мне явную симпатию. Но одно изречение вызвало у него резкий протест. Раби Яков говорил: «Тот, кто, находясь в пути, повторяет сказанное в Торе и отвлекается от этого, восклицая: “Как прекрасно это дерево! Как прекрасна эта пашня!” – уподобляется Торой тому, кто играет со смертью». Вазифа просто возмутило такое явное предпочтение книжной премудрости живой природе. Я слушал его монолог, и с ужасом убеждался, что в душе я с ним согласен. Разумеется, высказать это вслух я тогда не смел. Как и любой неопит, я принимал любое слово в только что обретенном учении как абсолютную истину в последней инстанции. Каково же было мое удивление, когда много лет спустя я обнаружил у Михи Бердичесевского зубодробительную критику этой сентенции, весьма напоминающую то, что в свое время сказал Вазиф Мейланов...

Апрель и май я отсидел довольно спокойно, даже мои «производственные показатели» на время перестали тревожить «недреман-

ное око» Калсанова. В конце мая меня перевели в камеру с В. Ельчиным и Лизунасом. Вскоре раздался стук в стену. Нашу камеру вызывали на связь «через кружку». Я взял кружку и пристроился к отопительной трубе. Какова же была моя радость, когда я услышал голос Й. Бегуна! На сей раз мы смогли пообщаться куда дольше, чем осенью. Разговаривали мы с интервалом 2–3 дня, всего раз пять или шесть. Я сразу сообщил Йосефу, что переданный через Алиева Сидур я получил. Йосеф и раньше знал об этом благодаря довольно частым перемещениям из камеры в камеру. Я подробно рассказал о своем деле, он рассказал о своем. Володя Ельчин попросил узнать у Бегуна, как обстоят дела у двух известных отказников, у Зелечонка и у Кошаровского, с которыми Ельчин был в свое время близко знаком. Йосеф сказал, что Зелечонка посадили, а Кошаровский на воле. Я рассказал, как прошли осень, зима и весна. Йосеф рассказал, что и его тоже в это время очень жестко преследовали и часто сажали в карцер. Тогда же он сообщил мне, что Натан Щаранский освобожден и выехал в Израиль. Во время наших разговоров надзиратели заглядывали в камеру и наверняка видели, что мы говорим «по кружке». Но они нам не мешали. Наверное, имели соответствующую установку. Думаю, Калсанову тоже было интересно подслушать, о чем мы говорим

Во время одного из разговоров Йосеф рассказал, что в тюрьме появился новый заключенный, некто Шмелев. Этот Шмелев был уголовник-рецидивист, который в какой-то момент решил стать «политиком», написал антисоветскую листовку, получил новый срок по ст. 70 и был переведен на политическую зону. Через какое-то время его перевели на тюремный режим и доставили в Чистополь. По словам Й. Бегуна, Шмелев в последнее время стал часто кричать в коридор, обливая грязью евреев и обвиняя их во всех бедах России и человечества. Йосеф предложил всем заключенным-евреям провести трехдневную голодовку протеста против антисемитских выкриков Шмелева. Евреев в тот момент в Чистополе было, насколько я помню, трое. Кроме меня и Й. Бегуна сидел там еще тяжелобольной М.А. Морозов. Йосеф сказал, что Морозов, а также Е.М. Анцупов примут участие в голодовке. Сам я криков Шмелева не слышал. Даже если заключенный кричит, подойдя вплотную к двери, его могут услышать только те, кто в коридоре, и те, кто сидят в ближайших камерах напротив. Разумеется, я решил эту акцию поддержать. В конце мая (27–29) мы объявили трехдневную голодовку протеста. 30 мая мне предъявили постановление на два месяца строгого режима. Опять потянулись голодные дни. Правда, немного выручал Лизунас, с которым я тогда сидел в камере. Сразу после

нашей голодовки Й. Бегуна перевели из соседней камеры, и мы больше «по кружке» не разговаривали.

По моим расчетам, 29 июля у меня кончались два месяца «строгого» и подходил срок свидания. Я написал об этом в письме домой. Обычно родственники политзаключенных письменно извещают администрацию, что собираются прибыть на свидание, но на сей раз мама решила сыграть ва-банк и приехала без предупреждения в тот день, который я как-то рассчитал (возможно, ошибочно). 29 июля она подошла к проходной чистопольской тюрьмы, предъявила паспорт, и попросила свидания. Ее попросили подождать, и через полчаса вынесли постановление о лишении свидания за невыполнение нормы выработки, подписанное сегодняшним числом.

Я, разумеется, ничего об этом не знал. В тот же день, 29 июля, мне предъявили постановление о лишении свидания за невыполнение нормы выработки, но ничего о приезде матери не сказали. Я понял, что произошло, только через пару дней, 2 августа, когда мне вручили письмо от мамы. Хотя письмо из Чистополя пришло в тюрьму сразу же, в день отправки, мне вручили его именно 2 августа, потому что 1 августа, в начале месяца, я отправил свое очередное письмо, которое писал, ничего не зная о мамином приезде. Я сразу обратил внимание на чистопольский штампель, и у меня сердце упало. В письме мама рассказала, что с ней говорил сам начальник тюрьмы (Ахмадеев) и очень жаловался на мое «плохое поведение», в том числе – на ношение кипы. Интересно, что в отношении главного моего преступления – невыполнения нормы выработки – Ахмадеев не сказал маме ни слова, по крайней мере, в письме она об этом не пишет.

Письмо было очень короткое. Мама не жаловалась ни на начальство, в этом случае письмо не прошло бы цензуру, ни на меня, хотя к этому ее явно подталкивали. Просто писала пожилая беззащитная женщина, которая ничего не понимала в наших «взрослых» «мужских» играх и которая оказалась в этих играх крайней и наказанной больше всех. Прочитав это письмо, я в первый и последний раз за весь срок по-настоящему заплакал. Унижало и бесило сознание полного своего бессилия. Маму цинично делали пешкой в игре против меня и заставляли ее страдать, можно сказать, у меня на глазах, а я ничего не мог предпринять.

Весь день 2 августа был просто в невменяемом состоянии, понимал, что надо как-то ответить на это свинство, но не понимал как. А 3 августа, сразу когда нас вели на прогулку, Шмелев стал громко кричать в коридор, что умер Марк Аронович Морозов. Я разобрал слова

«не оказали помощи», «убили» «голодовка» и много сочных эпитетов в отношении КГБ и тюремного начальства. На следующий день я объявил однодневную голодовку протеста против неоказания М. А. Морозову медицинской помощи. В тот момент я еще не знал, что в день смерти М.А. Морозова или сразу после того дня начали длительную голодовку А. Т. Марченко, Е. М. Анцупов и Й. Бегун.

Буквально в тот же день, 4 августа, мне принесли постановление еще на 2 месяца строгого режима. Вообще, заключенного можно переводить на строгий режим на срок от 2-х до 6-ти месяцев. Фактически я сталкивался только с двумя вариантами наказания: либо два месяца, либо шесть. Причем два месяца это, как ни странно, мера более суровая. Дело в том, что каков бы ни был срок содержания на строгом режиме, пониженное питание назначается только на первый месяц. Так что, получив шесть месяцев, заключенный как бы получает «гарантию» что пять месяцев подряд ему будут давать общую норму. Разумеется, помимо строго режима есть в распоряжении начальства еще и карцер, но это – само собой. Если же заключенный получает два месяца «строгого», то буквально через пару дней после перевода на общий его могут заново перевести на строгий режим. Таким образом, интервал нормального питания сокращается до месяца. Именно это со мной на сей раз произошло.

Каждый следующий месяц пониженного питания давался мне тяжелее, чем предыдущий. Надо сказать, что общей нормы хватало (мне, по крайней мере, хватало), чтобы не терять веса и не слабеть физически еще больше. Но восстановить вес, потерянный за время карцера или пониженного питания, на общей норме невозможно. С первых же дней я стал очень сдавать. «Хлебородного» Лизунаса в моей камере в тот момент уже не было. В коридоре во время прогулок было тихо, и я не имел ни малейшего понятия, что происходит даже в соседней камере. А в эти дни в чистопольской тюрьме уже развернулась самая отчаянная за все годы ее существования схватка между тройкой молодых, истощенных до предела, полностью изолированных от окружающего мира политзаключенных и мощнейшим репрессивным аппаратом, не гнушавшимся никакими формами пыток и давления, чтобы сломить непокорных.

В середине августа ко мне в камеру вновь перевели Лизунаса. Он рассказал мне, что 4 августа Й. Бегун, узнав о смерти М.А. Морозова, начал длительную голодовку. Йосеф и раньше рассказывал мне, что у него постоянные конфликты с администрацией, которая не передает ему с воли книги на иврите. Он упоминал, что планирует начать голо-

довку с требованием разрешить ему получать с воли книги и учебные материалы на иврите. Я был потрясен этим известием. Из разговоров с Йосефом я знал, что зима и весна у него были очень тяжелыми, не легче, чем у меня. И все же он нашел в себе силы начать голодовку протеста! Я подумал, и решил, что мне тоже нельзя оставаться в стороне. 17 августа я написал заявление о том, что лишение меня свидания состоялось фактически задним числом, поскольку в момент подписания постановления моя мать уже находилась в здании тюрьмы. Я заявил, что протестую против этого незаконного решения, требую немедленно предоставить мне свидание и объявляю голодовку, впредь до удовлетворения этого законного требования. Подумал и добавил требование получать литературу на иврите. Разумеется, и то и другое требование были чисто декларативными. Я не очень рассчитывал на их удовлетворение. По сути, моя голодовка была голодовкой солидарности, голодовкой протеста, голодовкой отчаяния, если хотите...

Первые дни голодовки прошли довольно легко, намного легче, чем я ожидал. На третий день появился обычный «синдром голодающего», постоянный озноб, прерывистое, неровное сердцебиение (тахикардия), одышка при малейшем усилии, особенно при спуске и подъеме по лестнице. Интересно, как организм сам адаптируется к любым изменениям внешних условий. Через неделю я вдруг заметил, что все движения у меня совершенно как у старика: медленные, очень плавные, осторожные. Замедлился шаг, движения рук и даже головы. Я уже не мог просто лечь на койку. Сначала присаживался, потом медленно поворачивался, наклонялся и осторожно выпрямлялся лежа.

При этом внутреннее состояние было достаточно комфортным. Острое чувство голода исчезло дней через десять. После этого о еде почти не думал, это было какое-то легкое, приподнятое, эйфорическое состояние, мое тело, которое столь навязчиво предъявляло свои требования в карцере, да и на пониженном питании строго режима, как бы задремало, уступило без спора пальму первенства душе. От холода я не страдал. Хотя вскоре появился обычный озноб голодающего, но теплая телогрейка от него вполне спасала, благо август был теплый. Я много читал, ходил на прогулку, продолжал йоговские упражнения, а первые дни даже вязал пару сеток про запас (разумеется, не сдавал ничего). Еду мне заносили в камеру, три раза в день, и через два часа выносили. Первые дни запах еды очень раздражал, и я с нетерпением ждал, когда ее вынесут, но потом и это прошло. Любопытно, что дней через восемь мне стали заносить пищу по полной норме, а не по пониженной, но я даже не сразу это заметил.

Со второго дня меня оставили в камере одного, и я просто наслаждался этим. Вообще, мы часто говорили с соседями об одиночном заключении, никак не могли взять в толк, почему оно считается наказанием. Мы все были измучены необходимостью 24 часа в сутки общаться с одними и теми же соседями, жаться в крошечной камере, постоянно мешая друг другу и друг друга раздражая. Каждое движение и каждое слово надо было тщательно взвешивать, чтобы не наступить, так или иначе, соседу «на большую мозоль», самому того не желая. Но и самое осторожное поведение не всегда помогало, как я уже писал. Тот же Лизунас говаривал: «Одиночка? Да это же награда, а не наказание. Я бы только радовался, если бы посадили одного». И я так всегда думал. И вот настали блаженные дни моего одиночества. Первые дни я запоем читал, радуясь, что никто не отвлекает меня своей пустой болтовней от этого осмысленного и полезного занятия. Через неделю появилось какое-то легкое чувство дискомфорта, которое я сам не мог себе объяснить. Через две недели я, наконец, понял, в чем дело: страшно хочется с кем-то поговорить. Вообще, я человек предельно необщительный. Могу по неделям ни с кем слова не сказать. Что такое «дефицит общения» знаю только в теории. Да и дефицита уж такого не было! Книги, газета, радио – все осталось, как было. Но вот понял наконец, что всего этого мало, что мне нужно именно *говорить*. То ли особая эйфория голодающего сыграла роль, то ли четыре стены тюремной камеры – не знаю. Во всяком случае, ни до, ни после я подобного чувства не испытывал.

В начале сентября, кажется, 5-го, меня отвели в карцер на десять суток. Всю теплую одежду с меня сняли, включая теплое белье. Оставили трусы и майку, и ту серую холстинку, которую они называют «одеждой единого образца». А тут, как назло, резко похолодало. Вообще, в Татарии климат сугубо континентальный, теплая погода может смениться пронизывающим ветром и дождем буквально за день, что и случилось на сей раз. Топить, разумеется, еще не начали, так что попал я аккурат в карцерный «мертвый сезон» (в буквальном смысле слова). Хотя градусника в карцере не было, но о температуре можно было судить по тому, что все офицеры и надзиратели ходили в шинелях.

И вот тут начался настоящий кошмар. Озноб голодающего, который я как-то приглушал теплой одеждой, дал себя знать в полную силу. Через четверть часа меня буквально сотрясала крупная дрожь. Если раньше я спасался в карцере от холода беготней и прыжками, то теперь у меня и на это сил не было. Методом проб и ошибок я нашел новый способ. Я весь как-то поджимался, напрягался и начинал тру-

сильно из угла в угол меленькими шагами, подрагивая и сотрясаясь всем телом. Это немного помогало, через несколько минут такой тряски дрожь утихла, но зато сердце колотилось уже где-то в горле, дыхание срывалось, и я просто валялся в угол, ловя ртом воздух, как рыба. Благо надзиратели на это внимания не обращали.

Через несколько минут дыхание опять восстанавливалось, но зато дрожь начиналась с новой силой. Я вскакивал и начинал труситься по камере.

Ночью было еще тяжелее. Хотя на ночь открывали нары, но толку от этого было чуть. Я ложился, проваливался в какой-то мрак, но скорее опять вскакивал и начинал труситься по камере. Скоро я понял, что критически важна первая секунда после пробуждения. Во сне организм расслабляется, биение сердца замедляется, пульс тоже, и обычно, проснувшись, человек еще какое-то время остается в этом расслабленном состоянии. Кто – минуту, кто – несколько минут, а сибариты и по полчаса, по часу. Но именно в этом расслабленном состоянии субъективное ощущение холода особенно сильное. И если полежать так на нарах несколько секунд, то начинается совершенно жуткий озноб, и согреться потом практически невозможно. Но если сразу, в первую секунду, мгновенно вскочить, и сжаться в комочек, и начать труситься, то озноб будет не такой сильный. Так что просыпался я в некотором смысле уже на ногах. К тому моменту, когда дневное сознание полностью включалось и я понимал, кто я и где нахожусь, мои ноги уже носили меня из угла в угол, а руки крест-накрест охватывали грудь.

Если в феврале, во время четвертой своей «пятнашки», я вскакивал раз пять-шесть за ночь, то теперь это повторялось десятки раз. В одну ночь я попробовал считать, дошел до десяти раз и сбился. Сколько часов я спал за ночь, сказать трудно, но, наверное, немного. На место некоторого эйфорического подъема первых недель прошло какое-то сумеречное, полусонное-полубредовое состояние. Я уже не считал суток, не замечал почти смену дня и ночи. Мне казалось, что я уже годы сижу в этом каменном мешке и мотаюсь трусцой от стенки к стенке.

Единственным спасением был кипяток. Сколько я его выпивал за сутки, сказать трудно. Кружек пять-семь точно. Но и тут были свои сложности. Бачка в камере не было, и кипяток каждый раз давал в кружке надзиратель. Но надзирателю скучно, а тут вдруг такое неожиданное развлечение: ошалевший от голода и холода человек за решеткой. Да к тому же чего-то постоянно просящий. Голос у меня к этому времени уже сел. Я мог или шептать, или пищать фальцетом. И вот подхожу я к кормушке и прошу шопотом: «Начальник, дай кипяточ-

ку!» А он переспрашивает, как будто не слышит. Я пытаюсь шептать погромче. Он опять не понимает. Мне приходится пищать фальцетом. Тут он, широко улыбаясь, приносит вожделенную кружку кипятка.

И хотя я суток не считал, но начальство мои сутки отсчитало точно, и с утра 15 сентября мне принесли новое постановление. На сей раз – «пятнашку». Это меня прямо подкосило. Но сюрпризы в этот день не кончились. Через пару часов меня отвели в баню. Разумеется, из карцера в баню не выводят, но я по неискоренимой своей наивности решил, что мне сделали исключение, как голодающему. Тем более что была пятница, «банный день» в Чистополе. В бане я на полчаса избавился от непрерывного озноба и вернулся в камеру довольный таким подарком судьбы. Даже вздремнул после этого немного, но вскоре озноб дал себя знать. И вот ковыляю я, как обычно, из угла в угол, стараясь удержать остатки банного тепла, а дверь камеры открывается уже третий раз за день...

Трое надзирателей, у одного поверх шинели белый халат. Я сразу понял, что предстоит принудительное кормление. Открыли нары, посадили меня. Двое сели на колени придержали руки и зафиксировали голову. Я попробовал напрячь силы, но даже слабого движения ни руками, ни головой сделать не мог. Третий, в халате, достал роторасширитель. Это такое устройство для раздвигания зубов. Две деревянные пластинки, сужающиеся к концу почти «в ниточку» и винтовая резьба между ними. Узким концом пластины всунули между зубов. Я пытался крутить головой и двигать челюстями, чтобы пластины не попали точно между зубов, но это не очень-то помогло. Вскоре я почувствовал что мои челюсти начали раздвигать рычагом, вдвигая с каждым поворотом роторасширитель немного глубже, так, чтобы язык был прижат к нижнему нёбу. Потом вдвинули в горло шланг и стали вливать пищевой раствор. В общем, удовольствие ниже среднего. Тем более что обычно я дышу ртом, а тут рот у меня забит полностью, хватаю воздух носом, чуть не задохнулся. Еще раз убедился, что все в этом мире относительно. В Лефортово, где меня кормили через нос, я потом еще часами не мог от боли шевельнуться. Кормление через рот само по себе не очень болезненно, процедура скорее унижительная, чем мучительная.

После кормления они открыли в карцере нары и уже больше не закрывали. Приятное тепло разлилось по телу буквально через пару минут, я лег на нары и провалился в сон, как-то устроившись на спине. Лежать на голых нарах боком было невозможно, берцовые кости выпирали наружу и причиняли сильную боль, если я пытался лечь бо-

ком. На следующий день меня накормили еще раз. Я сопротивлялся уже намного слабее. Во-первых, поступление пищи «разбудило» дремавший около месяца желудок. Проснулся поистине волчий аппетит. Но я подозреваю, что была и другая причина....

Когда на следующий день, 16 сентября, дверь в камеру открылась и я увидел знакомую тройку надзирателей, до моего слуха донесся вопрос, вполголоса брошенный одним из них своему напарнику: «А кто супчик солил?» Так же вполголоса тот ответил: «Соня, все в порядке!» Я сразу удивился двум деталям. Во-первых, полной несообразности вопроса: ну не все ли им равно, какую смесь они заливают мне в желудок – пресную или соленую! Во-вторых: ну при чем тут Соня? Про Соню я много слышал от своих соседей по Чистополю, это была медсестра, единственная из штата медпункта, имевшая постоянный пропуск в политическое отделение и фактически единственная лечившая политзаключенных. Кроме зубных врачей, изредка нас посещавших, в политическое отделение никто из медиков не заходил. Если уж заключенному становилось совсем плохо, его этапировали в тюремную больницу, в Казань, и лечили там. Про эту Соню говорили, что она не только и не столько медик, сколько сотрудник КГБ. Почему за кулинарные изыски должна отвечать именно она? Сопоставив все эти детали, я пришел к выводу, что мне в питательную смесь добавляли психотропные средства.

С этим приемом я столкнулся не в первый раз. Психотропные средства мне подмешивали и на допросах в Лефортово. На первом допросе – во всяком случае... Не могу сказать, что мое психическое состояние так уж сильно изменилось после начала принудительного кормления. Меня по-прежнему мучил холод, но иногда сонливость его побеждала, и я засыпал, довольно крепко, на несколько часов. Появилась какая-то расслабленность, полное равнодушие в своей судьбе. Впрочем, все это вполне можно объяснить и нервно-психической реакцией на возобновление приема пищи на фоне предшествующего психического и физического истощения...

В воскресенье принудительного кормления не было, в понедельник оно повторилось еще раз, а во вторник ко мне в камеру зашел новый отрядный (фамилию не помню) и заговорил о снятии голодовки. Он говорил и о возможности свидания, и о передаче еврейских книг, но в такой общей и неопределенной форме, что ни говоривший, ни слушавший серьезно к этим обещаниям относиться не могли. Внимательно глядя на меня, он произнес одну довольно странную фразу: «Вы ведь, Михаил Германович, наверное, теперь не один сидеть будете?..» Но я на эту фразу не обратил внимания. И, хотя все обещания

были очень расплывчатыми, я сказал, что с завтрашнего дня голодовку снимаю. Просто не было сил держаться дальше. Я полностью исчерпал свой моральный и физический ресурс.

Утром 20 сентября меня вывели из карцера и отвели в маленькую камеру, в двухместный «пенал». Это была самая последняя камера слева в политическом отделении. Как только меня туда завели, я сразу поразился, какая там жуткая грязь. Видно было, что в камере не убирали несколько месяцев. По всем углам, и на полу, и на нарах, и на батарее отопления были засунуты окурки. «Не иначе, Шмелев сидел», – подумал я. Через несколько минут отрядный принес мою телогрейку, и я, впервые за две недели, почувствовал величайшее блаженство тепла (точнее, отсутствия озноба). Я спросил, где мои вещи. Отрядный ответил, что вещи мне скоро принесут. Я попросил собрать вещи сам, поскольку надзиратели делали это очень небрежно, просто валили все в одну кучу, на одеяло, и волокли через коридор. Кое-что при этом могло и пропасть. Отрядный вроде бы согласился. Но вот через пару часов он опять зашел в камеру и сказал, что никак не получается, чтобы я сам собирал вещи. Я не обратил на это внимание, махнул рукой и сказал, чтобы несли уж поскорее. Но вещи принесли только после обеда.

А когда я начал их разбирать, меня ожидал приятный сюрприз. В карманах и швах одежды, в неприметных уголках тумбочки я обнаружил несколько записок от Йосефа Бегуна. Оказалось, что его вывели из карцера сразу перед тем, как посадить туда меня, и сразу перевели в мою камеру. По тетрадке со словами на иврите и по письмам он тут же догадался, кто сидел в этой камере до него, и догадался, что я тоже в голодовке, в карцере. И начал со мной заочную переписку. Он описывал свое дело, рассказывал о сыне, о том, как сидел в Перми. Были и записки о еврейской истории, о языке иврит. Помню, что Йосеф писал про Йохана бен Заккая (я тогда впервые увидел это имя) и советовал брать с него пример в умении достигать компромисса с властями, даже ценой тяжелых уступок...

Йосеф подробно объяснял свои требования на голодовке: он требовал права получать еврейские книги с воли, права заниматься ивритом. Но особенно тронуло меня, что наряду с другими требованиями было и такое: заключенные-евреи имеют право сидеть вместе, в одной камере. Поскольку к тому времени евреев в Чистополе осталось только двое, речь шла о том, чтобы соединить в одной камере его и меня. Именно это требование он считал самым главным. Наконец, мне попалась на глаза записка, что КГБ готово ему уступить по всем требо-

ваниям, остался только вопрос о нашем соединении в одной камере. Этот вопрос местное ГБ не может решить самостоятельно, но они обещали ему созвониться с Москвой и намекнули на то, что есть все шансы на положительный ответ. И вот последняя по времени записка, сегодняшняя: требование свести нас в одной камере отвергнуто, и он решил продолжать голодовку.

Когда я прочитал эту записку, у меня просто в глазах потемнело! Все события последних дней стали мне понятны! Так вот почему КГБ было так важно именно в эти дни во что бы то ни стало вывести меня из голодовки! Они считали, что этим ослабят волю Й. Бегуна и им легче будет его сломить. Я почувствовал себя просто штрейкбрехером. Первый мой импульс был немедленно начать голодовку снова.

Помню, что и в Барашево, когда я снял свою восемнадцатидневную голодовку, у меня мелькнуло через пару дней такое желание. Но на сей раз оно было намного сильнее. За месяц организм как та цыганская лошадь из анекдота, полностью «отвыкает» от пищи. В камере я очень страдал от холода, а если бы не это, то само по себе медленное угасание от голода вряд ли бы стало такой уж непереносимой мукой. Мой дух как бы полностью подчинил тело, оно медленно «засыпало», дух как бы постепенно освобождался от брэнной оболочки и приближался к своему вечному Корню и Источнику. Правда, это было странное состояние, отчасти – эйфорическое, отчасти – замутненное, но удивительное по яркости эмоционального переживания. А после начала кормления тело как бы «проснулось». Я опять почувствовал свой желудок, свои почки и кишки. Сильнее забилося сердце, ровнее стало дыхание. Но самое удивительное, что все это не радовало, а скорее раздражало. Какой-то голос говорил: «Дурак!!! Ведь ты уже был почти “там”! Тебе было очень трудно туда идти, но ты почти дошел! Ну зачем, зачем ты вернулся!» На сей раз это чувство усиливалось и вполне рациональными основаниями: поддерживать товарища. Полдня я буквально разрывался между желанием вернуться в голодовку и мыслью о маме, которую я все-таки надеялся увидеть, хотя и понимал, что отрядный мне врал. Наконец я взял лежавшую с утра на столе пайку и впервые за 34 дня откусил кусок своими зубами. Голодовка закончилась.

Пайка, которая раньше с трудом утоляла голод, показалась мне огромной. Я съел треть пайки и кашу и понял, что не могу проглотить более ни кусочка. Меня это сильно удивило. Но уже через час я был намного голоднее, чем до того, как поел. Вторую треть сжевал не запивая, чтобы медленнее глотать. И опять ощущение переполненного

живота, вот-вот лопнет, а через час – волчий голод. Ничего удивительного в этом, конечно, нет: за время голодовки желудок сжался до предела, и теперь каждый новый проглоченный кусок его немного расширял. Я впервые понял буквальный смысл поговорки: чем больше ешь, тем больше есть хочется. На мое счастье, самый опасный этап голодовки, а именно выход из нее, проделали, можно сказать, за меня. На принудительном кормлении и желудок, и кишечник уже начали восстанавливаться. И хотя пищеварительная система доставила мне еще много неприятных моментов, никаких серьезных отклонений не было.

Один только весьма слабый жест солидарности я себе позволил. На второй день, когда меня вели на прогулку, я рванулся к дверям камеры, где сидел до карцера и где, как я понимал, должен был находиться Й. Бегун, заглянул в глазок и, увидев в камере средних лет еврея, окончательно убедился в своей правоте. Я громко крикнул: «Йосеф, я снял голодовку!» Ошалевший от такой наглости надзиратель не сразу среагировал, но через секунду взял меня быстрым и аккуратным жестом за плечо и, как перышко, развернул назад, в сторону моей камеры. На этом моя прогулка в тот день закончилась. Ни рапорта, ни наказания не последовало. Решили, наверное, что я просто не в себе. Пожалуй, были правы...

Первые три дня я сидел один. Пайки мне явно не хватало. Выручали бульонные кубики, которые мама прислала в бандероли. Бульонные кубики вообще-то присылать нельзя, но матери и жены заключенных научились обходить этот запрет. Кубик разминается, к нему добавляется немного муки, и из него лепится плоский кружок, по форме и по размеру напоминающий шоколадное печенье, которое передавать можно. Десятка два таких печений я получил в бандероли, еще когда сидел с В. Мейлановым и В. Смирновым. По совету В. Мейланова, я их сохранил «на черный день», и вот они пригодились. Я брал миску теплой воды, растворял половинку такого «печенья» и выпивал чуть ли не каждый час. Это помогало как-то приглушить голод.

Именно в это время я познакомился со Шмелевым, вернее, с его творчеством. Через окно мне хорошо был слышен хриплый, распевно-театральный и манерный голос, столь характерный для уголовников с «многoletним стажем». Владелец голоса сидел, вероятно, в камере напротив и кричал в окно торцовой стены, поэтому его слушателями кроме меня были только обитатели торцовых камер на первом и на третьем этаже. По ритму речи я сразу понял, что это стихи, а десятикратное повторение помогло мне разобрать и отдельные слова:

Представить Рейгана к награде –
Вот моя просьба и призыв.
За прогремевший вновь в Неваде
Очередной подземный взрыв.

Было и что-то об американских налетах на дворец Муамара Каддафи. Помню только последние две строчки:

Но мало этих мне пожаров!
Таких бы надо сто ударов!

Шмелев имел одно странное хобби: он мгновенно, практически в день публикации, реагировал на все международные новости, опубликованные в «Правде», причем реагировал в форме бойких просторечных четверостиший. Именно ему принадлежит первенство в том жанре, в котором так прославился последнее время Дмитрий Быков. Более того, когда я впервые с творчеством Д. Быкова познакомился, я подумал: «Батюшки, да это же Шмелев!»

Дня три я просидел в «пенале» один, а потом меня перевели в камеру к Е.М. Анцупову. Это был человек удивительного мужества, убежденный диссидент и глубокий, самобытный мыслитель. Он много и увлеченно рассказывал мне о своей жизни в Харькове, о том, как он пришел к новым историко-философским идеям и начал их распространять, о написанных им книгах. Не могу сказать, что все его идеи мне так уж понравились, но глубина и яркость историсофских обобщений вызвали искреннее уважение. Е.М. Анцупов был близко знаком с Корягиным и другими харьковскими диссидентами. И только от Анцупова я узнал, что же на самом деле происходило все это время в чистопольской тюрьме. Узнав о смерти М.А. Морозова, А.Т. Марченко, Й. Бегун и Е.М. Анцупов начали 3 августа голодовку. У каждого были свои требования. А. Марченко потребовал от советского правительства освобождения всех политзаключенных. Как показали последующие события, он этого действительно добился, хотя и не дожидаясь своей победы. Е.М. Анцупов был в течение года с лишним практически лишен переписки. Все его письма, не исключая и чистые листы бумаги, вложенные в конверт, регулярно конфисковывались. Он объявил голодовку с требованием предоставить право переписки.

Е.М. Анцупова сразу посадили в карцер и держали там до 18 августа, когда он снял голодовку. Но 17 августа начал голодать я. Это было, разумеется, чистое совпадение, но производило впечатление хорошо

организованной «цепной» голодовки. Скорее всего, именно так КГБ это и воспринял, чем и объясняется повышенное внимание ко всем участникам этого события. Бегуна посадили в карцер сразу, как только вышел Анцупов, и держали там до 3 сентября. Затем настала моя очередь. Из этого рассказа я понял, что не только Й. Бегун, но и А. Марченко продолжают голодовку.

Через какое-то время мы смогли сами в этом убедиться. Время в тюрьме, надо сказать, можно довольно точно определить по тому, что творится в коридоре. В шесть начинают хлопать кормушки. Это раздают завтрак. В семь начинают хлопать двери. Это прогулка. Последнюю камеру выводят где-то в 7.20. В восемь начинают, и к половине девятого заканчивают приводить людей с прогулки. В это время перестают хлопать двери. И вскоре начинают хлопать кормушки: принимают письма и заявления. В девять-полдесятого опять пару раз хлопнет кормушка – это раздают лекарства тому, кому прописаны. А с десяти до одиннадцати – «мертвый час», в это время в коридоре ни звука. И вот мы с Анцуповым через какое-то время заметили, что именно в это время ежедневно повторяются одни и те же звуки: открывается дверь одной из камер (похоже, самой дальней, двухместного «пенала») и раздаются по коридору странные шаги. Между шагами очень большой интервал, так медленно не могут ходить ни надзиратели, ни заключенные. Кажется, что идет столетний старик, который еле волочит ноги. Затем опять хлопает дверей одной из камер, и на какое-то время наступает тишина. Потом все повторяется снова: дверь – шаги – дверь. Анцупов сказал, что это водят на принудительное кормление в кабинет отрядного А. Марченко. Отдельного медпункта в нашем крыле не было. Когда мне лечили зубы, то водили в общий медпункт на третьем этаже. А когда я один раз записался к врачу по поводу отеков, то фельдшер принимал меня в кабинете отрядного. Вероятно, именно там и происходило принудительное кормление А. Марченко, по крайней мере до тех пор, пока он мог ходить...

Итак, меня и Е.М. Анцупова, одинаково ослабленных голодовкой, посадили вместе, чтобы соседи не могли делиться с нами пищей. К тому же у Анцупова не было ларька, так что мой и без того скудный (3 руб.) ларек делился пополам. Евгений Михайлович очень меня опекал в первые дни, объяснял, что и в какой последовательности мне можно съедать из тюремного рациона. Помню, что он доставал мне овощи из супа и я съедал их отдельно, через пару часов после обеда.

Пищеварительная система восстановилась быстро, но вообще-то я чувствовал себя очень плохо. Появился сильный отек. Глядя утром

в зеркало, я видел совершенно заплывшую физиономию с двумя узкими щелочками глаз. Через пару часов отек стекал в нижнюю половину тела. Лицо становилось нормальным, зато ноги разбухали как колоды. На прогулку я надевал сапоги без портянок, и то с трудом. Как-то посмотрел на себя в бане: руки – две спички, ключицы и все ребра наружу, а ниже – две огромные колоды, которые я с трудом отрывал от пола. Отрядный пару раз язвительно бросил: не думайте, эти голодовки вам даром не пройдут. И он был прав: тахикардия стала еще сильнее, когда я снял голодовку. Приходилось по несколько минут переводить дух даже после небольших физических усилий. По ночам, часа за три до подъема, просыпался от жуткого озноба, который начинался где-то в районе между лопатками и охватывал все тело. Наваливал на себя все теплые вещи, но согреться не мог. Через пару часов озноб проходил сам. И после завтрака, и после обеда неудержимо тянуло в сон. Ложился на кровать и засыпал на час-полтора, благо надзиратели не придирались.

Так или иначе, я постепенно возвращался к рутине тюремной жизни. Приближалось 30 октября. Мы с Е.М. Анцуповым твердо решили, что будем в этот день голодать, чего бы это нам ни стоило. Но до того случилось совершенно неожиданное событие. 26 октября нас вызвали на связь через унитаз. Я быстро откачал воду и услышал: «Говорит Сергей Григорьянц. Кто на связи?» Я назвал себя. «Я сижу в одной камере с Бегуном, – продолжал Григорьянц. – Бегун просил вам передать, что, как он думает, его с вами скоро соединят». Я в тот момент не очень поверил, что это возможно, но Йосеф был прав.

На следующий день меня вызвали с вещами, и через минуту я стоял на пороге камеры Й. Бегуна. Моей радости не было предела. Мы обнялись и стали говорить наперебой, не умолкая. Без преувеличения скажу, что следующие три дня были самыми счастливыми днями в моей жизни. Каждый старался побольше рассказать о себе, о своем деле, о семье, о том, как прошли годы на зоне и в крытке. Но больше всего меня заинтересовало, как же развивались события после 20 сентября.

Как Йосеф и писал в последней своей записке, голодовку он продолжил. Его главное требование по-прежнему было: соединить нас в одной камере. Но на это КГБ не хотело идти ни в коем случае. В чистопольскую тюрьму не раз приезжали гебисты из Казани, велись постоянные телефонные переговоры с Москвой, но никто не хотел взять на себя такую ответственность. Прецедента такого еще не было, чтобы двух заключенных сажали вместе по их желанию. И все же Й. Бегун своего добился. 26 октября ему твердо обещали, что нас сведут вместе.

Йосеф начал с первого же дня заниматься со мной ивритом и был очень настойчивым и терпеливым преподавателем. Мне, конечно, никакой иврит тогда в голову не лез. Был как во сне, все не мог поверить, что это чудо произошло. Йосеф сразу сделал мне кучу подарков: иврит-русский словарь Шапино, пару книг на иврите, кое-что из одежды, белья, канцелярские принадлежности. Мы с Йосефом договорились с тех пор отмечать 27 октября как наш личный праздник.

Но вот пролетели три дня, и настало 30 октября. Голодать или нет? Йосеф был категорически против. Было очевидно, что нас после этого сразу разведут. Слишком много сил он отдал этой цели – сидеть со мной, и ему было обидно, что я из своей пустой принципиальности так легко готов всем этим пожертвовать. Опять вспомнил про Йоханана бен Заккая (объяснил мне, кто это), но, надо отдать ему должное, последнее слово он оставил за мной. Мне тоже было не просто решать. Это самая тяжелая для меня дилемма: общий принцип, в который свято веришь и ради которого принес немалые жертвы или интересы конкретного человека. И редко когда эта дилемма вставала передо мной с такою остротой. Я понимал, что Йосефу будет не очень приятно, мягко говоря, лишиться результатов своей восьмидесятидневной голодовки через три дня... Но я знал, что кроме нас с Анцуповым в Чистополе никто голодать не будет. Я знал, конечно, что где-то в соседней камере продолжает свою беспримерную голодовку А. Марченко. И после долгих сомнений я решил, что солидарность заключенных важнее чьих бы то ни было личных интересов. 30 октября я объявил голодовку.

В тот же день меня отвели в карцер. Дали только 5 суток. <...>

В один из дней в начале ноября, мне показалось, что чего-то не достаёт в обычной тюремной рутине. Я прислушался в десять часов - тишина. До обеда – ни одного движения в коридоре. На следующий день – то же. И на третий день, и на четвертый... Что с А. Марченко? Снял голодовку?.. В больнице?.. Продолжают принудительно кормить, не выводя из камеры?.. А может?.. Мы с Е. Анцуповым подумали над разными вариантами, но ни к каким выводам не пришли.

9 декабря С. Григорьянц громко закричал в коридор: «Я требую от начальника тюрьмы Ахмадеева объявить, где сейчас находится А. Марченко. Я знаю, что несколько дней назад его увезли в больницу, и администрация не дает никаких объяснений, где он. Я завтра объявляю однодневную голодовку». На следующий день, 10 декабря, я тоже объявил голодовку, указав в заявлении, что кроме обычной даты дня прав человека на сей раз голодовка связана с тревогой за судьбу А. Марченко. В этот день никто меня не беспокоил, а завтра,

11 декабря, неожиданно открылась дверь, и в камеру зашел отрядный. Вообще, это было нечто из ряда вон. Никогда отрядный в камеру не заходил, по крайней мере - в те камеры, где я сидел, не заходил. Всегда вызывал к себе в кабинет. А тут вдруг заходит, присаживается на нары, закуривает и начинает расспрашивать о житье-бытье. Потом между делом говорит: «Ну, вы знаете, Марченко голодовку снял, три дня назад его этапировали в больницу, в Казань. Он, конечно, очень ослаб, но по коридору шел сам, мы его только поддерживали. Сейчас он лечится, поправляется понемногу». И о моей голодовке – ни слова, как и не было ее. Только на воле я узнал, что это была подлая ложь, и что А. Марченко умер 8 декабря. <...>

В соседней камере сидел С. Григорьянц, он иногда выходил на связь через унитаз, и до меня дошли некоторые удивительные известия с воли: я узнал, что А.Д. Сахаров вернулся в Москву, что Горбачев говорил с ним по телефону. С. Григорьянц предполагал и возможность каких-то изменений в нашей судьбе. Все это было отчасти не похоже на тот советский режим, который я с детства знал и от которого ничего хорошего никогда не ждал. Но всего этого было слишком мало, чтобы изменить традиционную зковскую установку по отношению к этому режиму: не верь, не бойся, не проси, которой я, по мере сил, всегда старался следовать. Никаких надежд у меня не было. Максимум послаблений, на который я рассчитывал, сводился к тому, что мне дадут еще год вязать по четыре сетки в день, а не заставят собирать часы.

Погода в январе стояла очень холодная. Температура опускалась до минус 38-ми. Хотя в камере топили, как обычно, на внешней стене иногда появлялась изморозь. Были дни, что А. Должиков и А. Бобыльков даже на прогулку не выходили. Мы с Лизунасом ни разу не отказались. Я понимал, что «кислородный паек» не менее важен для моего здоровья, чем хлебный.

23 января меня неожиданно перевели в одиночную камеру. Соседи, хотя и не знали, что ведут меня именно в одиночку, сразу заговорили о возможном этапе. Они к словам Григорьянца отнеслись серьезней, чем я. Тут А. Бобыльков и Лизунас меня просто растрогали. На дорогу они сунули мне мешочек с сухарями, насушенными из остатков пайки Лизунаса. Я вяло пытался отказываться, но голодный блеск в глазах говорил яснее, чем мои слова. До сих пор помню вкус этих сухарей, которые я начал грызть, как только оказался в новой камере. И помню, как ругал себя за свои слишком поспешные суждения о людях, которые хоть и отличались во многом от меня, но ведь сумели же «остаться людьми в месте, где нет людей».

26-го с утра мне сказали собираться на этап с вещами. Подумав, я решил вещи с собой не брать, за исключением минимума, на две-три недели. Ничего хорошего от этого этапа я не ждал. Сначала подумал, что везут в психбольницу, но потом от этой версии отказался: для помещения в психбольницу нужна медкомиссия, а меня ни один психиатр никогда не смотрел за все время срока. Единственная реальная версия, которая осталась, это «вывоз на профилактику по месту осуждения», т.е. в Москву. Про такие «профилактические» поездки я много слышал от других заключенных и решил, что настала моя очередь. Дольше трех недель они никогда не продолжались, и тащить с собой все вещи не имело смысла. Когда открылась дверь, я коротко сказал, что вещей у меня много, что скоро я сюда вернусь, что не имею ни малейшего желания мучиться на этапе с ненужной тяжестью.

После тщательнейшего обыска на вахте административного корпуса меня посадили в бокс. Вскоре я услышал голос В. Сендерова, который отчаянно спорил с охраной, не разрешавшей ему вывезти его математические записи, не прошедшие цензуру. Позже, в воронке, я узнал, что В. Сендеров своего добился и что записи ему вывезти разрешили. А еще позже, на воле, Валерий сообщил, что там были зашифрованные хроники тюремной жизни...

В «воронке» я сидел в отдельном «стакане» (в крошечном боксе, специально предусмотренном для изоляции того или иного заключенного во время этапа). Из соседнего бокса слышал голос В. Сендерова, а потом еще один незнакомый мне голос. Оказалось, что это был А. Смирнов. Всю дорогу до Казани (часа два) мы говорили, и довольно громко. Никто нам не мешал. Из моего «стакана» была хорошо видна щель наружной двери, а сквозь нее иногда мелькал тротуар, стена, чья-то нога на тротуаре. Больше всего меня поразило обилие ярких красок. Я ведь почти забыл, что есть на свете красный и желтый цвета...

В Казани нас, после нового обыска, сразу отвели в баню и на прожарку вещей. Затем посадили всех троих в отдельные камеры. Помню, камера мне досталась довольно большая, холодная и жутко, невообразимо грязная. Я сразу стал наводить там порядок и потратил на это большую часть трех дней, проведенных в Казани, так как мне заняться было абсолютно нечем. Ни библиотечных книг, ни моих вещей в камеру не давали.

В воскресенье вечером нас опять взяли на этап. До Москвы ехали все вместе, в узеньком трехместном отделении. Там уж мы наговорились всласть. Разбирали разные версии нашего этапа. Кто-то из моих

соседей (возможно, оба) уже знал о начавшемся освобождении политзаключенных. Во всяком случае, фразу «На женской зоне в Барашево никого не осталось» я помню хорошо. Я по-прежнему был пессимистом, мне казалось, что это обычная «профилактика» и не более того. В дороге были около полутора суток. Прибыли на Казанский вокзал, а оттуда на воронке в Лефортово.

Меня посадили в отдельную камеру, не успел я разобраться с вещами, как заходит полковник Петренко, начальник СИЗО. Я хорошо помнил его со времени следствия. Это он распорядился, чтобы во время голодовки меня принудительно кормили через нос. Похоже, что и он эту голодовку запомнил. Потому что сразу произнес своим обычным наставительно-солдафонским тоном: «Запомните, Ривкин! У нас в Лефортово такое правило: кушать все!!» Я объяснил, что именно этого я делать не могу по причинам кашрута. Он спросил, что именно из тюремного питания мне не подходит. Я сказал, что мясной суп или суп с комбижирами я точно есть не смогу. Он сказал, что эту проблему они решат. Не обманул, вместо супа мне давали в обед салат из свежей капусты с постным маслом. Но не мои диетарные изыски интересовали Петренко в первую очередь. Пытливо на меня глядя, он поинтересовался, что я думаю о причине нашего этапа. «На профилактику, наверное», – искренне ответил я ему. «Ну а если вас надумают освободить?» Я молчу. «Ну, в этом случае Ривкин, конечно, возьмет самый большой лом и сразу побежит разрушать советскую власть!» Я опять молчу...

По сравнению с Чистополем в Лефортово, конечно, сидеть полегче. Камеры чистые, ларек 10 рублей для всех, по крайней мере мне давали отовариться на десятку. Застал я там и много нового: баню отремонтировали заново, облицевали импортным кафелем, прогулочные дворики построили новые, на крыше корпуса, и водили нас туда на лифте. Но тюрьма, даже после евроремонта, остается тюрьмой, особенно для узника, которого уже подразнили свободой...

Дня через три меня вызвали в кабинет, в следственный корпус. Там меня ждал сотрудник Прокуратуры СССР. Без долгих предисловий он спросил: «Как вы отнесетесь к вашему освобождению?» – «Это зависит от того, что от меня потребуется в обмен», – ответил я. «Вы должны обещать, что не будете впредь заниматься противозаконной деятельностью». – «Ну, это меня, в общем, устраивает», – протянул я. Тут прокурор протянул мне письмо от Софьи Васильевны Калистратовой. С. Калистратова передавала мне приветы от мамы и бабушки и настоятельно просила ради них не отказываться от предложенного мне

освобождения. Она особо подчеркивала, что и Андрей Дмитриевич придерживается той же точки зрения.

Не могу сказать, что именно это письмо сыграло решающую роль в принятии моего решения. Я прочитал его уже тогда, когда решение было принято... Но некое внутренне облегчение оно, конечно, мне доставило. Тут же, в кабинете, я написал заявление: «Я никогда не совершал и не имею намерений совершать впредь какие-либо противозаконные действия. Прошу освободить меня от дальнейшего отбывания наказания и предоставить мне возможность немедленно выехать в Государство Израиль, на мою историческую Родину».

А дальше потянулись самые длинные сорок дней моего тюремного срока... И питание было хорошее, и хлеба давали немерено (я каждый день целиком буханку съедал), и библиотека знаменитая лефортовская опять была к моим услугам, а сидеть было тоскливо, сил нет. До конца я в свое освобождение все равно не верил, тем более что мои соседи продолжали настойчиво интересоваться и моим делом, и моими планами на будущее. Это очень напоминало мне обстановку во время следствия. Иногда думал, что ради этого и притащили меня в Москву. Только 5 марта, когда дали свидание с родными и я узнал, что сотни политзаключенных уже освобождены, я разрешил себе поверить, что досаживаю последние свои тюремные деньки.

17 марта, сразу после ужина, меня вызвали с вещами. Но ведь «с вещами» это может значить и в другую камеру. Но нет, ведут вниз, на вахту. Дают паспорт, справку об освобождении, деньги... Еще один пропускной пункт во внешних воротах... И вот первый шаг по вольной земле. Вернее, не шаг, а настоящий полет. Понял я в эту минуту, что крылья за спиной действительно могут вырасти.

Эти воспоминания основаны на материалах моего архива. Через несколько месяцев после освобождения я записал на магнитофон воспоминания о своем деле, о следствии и суде, о лагере и тюрьме. Краткий транскрипт той части записи, где рассказывается о тюрьме, был сделан моей матерью в 1988 году, рукопись хранится у меня. Для уточнения отдельных деталей и хронологии я использовал мои письма из Чистополя и письма моей матери, Инны Григорьевны Голубовской.

РУСЬ СИДЯЩАЯ

WWW.ZEKOV.NET

«Русь сидящая» ненавидит тюрьмы и зоны, не терпит несправедливости, оскорбления российских законов и граждан. **«Русь сидящая»** – это неформальное объединение родственников заведомо неправосудно осужденных людей и, конечно, самих пострадавших от незаконного преследования граждан. Это предприниматели и артисты, офицеры и поэты, доктора и учителя – те, кто не в силах отстраненно наблюдать за судебным произволом, ломающим сотни тысяч судеб наших соотечественников, за равнодушием прокуратуры, следственных органов и прочей опогоненной нечисти. Для них продажность стала нормой существования, а совесть, достоинство, гордость и честь – старомодными атавизмами. Они считают, что победили. Они уверены, что являют собой реальную российскую власть. Они убеждены в своей безнаказанности и неподсудности. Мы объединились для того, чтобы доказать им – это не так. Для того, чтобы вернуть нашей стране справедливый и независимый суд. Вернуть гражданам право на защиту и презумпцию невиновности. Заставить полицию и следственные органы ловить и изобличать преступников, а не выбивать из граждан незаконную ренту и обезжиривать предпринимателей. Заставить суды вершить правосудие, а не выполнять заказы. Заставить прокуратуру – надзирать за соблюдением законности, а не крышевать незаконный бизнес и обвинять всех, кто не заплатил, в совершении самых страшных преступлений. Заставить тюремщиков исправлять оступившихся, а не прессовать невиновных, помогая следствию добиваться показаний, цена которых бывает несовместима с жизнью.

Наша судьба не принадлежит вам. Пора прекратить геноцид против собственного народа, пора прекратить репрессии против самых талантливых и креативных российских граждан. Руки прочь от нашего будущего, продажные судьи и силовики должны остаться в прошлом.

Общая почта для обращений: rus.anketi@gmail.com

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 448
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: +7(495) 637-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.12.2004 г.
Номер подписан в печать 25.11.2014 г.
Отпечатано в типографии ИПЦ «МАСКА»

Тираж 2000 экз. Заказ №
Цена свободная